

350 дней под водой

**Из дневника участника Отечественной войны
капитана 1 ранга Лукьянова Ф.И.**

Вместо вступления

Как это часто случается, внешне как будто Отечественная война началась внезапно, неожиданно. Мы знали, что будем воевать, что фашистская Германия пойдёт на авантюру. Мы не знали одного: когда они нападут на нас. Они все продумали – даже день начала войны и её окончание. Ими всё было учтено и взвешено... Кроме одного – кроме беззаветной любви Советского народа к своему Отечеству Октября и партии Ленина. Всё выдержал советский народ и победил! Тогда мы победили не только немецкий фашизм.

В те годы мы нанесли сокрушительное, окончательное поражение мировому империализму, во главе с США в его планах уничтожения Советского государства.

Американский империализм готовит новую авантюру против нашей родины и стран социалистического лагеря. История не пошла им впрок, но пожар войны все ближе и ближе подходит к нашим границам. Мирный труд советского народа вновь может быть нарушен. И опять это будет внезапно. Поэтому мы постоянно должны держать наше совершенное оружие в боевой немедленной готовности, чтобы по первому слову “Война” раз и навсегда покончить с империализмом и над всем миром водрузить знамя коммунизма.

В дни Отечественной войны мною вёлся дневник боевых походов, в которых я лично принимал участие.

1941 год.

7.07. Досрочно закончили курсы помощников командиров ПЛПЛ в вместе с Коваленко, Фисановичем, Ковалевым и Галагоном. Завтра выезжаем в Полярное.

11.07. Сегодня прибыли в Полярное. В пути немецкие самолеты, в районе Кандалакши, пытались бомбить наш поезд. Отделались легким испугом, все вдруг почувствовали, что мы в самом деле вступили в войну. Из Полярного мы были направлены на курсы в свой родной город.

15.07. Получил назначение на ПЛ «К-21», но так как штат старшего помощника командира был занят другом офицером, временно начал стажировку в должности дублёра старшего помощника ПЛ «К-21», где командиром был Августиневич.

Газеты и радио объявляют о сдаче наших городов, об отступлении наших войск.

17.07. Насмотрелся на первые трупы моряков с попавшего в переделку бывшего рыболовного траулера (РТ), которые начали использоваться командованием флота для охраны водного района при входе в Кольский залив. Матросов и офицеров с разбитого и покалеченного РТ в количестве 15 человек штабелем сложили на пирсе. Смотреть на мертвых – радости мало. Оторваны руки, ноги, изуродованные тела.

Ночью РТ был подвергнут артобстрелу немецкими ЭМЭМ. Несмотря на численное превосходство, РТ вступил в бой, и этот бой вел в течение 2-х часов, пока не подошли на выручку наш ЭМЭМ. Немецкие ЭМЭМ не приняли боя и ушли в море.

После виденного на пирсе начал терять романтику войны. Думаю, чем всё это кончится? Когда и где мы остановим немцев, когда начнётся наше наступление?

Где же наше превосходство в самолётах, танках, артиллерии?? Многое пока неясно и непонятно.

Как стало известно из печати, вице-президент США Г. Трумен заявил в американском конгрессе: "Хвала господу богу, что немцы напали на советскую Россию. Пусть они больше уничтожают друг друга... Если будет трудно русским, мы поможем им, если русские начнут бить немцев – мы будем помогать немцам»...

Вступил в силу волчий закон капитализма. Они и здесь собираются наживаться на нашем горе, на вашей крови, на слезах наших жен и матерей.

18.07. Стоим на якоре в Оленьей губе. Начали отработку задач 1 и 2. Лодка новая, экипаж только что недавно прибыл на ПЛ. ПЛ в море еще не выходила и мы ни разу не погружались. Все эти вопросы отрабатываем. После «Малюток» ПЛ типа «К» производит неизгладимое впечатление красоты и мощи, при большом водоизмещении имеет скорость до 28-х узлов. На борту больше 20 торпед, 10 торпедных аппаратов. ПЛ может взять в специальную минно-балластную цистерну до 20 якорных мин. На палубе ПЛ и мостике установлено 4 орудия, из них два 100 мм и два 45 мм. Хочется снять шапку и поклониться за «чудо-ПЛ» её конструктору, которого я не знаю, и её создателям – судостроителям Ленинградского судомеханического завода. Внутри ПЛ простор, много воздуха, света. Длина ПЛ около 100 м. В первом отсеке можно, если выгрузить запасные торпеды, давать концерты, прокручивать кино для всего личного состава ПЛ. Особенно хорош дизельный отсек, где тебя поражает обилие светлых красок и устройств из нержавеющей стали.

Хорош командирский перископ. Таких у нас еще не было. Сидя в специальном кресле, можно, не меняя положения наблюдающего, поднимать и опускать перископ на любую высоту. Лодка способна, видимо, вести артбой с малыми кораблями противника и вести обстрел береговых точек из позиционного положения.

С удовольствием принял назначение и с рвением приступил к изучению устройства ПЛ. Командир дал на все мне две недели. Маловато! Но война не терпит промедления и в войне неумелым и незнающим, наверное, попадает всех более.

Опытом я уже давно установил, что любой матрос, любой старшина с удовольствием помогает мне в изучении ПЛ, если я обращаюсь к нему за помощью. Да так оно и должно быть, особенно на подводной лодке, где весь экипаж представляет одну семью, где незнание чего-то одного из членов экипажа может привести к аварии или к гибели ПЛ.

Командир ПЛ Августинович от всех требует, чтобы мы готовились плавать "без дураков", – есть на флоте такое выражение.

Настроение бодрое. «Скорее бы в море, в боевой поход» Скорее бы сдать все задачи и бить... и бить немецкого фашистского гада, прервавшего наш мирный труд.

Верю в вашу победу! И это дает силу, прилив энергии, желания в изучении ПЛ. В город увольнения с ПЛПЛ нет вообще. Все сидим на своих кораблях. Корабли и особенно ПЛПЛ рассредоточились по бухтам и губам. Жмёмся к крутым гранитным скалам. Все ПЛПЛ покрашенные в камуфляжную краску. По сигналу "Воздушная тревога" ПЛПЛ, где экипажи отработаны, производят срочные погружения и ложатся на грунт, под защиту слоя воды над корпусом ПЛ. Мы не отработали эти погружения и поэтому постоянно держим одно из 45 мм орудий в постоянной готовности к зенитной стрельбе. Несколько раз самолёты типа "Ю-38" бомбили Полярное, Екатерининскую гавань и соседние губы, а нам везет. Нас фашистские «асы» не замечают!? Видимо, мы удачно сливаемся со скалистым берегом!?

19.07. Лучше вчера бы я не хвалился. Сегодня в 15.00, после обеда, когда команда только что по-настоящему начала отработку задач по плану, и всё было спокойно, вдруг из-под солнца на ПЛ начали один за другим пикировать немецкие юнкерсы. Мы их насчитали 5, может быть и меньше, это мы уже потом решили, что 5. Били по самолётам из 2-х 45 мм орудий. На мостике шум команд, стрельба и некоторая растерянность. Самолетов много, и по какому из них вести стрельбу – задача! Все командуют, все указывают цели (разные), в результате самолеты сбросили на нас около 12 бомб и улетели без потерь.

Лодка повреждений не имела. Ближайшие бомбы рвались в расстоянии до 50 метров. Все сегодня глухие. Всего расстреляли 80 снарядов. Впервые я пожалел, что мы не можем погружаться. Всё же под водой гораздо спокойнее.

20.07. Интенсивный налет на Полярное «Ю-88». В небе тысячи разрывов зенитных снарядов. В результате налёта немецкие самолёты потопили в Екатерининской гавани ЭМ «Стремительный». Замечательно то, что зенитчики «Стремительного» повторили легендарный подвиг матросов «Варяга» – вели стрельбу по самолетам до ухода палубы и орудий в воду. И такой народ хотят победить! Никогда!

30.07. Все эти дни продолжали отработку задач погружения, всплытия и наиболее ответственную задачу – «срочные погружения». Это значит, что корабль около 2000 т водоизмещения должен на ходу (средняя скорость переходов – 12-14 узлов – это что-то около 20 км в час) за 55-40 секунд уйти в подводное положение. За это время необходимо переключить все системы управления ПЛ, открыть и закрыть сотни клапанов, кингстонов, провести сотни переключений технических устройств, принять многие сотни тонн воды в цистерны (чтобы погасить плавучесть и уйти под воду), и всё это сделать так, чтобы ПЛ сохранила управляемость и погружалась без аварийных кренов и дифферентов. Это практически значит, что весь личный состав должен не только знать технику, не только техника должна быть всегда исправна и в рабочем состоянии, но это значит, что организация действий личного состава должна быть такова, что все эти действия необходимо сделать не более чем за эти 30 секунд. Практически при средней скорости самолётов противника около 500 километров в час, обнаружение самолётов на дистанции до 5 км ПЛ имеет в своём распоряжении всего около 30 секунд для того, чтобы уйти под воду. Если ПЛ будет догружаться 1-2 и более минут, она будет уничтожена.

При срочном погружении такой большой ПЛ, как наша «Катюша» (так её любовно называют матросы), очень опасны большие дифференты. Если дифферент будет 5-6° на нос –

это еще неплохо, если больше – считай, что это уже аварийный дифферент и надо принимать меры к удержанию ПЛ.

Все это мы отработывали. Командир дивизиона Гаджиев принял от нас задачу с хорошей оценкой и разрешил нам выход в море для совершенствования отработки л/с.

Нам стало известно, что мы пойдём в учебный поход на 10-15 дней к Новой Земле. Никаких боевых задач нам не ставили. Это несколько обижает. Мне кажется, что мы сможем уже воевать по-настоящему. Непонятно, почему командование бригады нам не доверяет..? Чем мы хуже других? Да и командир у нас вам замечательный. Вместе с тем мы погрузили полный запас боевых торпед (?) Это, видимо, сделано на всякий случай. Не всё я понимаю! Видимо, не дорос. Лодку я изучил хорошо и, кажется, её знаю.

01.08. Первый выход в Баренцево море для отработки личного состава. Маршрут нашего учебного похода: Полярное-Колгуев-Вайгач-Югорский шар- Маточкин шар-Териберка-Полярное. В общем, впереди поход на Новую Землю. Мы сегодня все именинники. Настроение радостное. Немецкие ПЛ на нашем маршруте не ведут действий. Самолеты их пока дальше Мурманска и Полярного не летают. В общем, впереди должен быть спокойный, хороший учебный поход. Почему-то не ощущаю грусти при расставании с родными берегами. Видимо, желание воевать настолько большое, что не до переживаний, не до прощаний с родными берегами. Главное для нас сейчас – море в еще раз море. Только там, только в учебном походе мы по-настоящему отработаем, склотим наш дружный экипаж. Возможно, это желание скорейшего выхода в море определяет еще и отсутствие в Полярном семьи, которую я и все мы отправили к своим родственникам, подальше от войны, от её ужасов. Такое приказание об отправке семей было от командования флотом, и мы это приказание все выполнили. В этом решении есть мудрость не только сохранения семьи, но мудрость чисто военного порядка – освободить нас от семьи, от семейных забот и переживавший для полной отдачи себя войне.

2.08. 07 утра. Прошли ночью остров Кильдин. Берега Кольского полуострова скрылись за горизонтом. Море спокойное. Волн нет. Несу обязанности вахтенного офицера. На мостик вышел командир ПЛ капитан 3 ранга Августиневич. Доложил ему обстановку и разрешил выход личного состава на мостик после завтрака. На мостике обычная суэта. Ни самолетов, ни перископов не видно. Всё настраивает на мирный лад. Всё больше и больше скапливается "курцов". Выкурившие свои папиросы не торопятся уходить вниз – тянут время, спешат подышать морским воздухом. Перезаряжаю сигнальный пистолет. Случайно нажимаю на курок... и делаю выстрел прямо в ватные штаны командира ПЛ, стоящего ко мне вполоборота. Командир подпрыгивает, произносит «замысловатую речь» в мой адрес и мы все, в том числе и я, начинаем сообщать тушить начавшую тлеть вату. Забываем обо всём, смеёмся, шутим. Я, конечно, произношу слова извинения... и не понимаем в первый момент, что вдруг произошло? Вдоль корпуса ПЛ откуда-то цокот ударов пулемётных пуль и взрывы снарядов в воде. Все поднимаем головы и видим совершенно рядом, над головой, тушу огромного 4-х моторного немецкого дальнего бомбардировщика типа "Кондор", делающего над нами разворот для нового захода и повторения атаки.

Следуют команды: “Все вниз! Срочное погружение!” Почему нас сегодня самолет не потопил?! Уму не постижимо.

Нам просто повезло, что самолет, видимо, не имел бомб. Так оно и было. Как потом оказалось самолет возвращался после бомбежки Архангельска. К моменту начала обстрела самолётом на мостике скопилось 25-30 человек экипажа, и вся эта масса дружно бросилась к единственному рубочному люку, ведущему вниз, в лодку. Рулевые-сигнальщики ничего более умного не придумали, как стали вдруг пихать в плотную массу спускающихся вниз матросов свои раскладушки, прожектор, матюгальник, сигнальный фонарь, кису с флагом и даже полшубки. Они и не могли придумать ничего оригинального, чтобы еще плотнее забить пробку, образовавшуюся у рубочного люка. Сейчас проявленная ими хозяйственность

оказалась преступной. Все перемешалось – и люди, и вещи, и раскладушки... Мы с командиром стараемся во всю... Шумим, впихиваем людей и озираемся на самолет, который совершает уже 3-й разворот для атаки. Бомб по-прежнему нет?!

Наконец, все уходит вниз. Захлопывается люк и... никак не можем погрузиться. Отказала система вентиляции носовой группы цистерн главного балласта. Ушли под воду на глубину только через 15-20 минут после нападения самолета. Все эти тяжелые минуты ждали взрыва бомб. Такого счастья больше не будет. Кто-то из экипажа «родился в сорочке»! События на мостике явились той первой школой, которая доказала, что о противнике не следует забывать в любое время. С этого дня было запрещено выносить на мостик имущество рулевых-сигнальщиков и выход личного состава для курения, в количестве более чем 2-3-х человек.

Разрешено было курить только в рубке, а в ночное время вообще запрещено. Каждому выходящему курить поручался свой сектор наблюдения. Да и доклад сигнальщика сократили до «Самолет (перископ, корабль)» – с показом направления рукой и уходом сигнальщика вниз. До этого система доклада была действительно не продуманной (но зато так было заведено "командными словами").

Докладывалось, например, так: «Тов. вахтенный командир, справа по носу, 45°, в дистанции... (столько-то кабельтовых, на высоте столько-то метров, курсом таким-то) самолет (корабль)» и т.д. Пока выслушаешь доклад, пройдет уйма времени, и долго не понимаешь, кого тебе обнаружили сигнальщики? Война стала вносить свои корректуры в боевые наставления.

...Продолжаем переход в подводном положении, отрабатываем рулевых на горизонтальных рулях. Они сегодня рады этому и стараются во всю. Устранили неисправность в системе вентиляции носовой группы цистерн главного балласта. Свободные от вахты отрабатывают борьбу за живучесть, проводят учения на боевых постах.

В 12:00 обед и, впервые, 50 граммов водки перед обедом (потом эта норма была увеличена). Многие из вас этому радуются, меньшинство отказывается от водки. Некоторые матросы начинают собирать (копить) свою норму и планируют её практическое употребление с приходом в базу. Некоторые отдают свою водку другим, «другие» не отказываются. Спорим на эту тему. Я - в меньшинстве. Посмотрим, что будет дальше. Меньшинство из нас считают, что водку давать не следует, что эта "норма" может привести к непоправимым последствиям, авариям, ошибкам и даже к более тяжелым последствиям. Другое дело на сухопутном фронте. Там она просто нужна, без неё в болоте, в холоде, в окопе долго не просидишь. Мы, конечно, не против самой "нормы", но лучше её в море не брать. После обеда отдыхаю на диване в кают-компании. Это мое место, так как все каюты заняты, а я на ПЛ – временный человек. Читаю. Люблю читать приключенческую литературу. Люблю Жюль-Верна, Баяева, Уэллса, а в Аэлику я просто влюблён.

Люблю читать про путешествия, про встречу с неизвестным, люблю читать про трудную работу археологов и геологов. Павка Корчагин Николая Островского – просто мой друг и герой. Зачитываюсь Джеком Лондоном. Из классиков мои любимые писатели – Чехов и Гончаров. Стихи не люблю. И могу признаться, что пытался даже сам их писать – имел свой блокнот со стихами. Написал что-то около 80 стихотворений. Одно из них «СССР – страна Родная» послал в редакцию «Комсомольской правды», и через три недели пришел вежливый ответ, что я не знаю русского языка и т.п. Конечно, благодарили и пожелали мне еще и еще работать. С тех пор охота к сочинительству отпала. К тому же потерялся где-то блокнот с моими "произведениями». Осталось желание вести дневники. Я их вел в школе. Веду и сейчас. Они (записи в дневнике) помогают осмыслить жизнь, помнить о хорошем, делать какие-то выводы, анализы. Кроме того, с начала войта начал собирать альбом вырезок с фотографиями зверств немецкого фашизма. Имею уже около 100 вырезок.

По окончании войны, этак лет через 20-25, как пригодятся эти записи в дневнике и особенно фотовырезки.

7.08. Сразу один за другим вышли из строя опорный и упорный подшипники дизелей. Идем самым малым ходом под водой на электромоторах и занимаемся аварийным ремонтом. Мотористы где-то не досмотрели, особенно в системах смазки подшипников линии вала и в системах переключения муфт. Над этим они сейчас и копаются. Командир не выходит из дизельного отсека. Сердится на мотористов. Свои погоревшие ватные штаны заменил на другие, но большего размера и от этого кажется еще больше сердитым.

12.08. Эти строки пишу через несколько дней после прошедших событий. До этого дня не было времени и желания взяться за дневник.

...9.08. Командир ПЛ по плану должен был с личным составом обрабатывать внезапные срочные погружения, это он решил сделать неожиданно, перед самым обедом, чтобы обед прошел под водой, в более спокойной обстановке. В 11.30 он мне сказал, чтобы я никого на мостик не выпускал, так как через несколько минут даст команду на срочное погружение, и чтобы никто об этом не знал. После этого из люка появляется голова командира БЧ-У, и он обращается ко мне с просьбой выйти на мостик покурить.

Я не смог утерпеть и, не разрешив ему выйти, тихо рассказал о тайных замыслах командира. Тот – пулей вниз...

Конечно, тайное стало явным. Мне хотелось, чтобы все было лучше, чтобы команда подготовилась к срочному погружению. Командир ставит ручки телеграфа на «Стоп» – дизеля не останавливаются! Репетования телеграфом нет. Тогда он эту команду передает голосом. Слышим, что дизеля останавливаются. В месте с командиром спускаемся в рубку. Командир захлопывает люк и дает команду «Срочное погружение!».

Из центрального отсека я ушел во 2-ой отсек, где лег на диван и взял книгу, но читать её не начинал, так как прислушивался к командам в центральном посту.

Сигналы открытия кингстонов и клапанов вентиляции, хлопки и удары клапанов, мигание лампочек, шумы воздуха в магистралях и шум забортной воды, устремившейся в цистерны – всё сливается в удивительную музыку погружения, перехода ПЛ из воздушной среды в подводное положение.

Срочное погружение – самый сложный маневр на ПЛ и маневр наиболее опасный в случае каких-либо неисправностей. Вода может поступить в дизельный отсек, если "заест" газовыхлопные захлопки, или заест что-то в шахте приёма воздуха к дизелям. Может быть аварийный дифферент на нос или от неисправного состояния рулей или от неравномерного заполнения цистерн. Тогда лодка стремительно погружается в морские пучины и если её своевременно не остановить (для нашей ПЛ предельная глубина погружения – 120 метров), то лодку может раздавить огромным давлением забортной воды. Поэтому всегда ёкает сердце, когда производится этот маневр, и здесь не до шуток. Мною еще раньше как-то было подсчитано, что на глубине 100 метров нашу ПЛ стремится раздавить сила общим усилием на весь прочный корпус что-то около 150 000 тонн. Много это или мало? Конечно много! Правда, на это давление и рассчитана ПЛ., но если только всё будет в порядке. А если мы проскочим глубину? Тогда нас раздавит в лепёшку. И как-то удивительно и немного жутко от того, что где-то рядом, всего в расстоянии полуметра, за стальными листами толщиной всего 17-18 миллиметров, находится та беспощадная и безмолвная сила, готовая ринуться на тебя при первой твоей оплошности. Поэтому я знаю, что к маневру срочного погружения все подводники относятся как в главному, наиболее ответственному ритуалу.

Сейчас я хорошо представляю суровые, строгие лица всех тех, кто в центральном посту священнодействует, производя этот маневр ухода под воду. Всё внимание у всех на основные три точки – на дифференциметр (чтобы не был дифферент больше 3-4-х градусов на нос), на глубиномер (чтобы не пропустить момент ускорения нарастаний глубины – прозеваешь это, труднее остановить быстрое изменение глубины), на сигнальные глазки открытия кингстонов и клапанов вентиляции. Это мне известно уже три года. Поэтому я решил, что мне в центральном посту делать нечего. Управятся и без меня. Тем более что там страшная теснота. Все стоят или сидят вплотную друг к другу.

Прошла первая минута. За переборкой все тихо. Стихли шумы воздуха и бурление воды в цистернах. Ощущаю всем телом, что ПЛ быстро погружается. Подводник это хорошо чувствует каким-то шестым чувством.

Из отсеков в центральный пост поступили доклады, что там выполнены все команды.

Наш вестовой поставил около меня на стол стопку тарелок и снова ушел в носовую часть отсека по своим делам. Убедившись, что всё идет как будто нормально, вновь беру томик Чехова в руки и начинаю ощущать ногами, что они у меня пошли вниз. Отложил книгу, приподнялся на локте и сознаю, что дифферент быстро увеличивается на нос. Через несколько секунд убеждаюсь, что мои ноги упираются в переборку командирской каюты. Смотрю в носовую часть отсека и вижу, что вестовой с трудом начал движение от переборки в мою сторону и идет как будто в гору, тяжело. Понимаю, что что-то произошло, и лодка сейчас должна иметь аварийный дифферент около 30° на нос. Но почему в центральном посту только шум, а аварийного продувания носовой группы цистерн главного балласта нет? Дифферент растет еще больше. Вестовой так до меня так и не дошел – упал на свои тарелки и на животе и на тарелках съехал к носовой переборке.

Он еще не понимает, что произошло, так как в море первый раз и ему плевать на эти дифференты. Но я-то понимаю, что если так будет продолжаться и дальше, то ПЛ проскочит предельную глубину и нас раздавит.

В голове хаос, рой панических мыслей, догадок. Вместе с тем понимаю, что я сейчас бессилен что-либо сделать. Я уже не лежу на диване, а стою (или почти стою) на переборке. Смотрю вниз на вестового – он находится где-то далеко внизу (длина отсека около 10 метров), и эта длина превратилась в высоту, в какой-то глубокий колодец. Под ногами опоры нет. С ужасом думаю, как же в других отсеках? Я-то стою на переборке, а там люди висят гроздьями на чём попало – палуба ушла из-под ног во всех отсеках.

Пока все это переваривалось и проносилось в голове, прошло не так уж много времени. Все это свершилось за какие-то 2-3 минуты после погружения.

В конце этих минут нос лодки ударяется в грунт и одновременно ощущается вибрация корпуса от работы винтов в воздухе. Как потом оказалось, лодка почти встала на "попа", и с дифферентом в $60-70^\circ$ на полном ходу врезалась в грунт.

Хорошо, что глубина моря здесь была всего 72 метра. Это нас и спасло. У нас была вся тысяча шансов на то, чтобы больше не всплыть. Если бы глубина моря была хотя бы метров 150-200 – не пришлось бы мне писать эти строки... писать об этом исключительно тяжелом случае в нашем учебном походе.

В конце-концов, мы всплыли в надводное положение. Обед в подводном положении не получился. Начали искать "стрелочников". Ими оказались электрики, переключившие управление телеграфами в боевую рубку до постановки телеграфов в положение "Стоп", и поэтому сигнал «Полный назад» до электромоторного отсека не доходил. Наши оба главные электродвигатели полным ходом работали «вперед». В этих условиях они должны были работать только и только «назад», и только самым полным ходом. В центральном посту ставят телеграф в положение "полный назад", а туда, в электромоторный отсек, доходила команда "Полный вперед!" Это было трагедией. Рулевые не отвалили носовые горизонтальные рули – это значило, что исправить положение рулями было невозможно. Кроме того, электрики не могли дать полного заднего хода, так как станция главных электромоторов оказалась у них над головой, подобраться к станции они не могли, потеряв из-под ног палубу, личный состав также оказался на переборке, и все попытки подтянуться к станции на руках не привели к успеху.

Трюмные центрального поста в этих тяжелых условиях лишились возможности продувать балласт воздухом высокого давления через систему аварийного продувания – они тоже повисли на клапанах, потеряв при этом ключи от колонки аварийного продувания цистерн главного балласта.

Видимо, все же основным виновником этого ЧП был я, так как своим вмешательством, своим предупреждением о скором срочном погружении ввел дезорганизацию в общую боевую задачу срочного погружения.

Не предупреди я командира БЧ-5 Домбровского об этом, такого бы подводного пикирования ПЛ не произошло.

Я сделал вывод, что в дальнейшем этого допускать нельзя, что попытки упрощенчества в боевой учёбе не только дают отрицательные результаты, но и могут, в конце концов, привести к катастрофе.

На этом примере я еще раз убедился, что никогда, ни в каких случаях не следует пренебрегать основным правилом срочного погружения – не переходить границы аварийного дифферента. В этом – главное. А если бы было глубже – значит, всем тем, кто оказался на переборке или как верхолазы пытались добраться до механизмов вверх к нужной аварийной системе, просто не хватило бы времени что-либо сделать, так как катастрофа наступила бы раньше.

После всплытия я вышел на мостик, спустился на палубу (конечно, с разрешения командира) и попытался ногой столкнуть "колбасу" из глины, вползшую на носовую палубу через полуклюз буксирного приспособления и достигавшую длины около 5 метров. Пришлось вызвать матроса с топором, чтобы эту спрессованную, серую змеевидную массу глины и песка рубить на части и сбрасывать за борт.

Может быть, я ошибаюсь, но удельный вес каждого куска равнялся удельному весу железа!

Осмотрелись в отсеках. В результате докладов выяснились главные повреждения:

- вогнуты внутрь волнорезы всех носовых торпедных аппаратов;
- запасные торпеды в отсеке сошли со своих креплений;
- в аккумуляторных ямах вышло из строя 50% всех аккумуляторных баков, вылился электролит, батареи имели полный «корпус»;
- некоторые механизмы (помпы, насосы, моторы станции) сошли со своих фундаментов.

Нам необходим был ремонт, так как лодка лишилась подводного хода. Главное, срочно требовалось что-то делать с аккумуляторной батареей.

Командир ни с кем не разговаривает. Да и личный состав после пережитого потерял дар речи. Смолкли обычные морские "соленые" шутки, все делается молча, сосредоточенно. Люди работают как черти.

Дали радиограмму в штаб флота об аварии, но покривили душой сообщили, что дифферент достигал не более 30-35°. Командир принял правильное решение. Ведь, в конце-концов, всё обошлось благополучно, и подводная лодка могла войти в строй через несколько дней и продолжать учебный поход. Если бы командир сообщил большие цифры дифферента, нас бы срочно вернули обратно или придумали что-то еще.

Получили от командующего флотом разрешение на следование в пролив Маточкин-Шар на Новой земле и там своими силами приступить к ремонту, к устранению повреждений.

Сегодня мы заканчиваем ремонт и, честно говоря, только сегодня появилось желание все события записать в дневник.

Странно устроена человеческая психика... Три дня на лодке не было ни шумных разговоров, ни смеха, ни подначек... Без этого трудно плавать. Смех, шутка – облегчают нам нашу службу, наше одиночество без семьи, без любимых. И вдруг всё это пропало. Конечно, было не до этого.

Главное – быстрее устранить неисправности. И вот тогда, когда все увидели плоды своего титанического труда, когда на практике "русская смекалка" помогла во всех вопросах, только тогда эта самая человеческая душа стала оттаивать и давать первую теплоту.

С утра сегодняшнего дня команду не узнать. Шум, гвалт, «смех и слезы» стоят на мостике невообразимые. Все спешат высказаться, облегчить себя. Каждый рассказывает то, что он видел, что ему запомнилось о другом. А так как каждый видел всё по-разному и каждый был в те минуты в самых невероятных положениях, то всё это виденное и слышанное преподносилось всё в новых и новых вариантах. Нельзя было не учитывать и то, что это же были моряки, да еще подводники, гораздые на выдумку, готовые, где надо, подперчить сказанное жестом, мимикой, способные к фантазии.

Всем вдруг стало легко, к нам вернулось хорошее, бодрое настроение. Значительную роль в этом сыграл и командир ПЛ, который первый от души рассказывал, как он также занимался «акробатикой» в те, уже ушедшие в прошлое минуты. Особенно он любил повторять, как командир БЧ-5 сам пытался добраться вверх до колонки аварийного продувания цистерн главного балласта, и как это ему всё никак не удавалось, он снова и снова лез вверх. При этом в каждое повторение приносились все новые и новые детали, имевшие, а, может, и не имевшие места. В принципе, ничего бы не случилось с нами, если бы мы и не начали продувать цистерны. Главное было в остановке моторов. Останови мы их сразу же – лодка потеряла бы ход, и дифферент отошел бы сам по себе.

Боцман ПЛ в те минуты мертвой хваткой держался за рукоятки переключки горизонтальных рулей и своим собственным весом поставил кормовые рули в крайнее положение «на погружение». Автоматы вырубил электропитание рулей. Но он настойчиво пытался что-то сделать, выжимая из них хотя бы искорку жизни, одновременно вжимаясь в переплетения кранов и магистралей, чтобы не свалиться вниз. Особенно опасно было положение в первом отсеке, где все запасные торпеды подались вперед и с каждым ударом носа ПЛ о грунт сползали со ступеней. Это сползание торпед вниз какой-то момент действовало на присутствовавших, как удав на кролика, но потом, опомнившись, они сумели нечеловеческими усилиями прекратить их перемещение сложной системой из деревянных подпорок, досок и клиньев из аварийного имущества отсека... Во всех отсеках личный состав делал всё, пользовался любой точкой опоры, чтобы выполнить действия, положенные по аварийному расписанию. О перечисленных мною и других десятках фактов вдохновенно повествовалось и рассказывалось в образовавшемся "клубе" на мостике. Командир не мешал всем высказываться, отводить душу, не разгонял "клуб", и каждый был ему за это благодарен.

Думаю, что это тоже мудрость, мудрость старшего начальника, разделявшего в эти дни с командой все горести и все радости.

Наконец, к вечеру все работы были закончены. Батарея в значительной мере восстановлена и заряжена. С торпедных аппаратов сняты волнорезы. ПЛ вновь могла плавать в подводном положении. Освободившись от помятых при аварии волнорезов, заклинивших передние крышки торпедных аппаратов, мы вновь могли теперь готовить торпедные аппараты к залпу.

Вечером 12.08 начали обратный переход в Полярное. Перед выходом в море лейтенант Дыба случайным выстрелом из пистолета оторвал себе палец (и тоже на мостике).

Утром 13-го нас с большой высоты начал бомбить свой самолёт, но бомбы падали далеко. На этот раз произвели срочное погружение за 45 секунд. После этого я сделал вывод – поход и всё, что с нами произошло ранее, пошло только на пользу. Мы можем выходить в боевой поход.

14.08. Сегодня прибыли в Полярное. На переходе, при подходе к острову Кильдин, нас атаковала немецкая ПЛ. Заметили два следа торпед по корме уже после их прохождения. Сопровождавшие нас катера "МО" обнаружили шумы винтов ПЛ и начали её бомбить глубинными бомбами. Не знаю, кому как, но мне стало лучше, спокойнее, когда эти маленькие катера смело ринулись в атаку на ПЛ.

С приходом в базу узнали, что летчик того самолёта, который бомбил нас вчера, доложил в штаб, что «он атаковал немецкую ПЛ, что эта ПЛ погрузилась, что он ее потопил». Возможно, это было и так, но только в это время и в этой точке находилась только наша ПЛ.

Из этого следует, что просто докладам о потоплении противника не всегда можно верить на слово. Видимо, требуется какая-то система проверки этих докладов и боевых донесений.

15.08. Куча новостей. Первое и главное – разрешено увольнение личного состава в обычном порядке, как это было до начала войны, с кораблей, находящихся в Полярном и в Пала-губе, а также личного состава береговых частей.

Снова начал функционировать Дом офицеров, с кино, танцами и буфетом. Танцы – самое главное.

Второе – по-прежнему нет больших успехов наших подводных лодок. Кроме удачной атаки ПЛ “Щ-402” (командир Столбов) и потопления ею транспорта, больше ни одна из ПЛ не вернулась в базу с победой. Ничего! Два-три месяца – и мы научимся находить противника и пускать его корабли на дно. Будет и на нашей улице праздник!

Третье: в базе стоят английские средние ПЛ типа «Тигр». Пришли к нам по какому-то договору. В дальнейшем они будут пользоваться нашей базой, но действовать в море будут, как будто, только по планам своего командования. Внешне лодки выглядят неопрятно, какие-то грязные. А английские подводники почему-то все до единого прибыли к нам с отращенными бородами. Неужели они нас считают, в самом деле, какими-то людьми периода крепостного права? Может быть, наоборот, этим самым они подчеркивают своё уважение к нам, к нашим обычаям. Но им все же надо знать, что с бородой мы давным-давно расстались.

Мои друзья рассказывают, что наши матросы, те самые потомки и сыны русских "Иванов" вдруг все как один отказались мыться в бане части, сразу же после первой бани английских матросов, организованной им с приходом в нашу бригаду подводных лодок. Долго мы не могли разобраться, в чём дело? Потом оказалось, что большое количество всевозможных мазей, примочек, лекарств и многих парфюмерных жидкостей, применяемых ими в самолечении кожи, фурункулов и просто употребляемых ими под влиянием рекламы различных фирм, смешалось в воздухе в самые разнообразные специфические запахи, и не понравилось нашим морякам. Пришлось для первого раза сделать хорошую большую приборку, дезинфекцию и проветривание, а потом для них отвели отдельное помещение в бане.

Возможно, многие из нас, не знавшие и не видавшие потомков НЕЛЬСОНА, представляли их в несколько ином свете. Никто не допускал и мысли, что внутренняя наша культура, уход за телом, гигиена тела – выше, более организована и более целесообразна, чем в английском флоте.

Этот небольшой эпизод как-то незаметно повысил нас в своих глазах и вместе с тем многие из нас уже не смотрели на них как на представителей нации выше стоящей выше нас в своей культуре.

16.08. Без всякой подготовки (кроме стола) мы сегодня вечером принимали на нашей ПЛ английских офицеров-подводников с ПЛ "Тигр". Самое интересное в том, что командир английской ПЛ не захотел ради соблюдения субординации прибыть к нам вместе со своими офицерами и такой же жест (по указанию командования) был сделан и нашим командиром и только по той причине, что командир английской ПЛ не мог, по хваленным западным законам, принять нашего командира вместе с нами. Его приход к нам со своими офицерами или приход нашего командира с нами унижит его достоинство. По их обычаям командир корабля не может общаться и быть за одним столом с подчинёнными. Всё это мы узнали тогда, когда взаимные визиты командиров ПЛ были уже завершены. Честно говоря, мы были обижены за неуважение, проявленное к нашим советским законам, к труду любого человека, на какой бы общественной ступени он ни находился, и поэтому я (мне было поручено готовить стол) делал это без всякого желания. Долго ломал голову, соображая, что они любят из закусок, вторых блюд, приправ... но потом на всё махнул рукой и решил, что обильная и разнообразная пища должна одинаково нравиться всем людям, независимо от расы, цвета кожи и глаз, независимо от вероисповедания и происхождения и даже пола.

На всех гостей ваша ПЛ произвела, видимо, неизгладимое впечатление. Всех их поразило её вооружение, скорость и особенно внутренняя культура, отделка отсеков. Много и долго они восхищались пятым (дизельным) отсеком.

Помощник командира ПЛ заявил: "Я тридцать лет служу на подводном флоте, но такого машинного отсека ни разу нигде, ни в одной стране не видел. Я восхищен и поражен! Спасибо, господа, за предоставленное удовольствие!" По крайней мере, так нам перевел его слова переводчик. Другой оценки не мог дать даже и самый наш лютый враг. Много хорошего и теплого они высказали и о том, что у нас очень чисто на подводной лодке.

Осмотр закончился ужином. Наш стол ломился от всевозможных закусок и яств: консервы любые – и в томате, и в масле, и в соусе, и мясные, и рыбные, и куриные, и свиные, салат и винегрет. Огурчики маринованные и соленые, капуста, грибки. А какие на Севере грибы!.. Рыба жареная и пареная, колбасы, копчености, яичница с салом, сыр, масло... и даже большой (но старый) гусь с гречневой кашей.

Я всегда вспоминаю этот ужин, и не потому, что он был обилен (на ПЛ был небольшой неучтённый запас продуктов, что не доставало для стола – я выменивал на излишки других продуктов), а потому, что всё это наши английские гости с таким аппетитом поглощали и в таком количестве! Не обошлось и без “Московской”, и её нашли...

Прощались мы уже под утро, прощались не надолго, так как они нас пригласили к себе в гости и тоже на вечернее время.

17.08. Кто-то из офицеров вечером заявил, что нам, дескать, не следует ужинать, так как днем он видел, что коки и вестовые с “Тигра” что-то несли на ПЛ с базы, в корзиночках и ящиках, накрытых салфетками. Предвкушаю английскую кухню (какие наивные). Мы, прислушавшись к “мудрому” совету, направились в 20.00 в гости без ужина и за это заплатились. Но вначале о нашем впечатлении, об английской ПЛ.

Она похожа по конструкции на нашу «Щуку», но раза в полтора больше её. Имеет 10 торпедных аппаратов, и все в носовой части: 6 – в I отсеке, 2 – в носовой надстройке и два – в булевых цистернах. Залп может быть только носовым. В корме торпедных аппаратов нет. У нас тоже 10 аппаратов: 6 – в носу и 4 – в корме.

Мне кажется, что наши лодки в этом случае имеют больше возможностей для выхода в торпедную атаку. На нас произвела впечатление гидравлика! Все у них на гидравлике. Перископ, который мы с трудом у нас вращаем, тратя на это страшные усилия, у них вращается от усилия одного пальца. На гидравлике у них все системы рулей, приводов, муфт – на линии вала. Здесь, сознаюсь – они впереди!

Но лодка запущена, в грязном состоянии. Для нас было просто страшным, неожиданным видеть окурки от сигарет в любом отсеке (оказывается у них на ПЛ можно курить). В трюмах – непролазная грязь, промасленная ветошь, обрывки бумаг, большое количество воды и маслянистых смесей. Открытием для всех явилась паутина, да еще какая – ржавая от ржавчины. Мне никогда не приходилось видеть ржавчины, окружающей стальную магистраль сложным переплетением металлических паутинок, похожих своим рисунком на рисунок снежинок или на узоры от мороза на стекле.

Была и “культура”. Вся она выражалась в вырезках из журналов, картин, репродукций голых женщин, наклеенных во всех отсеках на любой высоте в любом месте – там, где можно что-то прилепить. Не знаю, кому как, но такая “картинная галерея” в какой-то мере заставляет моряка думать больше и чаще о берегу, а значит, плавание для него становится более трудным. Лучше таких вещей не иметь. Без женщин на корабле, да еще на подводной лодке лучше. Да пусть меня простят наши милые подруги, наши знакомые и незнакомые девушки.

По подводной лодке ходим уже второй час. Ждем приглашения к ужину, заранее настраиваем себя на его особенность – не часто ведь приходится пользоваться английской кухней. По крайней мере, для всех нас – это первый случай!

И последний! На огромном круглом столе на 15 человек хозяев и гостей было поставлено три тарелочки с маслом, сыром и бисквитами. И всё из закусок!

Весь вечер мы не теряли надежды, что должно же быть что-нибудь еще. Особенно хотелось горячего, хотя бы простой котлетки. Так и ушли «не солоно хлебавши».

И еще одна особенность – мы попросили налить нам для пробы по стопке рома. Получили категорический отказ: “Не положено офицеру пить матросскую водку” – и всё! Все ваши настойчивые просьбы разбились и здесь о суровые английские традиции, разделяющие мир на господ и плебеев. Наяву встретились два мира – мир социализма и мир капитализма. Все это как-то не укладывается в сознании, но начинаешь разбираться в политике не только в теоретическом плане, но и на практике. Практика была в пользу социализма. Из разговоров

по этому доводу нам дополнительно разъяснили, что для английского офицера более позорно пить матросский ром, чем посадить корабль на мель?!

18.08. Единогласно решили, что в гости мы больше не пойдём и не будем приглашать к себе. Целый день думали, говорили, спорили о разных социальных мирах, об обычаях и правилах. Общее мнение в пользу русского гостеприимства, русского стола и наших советских обычаев. Есть и такие, которые пытаются еще что-то найти поучительное в наших вчерашних гостях, но они (всего два человека) в явном меньшинстве.

20.08. Третий день читаю письма от жены, эвакуированной на станцию Тарья Кировской железной дороги. Как они там с сыном Юрой? Что это за станция, какие там условия жизни? Пишет, что все хорошо, нормально, просит не расстраиваться, не думать о них. Ждет скорой победы и скорой встречи... Я тоже думаю, что нам недолго воевать. Все мы ждем начала мощного контрнаступления. В моей семье ожидается пополнение, но рожать, наверное, ей придется без меня. Интересно, кто будет – сын или дочка? Хочу дочку! Сын уже есть. Мои отец и мать также пишут хорошие письма и также ждут скорой победы над ненавистным немецким фашизмом.

Такие письма дают новую силу, новую жажду беспощадного разгрома врага. Готовимся в боевой поход.

Начали грузить новую аккумуляторную батарею. Волнорезы отремонтировали и поставили на место, принимаем запасы. В базе доложили более подробно обстановку аварийного срочного погружения в учебном походе. И все это явилось предметом офицерской учёбы. Настроение боевое. Скорее бы в боевой поход.

В газетах много материалов о садизме, зверствах фашистских головорезов на оккупированной ими временно территориях. наших русских женщин, матерей, девушек насилизуют, отрезают груди, выкалывают глаза. Детей бросают в горящие дома, в колодцы. Кровь льётся по нашей земле рекой. Беспощадные варвары топчут, поганят нашу Родину, наши завоевания, уничтожают народ, давший человечеству гениального мыслителя всех эпох – В. И. Ленина. Ярость клокочет в груди. Слезы детей и стариков должны быть отомщены, и это наш народ сделает во что бы это ему не обошлось. Народ, познавший свободный труд, получивший в свои руки власть – такой народ никому никогда не победить.

Не прошедшем комсомольском собрании экипажа приняли клятву до последней капли крови, не щадя сил и энергии, искать, находить и топить корабли противника без всякой пощады.

Наша месть священна!

10.09. Прошло 15 суток первого боевого похода. Мы первые из наших подводников осваиваем воды Атлантического океана у ворот норвежского порта Нарвика, захваченного немцами. Из Полярного вышли 26 августа. Переход на позицию прошел без особых событий, если не считать 3-х или 4-х срочных погружений от самолетов противника. Все погружения прошли на редкость удачно – по инструкции. Предполагается, что на позиции будем плавать дней сорок. Позиция, как мы за эти дни определили, очень трудная, напряженная и опасная. Первое время мы плавали и искали противника в море, на подходах к шхерному (много островов) району. Убедившись, что противника здесь нет, командир принял решение, не без нашего воздействия в кают-компании, форсировать шхерный район и искать фашистские суда на внутренних фарватерах. Такое решение нас обрадовало, и червь сомнений в удаче похода перестал нас тревожить. Настолько нам необходима была атака, победа, что мы не думали в эти дни о тех опасностях, которые предостерегают в плавании, в малоизученном нами шхерном районе.

В первые сутки мы 6 часов форсировали в подводном положении, да еще ночью, грядущему шхер, и когда вышли на фарватер, установили, что аккумуляторная батарея на 50 процентов понизила свою ёмкость. Оставаться долго на фарватере с полуразряженной батареей мы не могли. Ушли в море для зарядки. Следующее форсирование мы произвели более коротким

фарватером, но на виду у островных постов наблюдения и береговых артиллерийских батарей. Нас не заметили. На главном фарватере пробыли около 10 часов, но никого не обнаружили, кроме буксиров и катеров. Опять ушли на зарядку батареи. Только после третьего форсирования шхер и после начала обратного движения на зарядку, находясь за низкими островами, мы внезапно обнаружили в перископ красивый, белый, как лебедь, немецкий лайнер, направлявшийся в Нарвик, типа «Бремен», водоизмещением около 20 000 тонн. Нашей ярости не было границ. Невозможно было ничего поделывать, так как лайнер шел за островами. В горячке мы развернулись на обратный курс для атаки, хотя понимали, что всё равно мы его не сможем атаковать, что мы его безвозвратно потеряли для атаки. Такие возможности для атаки крупного лайнера, наверное, бывают не часто. Ничего, перенесём и это. Не может быть, чтобы мы ушли отсюда просто так, без радости и волнений торпедной атаки. Бодримся. Стараемся не видеть в глазах других первые признаки разочарования. Каждый внешне показывает бодрость, уверенность.

К четвертому этапу прохода шхер готовились еще тщательнее. Убедились, что батареи на островах сделаны для камуфляжа, для обмана противников. Командир решил первую половину пути между островами произвести в позиционном положении под дизелями.

Сейчас мы уже ничего не боялись. Появился какой-то азарт охотника. Идем под одним дизелем в полупогруженном позиционном состоянии. На мостике только командир и сигнальщики. Носовые рули поставлены на всплытие. Обстановка настолько напряженная и сложная, что личный состав стоит на вахте по готовности № I. Все офицеры и я, в том числе, находимся в центральном посту – производим прокладку пути на карте и через каждые 1-2 минуты эхолотом замеряем глубину под килем

Пока всё идет хорошо. Немного беспокоит зыбь, пришедшая в шхеры из Атлантики. Там разыгрался шторм. Вдруг глубомер начал показывать 2-3 метра вместо 20-25 метров! Небольшая растерянность – и быстро кто-то из нас докладывает на мостик, что под килем глубина резко уменьшилась. Не успел командир толком разобраться в докладе, как от огромной силы инерционного удара мы полетели вперед и чувствуем, что сидим на гряде камней.

Мотористы застопорили дизель. Какие-то мгновения лодку бьет о камни раз, пятый раз и до тех пор, пока не продули цистерны главного балласта и не сошли задним ходом с камней.

Появился сильный запас соляра. Значит, где-то происходит утечка соляра за борт. Осматриваемся и в утреннем рассвете видим за кормой светлые блики расходящихся пятен топлива. Командир решает уйти с позиции в море. Плавать на фарватере и оставлять за собой след соляра нельзя. Нас по нему могут обнаружить и будут преследовать. Опять неудача! Думаю, что не следовало посылать больше океанские лодки искать противника в узких шхерах, где ей трудно маневрировать. Сюда бы "малютки" (есть у нас такие ПЛ), но они сюда не дойдут, у них ограниченный район плавания. Опять бодримся. У некоторых зарождается чувство сомнений. Может быть, нам просто не везет?

11.09. Пятая попытка поиска противника опять не удалась и опять, после ухода с позиции, уже в сумерках, за туманной дымкой островов обнаружили противника. Боже мой! Какой это был противник! Конвой в составе 3-х транспортов, шедших без охранения. Это же мечта подводника! Такой случай едва ли когда будет после. Начни мы уход с позиции на 2 часа позже, и к нам бы пришла долгожданная первая победа.

13.09. Позиция та же. Обстановка и действия те же. Противник как будто над нами издевается. Всегда в одно и то же время, к вечеру, как только мы уйдём за острова, появляется он. Черт знает что такое. Может быть, мы не все рассчитали, и нам следует сместиться миль на 30-40 южнее Нарвика. Но командир настойчиво ходит всё одним и тем же фарватером. В принципе, он прав, так как острова пустынные, батареи фальшивые, а сигнальные посты также безжизненны, людей не видно. Мы нашли удачное место для прорыва. Здесь видимо,

нет ни сетей, ни мин. Этот вывод, возможно, верен, так как фашистские захватчики здесь, в Норвегии, физически еще не смогли оборудовать все минными позициями.

Вообще, очень трудно все тысячи и тысячи норвежских бухт и фиордов перекрыть системой сетевого, бонового, минного и технического заграждений. Это просто не под силу любому государству, тем более государству-агрессору. Всё равно мы их вышибем, как из нашей страны, так и из всех оккупированных стран, будет это на Севере или в центральной Европе.

16.09. Всё это время штормит. Большой силы шторм вынудил нас уйти подальше от берегов. Плаваем в невидимости с берега, в расстоянии 40-50 миль от него. В этом районе нет ни дозорных кораблей, ни разведывательных самолётов. Для нас это первое очень серьёзное штормовое испытание. Собственно, не для нас, а для нашей подводной лодки. Мы как-то до этого не замечали определенные недостатки в конструкции нашей подводной лодки. Я вообще не представлял, что подводная лодка – эта огромная стальная сигара, длиной почти в 100 метров, может на большой океанской волне скрипеть. Да-да! Самый настоящий скрип, похожий на скрип петель ржавой калитки или ворот. Не правда ли, не совсем радует это изматывающее скрипение? Сам по себе скрип издает не прочный корпус, а вентиляционные магистрали, проходящие через переборки из отсека в отсек. Позже мы разобрались в причине, да и почувствовали своим телом, опять шестым чувством – есть такое ощущение, что лодка прогибается на волне. Стоит гребню волны пройти под "миделем", под средней частью нашей подводной лодки, как носовая и кормовая части корабля прогибаются вниз. Если же носовая и кормовая части окажутся на гребнях волны, то средняя часть, под которой воды стало меньше, прогибается вниз. И так целыми днями при шторме и волне более 7-8 баллов. В итоге всё расшатывается, прочность переборок нарушается.

Третьи сутки ходим курсами: против волны – 3 часа и по волне – 2,5 часа. Против волны идти еще ничего. Волна, разбиваемая носом подводной лодки, потом несколько обессиленная, валом высотой в 6-7 метров катится к рубке, с силой бьёт по её ограждению, разбивается и расходится в стороны. Из шпигатов настила, из-под ног летят фонтаны брызг, льются струи бурлящей ледяной воды. Когда больше её, когда меньше. Крен временами доходит до 25-30 градусов.

Совсем плохо идти по волне. Догоняющая сзади волна не бьёт по корпусу ПЛ, как встречная волна, она поглощает своей тысячетонной массой вначале корму, потом мостик. На какое-то время корма вся скрывается под водой и несколько приподнимается вверх, газовыхлопной коллектор глухо, с усилием, выталкивает отработанные газы дизелей под воду. Вот-вот, кажется, он захлебнется и заглохнет. Затем тёмно-зелёная масса приближается к мостику и с силой толкает всех нас внутрь ограждения рубки, поглощая всех, иногда с головой. В такие моменты, когда волна нас накрывает, мы мертвой хваткой держимся за любое устройство на мостике ПЛ... и не дышим, ждем, когда схлынет вода. Первым, чем мы занимаемся после этого – проверяем, не смыло ли кого за борт? Через открытый люк и рубку много воды сплошным водопадом вливается в центральный пост, где помпы непрерывно откачивают ее за борт.

Мы все за это время промокаем насквозь. В сапогах хлюпает вода. Часто вынуждены снимать сапоги и выливать из них воду. Но молодой организм эти ледяные ванны переносит стойко. После каждой 4-х часовой вахты мы (верхняя вахта) получаем свои 100 граммов. Вливаем их в крепкий чай и эту смесь пьём. Лезем под тулупы, сбросив с себя все сырое, передав мокрую одежду и обувь в дизельный отсек для просушки.

Как пролило, спим богатырским сном. Крепкий чай и спирт быстро согревают и убивают всякие простудные бактерии. Возможно, к старости появятся последствия купаний в виде ревматизмов и радикулитов.

И так от вахты до вахты. Регулярно принимаем сводки Совинформбюро. Они не радуют. Везде ваши войска сдают город за городом. Стараешься об этом не думать. Не получается.

Во время надводной вахты, особенно ночью, когда мы, как правило, заряжали на ходу батарею, вспоминаешь детство, друзей, семью.

На меня качка не действует. Некоторые из матросов и офицеров укачиваются, отказываются от пищи, а у меня наоборот – растёт аппетит. У нас в семье никто никогда не был моряком. Прадед моего отца был крепостным в подмосковной деревне. Отец и мать – потомственные ткачи на фабриках фабриканта Морозова в Глухове, сейчас это Глуховский текстильный комбинат.

Я родился и рос в рабочей казарме. Что из себя представляет рабочая казарма, построенная для рабочих фабрикантами и заводчиками, каждый житель старых рабочих центров и городов представляет (Орехово, Тверь). Это облезлое кирпичное здание в 2-3-4 этажа. Внутри каждого этажа – длинный коридор, по обе стороны коридора – комнатки площадью 8-12 кв. м, с полатами у входа в комнату, куда складывался нехитрый скарб и которые использовались в больших семьях для сна, а таких семей в 5-6 человек было большинство. В коридоре по обе его стороны располагаются от 30 до 100 комнат. На каждом этаже по одной общей уборной и общая кухня. Вся жизнь каждой семьи на виду. Мы с малых лет начали понимать все: что такое смерть, как зарождается любовь и даже в чем она заключается. Этого просто невозможно было скрыть. А детские глаза – любопытные и жадные до всего запретного, непонятного. Парни и девушки свои свидания где-нибудь на площадке, на лестнице, на кухне или в коридоре – делали открыто, на глазах. Ссоры, скандалы женщин на кухне, пьяные свадьбы и гулянки, семейные разлады, карты, лото, купля-продажа барахла, вечеринки, похабные анекдоты и рассказы, разухабистые песни и обязательное празднование всех святых, престольных и непрестольных праздников – всё это было нашей «школой» с самых малых лет, школой, которая могла сделать парнишку инженером, хорошим рабочим или хулиганом.

Некоторые казармы насчитывали до 200-300 комнат, и, значит, в них проживало до 1 000 человек. Клопы, тараканы, крысы и мыши, постоянная грязь и вонь в коридорах – такое наследство досталось от Морозовых и других русских капиталистов, выжимавших из народа все соки. А рядом, через забор – огромный хозяйский сад с двумя коттеджами, собственной церковью и оранжереей, где выращивали цветы, арбузы и даже ананасы в любое время года для хозяйского стола, для земных радостей господ.

Как рассказывали мне отец и мать, они умненькие были, эти Морозовы. Они умели и знали, как купить народ. В праздники чинно стояли в фабричной церкви, разбрасывали с пролетки медные пятаки, бросали их с презрением и шутками в пыль и грязь под ноги празднично, но бедно одетых измождённых людей. Иногда они шли ещё дальше – дарили молодожёнам или новорождённым 3-х метровые куски бракованного ситца или другого материала. Они знали, что делать, чтобы масса была послушной. Это были дешёвые подачки, ставившие рабочих в зависимость от хозяина.

Тонкий психологический расчёт, что раб вечно будет благодарить за подавание, будет ещё ждать милости, значит, не будет заниматься крамолой, не пойдёт за всякими смутьянами и революционерами...

Попы, подачки, водка и жандармы были их опорой, их силой. Не забывали они и промежуточную прослойку – мастеров, инженеров, служащих – им строились домики дачного типа в отдельных слободах (сейчас они называются Красной, Калининской, Первомайской слободами). Но эти домики были собственностью хозяина. Как только кто-нибудь из интеллигенции начинал бунтовать, вставал на защиту интересов рабочих, он немедленно изгонялся из уютного домика, скрытого в сосновом бору за кустами сирени и рябины. Не каждый находил смелость в этих условиях зависимости пойти против хозяина.

Примерно в 1923-24 годах, когда мне было 10-11 лет, появились у нас в казармах так называемые красные уголки. Я не знаю, по какому решению они появились, но эти очаги культуры, приобщения семей рабочих к активной политической жизни сыграли огромнейшую роль в коренной перестройке десятилетиями складывавшегося уклада жизни казармы.

Вокруг красных уголков, где были освобождённые руководители, сгруппировались все те, кто хотел другой жизни, кто рвался к новому – к свету, кто хотел быть ближе к Ленину.

Мне очень хорошо запомнился день похорон Владимира Ильича Ленина.

Конечно, тогда мы не понимали ничего в революции. Как у всех детей, у нас были свои «большие» детские задачи и проблемы. Главная из них, чтобы наши мамы не замечали у нас новых ссадин и синяков, заметят – попадет, чем попало. У моей мамы любимым "оружием" была толстая веревка. Прятал я её, даже уносил из комнаты, вместо неё появлялась другая.

Как вдруг мы поняли, что что-то произошло. Не стало шума, веселья в казарме. Взрослые проходят мимо наших шалостей, не замечают нас. Суровые, напряжённые у всех лица. Умер Ленин... Мы знали, что Ленин – это вождь рабочих, что он в Москве вместо царя, что была революция, и что сейчас нет фабриканта Морозова. Мы знали, что в Ленина до этого кто-то стрелял, какие-то эсеры, даже женщина. Мы также знали, что он после этого болел, и что делегация глуховских рабочих ездила к нему в Горки, где-то под Москвой. Не стало и наших игр... Мы тоже повзрослели как-то сразу на много лет. Стояли суровые морозы, и все ждали похорон Ленина, ждали, чтобы пойти на площадь для открытия памятника вождю трудящихся. Позже мы узнали, что на нашей Глуховке рабочие комбината первыми в стране и в мире открыли памятник Ленину.

Что это?.. Сигнал срочного погружения!.. Всё летит кувырком. Пихаю дневник под подушку и одним дыхом вылетаю в центральный пост. Как-то уютнее себя чувствуешь, когда знаешь обстановку. То срочное погружение у Новой Земли многому меня научило. Тем более сейчас, на волне 7-8 баллов, – и вдруг срочное погружение.

На океанской волне очень трудно, даже другой раз просто опасно производить такой маневр, так как в определённый момент ухода ПЛ под воду, когда остойчивость резко понижается, неуправляемая, слепая сила волны бросается и играет лодкой, как щепкой в бурливом весеннем потоке.

Мы знаем, что чем быстрее лодка уйдёт в морскую пучину, тем меньше времени она будет находиться в этом опасном критическом состоянии, когда лодка медленно, но неуправляемо, с креном 45-50° переворачивается с борта на борт. Все то, что не закреплено, не принаеровано – всё это летит со столов, полок, с грохотом мчит по палубе, по настилам... Наши коки в эти минуты, пожалуй, единственные, кто не переживает за самую опасность маневра ухода под воду. Для них – честь и слава, если они не дадут расплескаться своему вареву из бачков и противней. Требуется большая сноровка и опыт в этом. Оказывается, сейчас мы погрузились по ошибке от чайки! Бывает и такое...

Наш командир учит нас, что лучше десять раз погрузиться от чайки, чем пропустить одно погружение от самолета. Поэтому он категорически потребовал, чтобы все сигнальщики и вахтенные офицеры ни в коем случае не выходили на мостик для несения верхней ходовой вахты, выпив тайком "для тепла" 50-100 граммов водки. Беру грех на себя – и такое в первое время было, но теперь этого нет. Каждый понимает, что только зоркие глаза, не затуманенные слезой или дымкой алкоголя, могут вовремя и далеко обнаружить самолёт, силуэт корабля или перископа противника.

Ушли на глубину 50 метров. Удивительно устроено море: наверху – неимоверной силы шторм, неуправляемая стихия, а здесь – под слоем воды в 40-50 метров – абсолютный "штиль". Мы любим такие моменты плавания в шторм под водой. Хочется отдохнуть от качки, от непрерывного бросания тебя с борта на борт. Кто не знает, что это значит, может представить себя попавшим в круг людей, толкающих тебя безжалостно, с силой друг к другу по замкнутому кругу. Где-то есть такая силовая игра. Но в этом кругу нет палубы, уходящей из-под ног, и даже это сравнение не даёт полного впечатления о качке в большой шторм.

Через 10-15 минут командира БЧ-5 вызвали в 5 отсек. Потом попросили прибыть туда командира ПЛ. Оказалось, что захлопки правого дизеля сильно, тоннами, пропускают воду.

Она поступает в таком количестве, что трюмные помпы не успевают её откачивать. Что-то необходимо предпринимать... После небольшого совещания командир принимает решение на всплытие и ремонт захлопок в надводном положении.

Всплываем... В момент перехода из подводного положения вновь появляются большие крены. Наверху море, кажется, стало успокаиваться. Ветер уменьшился до пяти баллов.

Сумерки. Нас окружают чайки. Они знают, что с кораблей всегда что-то выбрасывают и сейчас ждут очередной подачи. Так и происходит. Появляются рабочие по камбузу и выбрасывают остатки пищи за борт. Чайки на время от нас отстают. Мы не любим их соседства, особенно в штилевую погоду, так как они выдают наше присутствие. Даже тогда, когда мы идем под перископом, они настойчиво летят за нами. Вместе с тем – это жизнь, красота и строгость линий, белизна оперения. Но нам нет времени любоваться ими. Некоторые из них подлетают очень близко, и видно, как чайка смотрит на тебя, просит, взмахивая крыльями и удерживаясь на месте, косит глазами.

Ночь. Море утихает. Мотористы приступили к своей тяжелой работе, к ремонту захлопки правого дизеля. Идём курсом так, чтобы волна била в левый борт и меньше заливала правый, где сейчас нарушена герметичность газовыхлопного коллектора правого борта. Теперь мы не можем погрузиться до окончания ремонта, и поэтому думаем только о том, как бы нас не обнаружил противник. На всякий случай приготовились к артиллерийскому бою. Но всё прошло хорошо. Под утро, ещё до начала сумерек, на моей вахте под корпусом прошли два фосфорирующих следа. Что это было – мы не разобрались. На всякий случай легли на курс от возможного места немецкой ПЛ и погрузились.

Акустики шумов работы винтов подводной лодки не обнаружили. Возможно, это были касатки или какое другое морское животное.

Идём под водой в свой район, из которого ушли во время ремонта. В лодке тихо, тепло. Мерно шумят механизмы. Иногда за бортом булькают пузыри воздуха. Командир устал от шторма и волнений – спит в своей каюте. Я на своем диване во 2 отсеке продолжаю вести свой дневник.

Рабочие Глуховки 27 января 1924 года – все, старые и малые, пошли на площадь к трибуне, где должен быть траурный митинг и открытие памятника. Говорят, что был страшный мороз, но мне кажется, тогда никакого мороза мы не чувствовали... На площади тысячи и тысячи людей, мы с трудом пробираемся к трибуне.

... 4 часа дня. С трибуны раздаётся голос открывающего митинг секретаря парткома комбината, кажется тов. Квасмана. Падает покрывало с монумента В. И. Ленина, одновременно громко звучат гудки паровозов, фабрик. Оркестр играет траурный марш. Все снимают шапки, и один за другим опускаются на колени. За взрослыми это же делаем и мы. Кругом слезы, опущенные головы, потупленный взор, всхлипывания женщин, причитания старушек. Многие истово крестятся... Прошло пять минут сурового молчания народа. В Москве, на Красной площади, Ленина опускают в могилу...

Глядя на взрослых, некоторые из ребятшек не выдерживают и начинают реветь.

Смолкли гудки. Медленно поднимаются со снега люди. Начался митинг. Народ давал клятву беречь заветы Ленина, идти по ленинскому пути.

Из надписи на основании монумента я на всю жизнь запомнил слова: "Каждая кухарка должна уметь управлять государством". Тогда для меня слова "кухарка" и "управлять государством" как-то не вязались, не стояли рядом, было не понятно, несовместимы. Это стало ясно и понятно через много лет.

С этого же вечера в красном уголке мы, вместе с взрослыми по пять минут днём и ночью начали нести "почётный караул" у портрета Ленина, обрамлённого черными лентами. Три недели мы несли скорбную вахту печали и горя.

Сейчас, много лет спустя, я точно представляю, что именно эти дни всенародной скорби стали днями не только моего внутреннего перерождения, но и многих других ребят, не говоря уже о взрослых. Может быть, нельзя в полном понимании говорить о том, что мальчишки стали разбираться в политике. Нет. Далеко нет. Просто мы как-то отделились от других, в какую-то, пока только-только намечавшуюся группу, в первый мальчишечий коллектив. Нет, мы не стали пионерами. Нам далеко было до взрослых парней и девочек. Кто-то из нас предложил: в подвале, под кухней, оборудовать свой детский красный уголок, свою комнату, где бы мы могли собираться, ставить детские спектакли, показывать "туманные картины" (так

тогда назывались изображения картин, нарисованных на стекле и увеличенных на полотне волшебным фонарем).

С этого и началось настоящее детство, которое я вспоминаю всегда и которое трудно забыть в более зрелом возрасте. Сказано – сделано. У нас вдруг, как-то само собой, на правах самого сильного, появились и "руководители" (без выборов). Старшим всей группы стал Витя П., а нашим идейным руководителем – «комиссаром» – Николай Кручинин, мой самый близкий друг детства, школы и юности. Иной раз мы его называли "Сахар" – очень любил он сахар, ни конфеты, ни что более, – только сахар.

Целую неделю мы вытаскивали из заброшенного, но отдельного небольшого подвала под кухней нижнего коридора горы мусора, ящиков, разбитых кадушек, кусков торфа, полусгнившей обуви и тряпья, копившихся там годами. В свое время в подвале в тепле и "уютности" ночевали беспризорники, которых подкармливали сердобольные женщины и особенно старушки крохами со своего стола. Сейчас подвал пустовал и нам никто не мешал там работать. Взрослые видели в этом очередную прихоть, шалость и радовались, что у нас на некоторое время появилась "дело", и мы кончили им мешать, не пищали каждый день, даже забросили свои стычки между собой по каждому поводу. Самое замечательное, что мы вначале как-то не заметили – к нам подсоединились девочки. Их было немного – 5-6 девчонок одного возраста с нами, но именно это, возможно, сыграло немалую роль в дальнейшем формировании нашего коллектива. Наконец мы увидели плоды своего труда. Подвал длиной в 9-10 метров и шириной в 4 метра «сиял» чисто побеленными стенами, вымытыми стеклами единственного полуокна под самым потолком...

В одном углу обнаружили ямку, и один из нас принёс какие-то серо-желтые куски камней, которые мы туда побросали, смешав с глиной и водой. Каково же было наше удивление, когда вдруг вся эта ямка стала пузыриться и взрываться! Девичий визг, мальчишеская трусость от неизвестного – все мы пулей выскочили из подвала, ожидая взрыва. Непонятное обернулось, как потом выяснилось, в негашеную известь.

Встал вопрос: как и чем оборудовать небольшую сцену? Где взять доски, занавес, материал, бумагу, краски, электропровода, электролампочки и другие материалы? Все от нас отказывались. Несколько помогли из красного уголка взрослых, и то больше советами. Но думали недолго. Приближался праздник 8 Марта. На наших глазах на заборах прибывали транспаранты из красного материала, развешивали гирлянды электролампочек... Наш «атаман» придумал, а «комиссар» утвердил план "операции". Мы были исполнителями. Через день, перед самым праздником, у нас висели два больших красных лозунга, и везде были ввернуты электролампочки. Это было давно, теперь в этом можно сознаться, но мы всё это украли с заборов и со сцены Глуховского рабочего клуба. За давностью лет дело не подлежит для рассмотрения судом.

Девочки – они тоже нам помогали – стояли в дозоре и предупреждали нас о приближении любого человека. К нам всё же пришли из милиции не столько наказывать, сколько отбирать. Но мы ничего не отдали. Эту «операцию» нам простили, мало того – нам после этого помогли в оборудовании подвала и помогали в дальнейшем.

Подвал превращался в детский клуб, в место, где мы стали пропадать днями и ночами. Начали с туманных картин и детских спектаклей. Мы играли всё, любые роли. Меня на сцену не выпускали. Мой лучший друг "Сахар" сказал мне, что у меня хриплый голос и нет таланта. Вначале я огорчился, что не имею таланта, а потом всё же нашли, куда меня приспособить. Я так хотел играть! Сжалились. Я стал играть... за сценой. Лаял собакой, ржал детским голосом, "как лошадь", бил по куску ржавого железа, когда требовался гром, и изредка по ходу действия что-то должен был кричать за сценой.

В общем, моё честолюбие было удовлетворено, и я с благодарностью и рвением исполнял свои "роли".

Репертуар кино и спектаклей был один и тот же: детские сказки, больше про царей, царевен и Иванов-дурачков. Вначале нашей публикой, зрителями была детвора 5-7 лет, потом стали ходить взрослые.

Они, наши отцы и матери, вдруг увидели доброе начало в детской затее, и с молчаливого одобрения предложили нам брать с взрослых по пятаку (пять копеек) за вход на наши кинокартины и спектакли. Из этих пятаков стали собираться рубли. Мы стали в финансовом отношении на свои ноги, а меня "повысили" в должности. Я был казначей казначеем, хранителем денег. Это было мое первое в жизни повышение на общественной должности. Мне доверили кассу, которую я хранил дома. Я был счастлив оказанным доверием. Второе повышение я получил как-то неожиданно – все заметили, что у меня хороший, ровный почерк, и назначили меня в редколлегия. Какие газеты мы выпускали! Во всю стену, с десятками карикатур. Вот здесь-то мы по-настоящему боролись за новый быт, за культуру, с пьяницами, семейными склоками, с матерщиной. Незаметно наша стенная газета стала настолько авторитетной, что нам подавали заметки и взрослые. Не столько подавали, сколько советовали написать про «то-то» или про "того-то".

В один из дней наша газета была сорвана, от неё остались одни клочья. Виновника нашли. Его судили общественным судом всей казармы. Наш авторитет рос. К нам приходили многие родители и просили повлиять на их детей, взять их в свой коллектив. Это мы делали, и к весне 1924 года наш коллектив вырос до 20-25 человек. Мы создали футбольную, волейбольную и городскую команды. Главное в те дни – мы не ждали, что кто-то будет для нас делать или за нас, все делали сами.

Весной оборудовали волейбольную, баскетбольную площадки, сделали "гигантские шаги". Своими руками изготовили обитые железом биты для игры в городки. Футбольное поле мы тоже нашли. Нас не смущало то, что его, в средней части, по диагонали, пересекала узкоколейная железная дорога. В азарте игры, длившейся с обеда до полной потери видимости мяча, проходил весь день. Счёт голов достигал двухзначной цифры. Железную дорогу мы замечали тогда, когда мяч, вместо того, чтобы ему лететь вперёд, летел назад, ударившись о рельсы.

Постепенно мы стали той силой, о которой узнали в фабричных комитетах партии и комсомола. Нас решили сделать пионерами. Сразу всех! Одним ударом. По какой причине, не знаю, но мы этому все, как один, воспротивились. Не хотели, чтобы нами кто-то руководил, кто-то командовал. Семена свободы и независимости в действиях дали свои ростки. Десятки раз к нам приходили комсомольские, партийные и профсоюзные работники, но мы долго, до самой осени, не соглашались на все уговоры. Только обещание пионерского лагеря на следующее лето взяло верх. В один из дней мы стали пионерами...

24.09. Получили разрешение от командующего флотом на возвращение в базу. Два чувства борются между собой. Главное из них – что мы возвращаемся без победы, что, несмотря на все наши настойчивые попытки и рискованные действия в отдельные дни, противник нами не был атакован. Об этом думать было тяжело, и это чувство как-то заглушало другое – радость окончания похода и возвращения в родную базу. Что там ни говори и ни выдумывай, но напряженность похода, усталость давали себя чувствовать. Радость жизни, думы о письмах, которые нас ждут в Полярном, скорая встреча с друзьями, в конце-концов, не дали развиться унынию, недовольству походом. Война еще только началась, и нам в будущем предстоит не одно боевое испытание.

05.10. Прошла неделя, как возвратились в базу. Занимаемся ремонтом. Готовимся к новому походу. Вся бригада восхищена беспримерными и дерзкими прорывами наших ПЛ под командованием командиров ПЛ Фисановича, Егорова и Старикова за эти полтора месяца в порт Петсамо. В самом деле, могут ли хваленые немецкие подводники трижды за полтора месяца прорваться в одну и ту же гавань? Никогда! Коротка кишка. Да, он, немец, умеет воевать, у него опыт войны, потопления кораблей в океане куда больше нашего – в тысячу раз больше. А прорваться в нашу базу, хотя бы в Полярное, он не посмеет. Не хватит смелости. Он не пойдёт на верную смерть. А наши пошли. Пришли и победили. Всё это – просто, так как мы защищаем РОДИНУ! А они – бандиты в чужом доме. Бандиты с большой

дороги. И всем давно известно, что у бандита – заячья душа. Вообще у нас пока не особенно много успехов, кажется, что причина в том, что немецких транспортов пока ходит очень мало, или мы не знаем, какими фарватерами они следуют.

Все свободные вечера вместе с другими офицерами проводим в Доме офицеров. Здесь, как и до войны, идёт та же кипучая жизнь. Концерты, вечера, кино и изредка танцы. Бывают и женщины, но их очень и очень мало. Если кому из нас удастся иногда пригласить даму на танец – он счастлив. В эти минуты мы ему завидуем. Иногда нам дают талон в буфет при Доме офицеров, по которому можно купить 150 г водки и рассчитывать на какую-то закуску. Мы любим сидеть в буфете и стараемся это удовольствие продлить. Здесь уютно, тепло. Заботливые женские руки подают на стол. Тихий разговор, смех, шутки, рассказы о войне, о храбрости и удачах. О трусости не говорят. Её не было. А если и была, то мы об этом не знали. Мы знали, что каждый из нас готов сделать всё для победы, и видели всех такими же.

Офицерский закрывался в 23 часа. Нам оставалось немного до комендантского часа, для сборов и возвращения в часть или в свои пустые, осиротевшие квартиры. В них мы не шли, там всё напоминало семью и вызывало тягостные думы, грусть. Поэтому, как правило, мы возвращались в казармы, в свои каюты, на свои холодные постели.

Как быстро человек привыкает к войне?! Вчера она казалась далёкой и страшной. А сейчас, на четвертом месяце войны, мы к ней привыкли. И наша психика, она тоже приспособилась к войне. Если мы месяц, два назад лезли от самолёта в любую щель, то сейчас смотрим и прикидываем: куда летит самолёт, где упадёт бомба. Стали или становимся фаталистами. Даже в доме офицеров не прекращаются танцы во время воздушной тревоги до тех пор, пока нас силой не загонят в убежище.

Потерь, гибели наших подводных лодок пока ещё нет. Неизбежно какая-то подводная лодка должна первой погибнуть, не вернуться на базу. О своей гибели, о том, что ты можешь погибнуть, что это может случиться с тобой, – не думаешь.

20.10. Пришел приказ о моем назначении старпомом на ПЛ «К-21». С грустью расстаюсь с офицерским коллективом «К-1». Очень теплое, душевное, отцовское впечатление оставил в моей душе командир ПЛ капитан 3 ранга Августинович, умный, спокойный во всех случаях, заботливый, внимательный к нуждам подчиненных.

На «К-1» я участвовал всего в двух походах, но они дали большой практический опыт. Дали четко разобраться и запомнить, что война, особенно подводная, «дураков» не любит, что каждый из экипажа ПЛ должен отлично знать свою специальность и быть, кроме того, подводником, способным телом закрыть пробоину, если это потребуется по обстановке. Бежать с ПЛ, прятаться где-то – просто невозможно. Кругом вода... для всех одно правило: один – за всех, и все – за одного.

28.10. Теперь я не дублер старпома, как это было на «К-1», где командир БЧ-5 часто применял к моему положению название стихотворения Некрасова «Кому живется весело, вольготно на Руси!», не несущему ответственности ни за что. Теперь я отвечаю за все. Как выразился один из командиров ПЛ: «Хорошо на подводной лодке – значит, командир хороший, плохо на корабле – плох старший помощник». Здесь не все верно. Но определенный смысл есть.

В старом русском флоте командир корабля вообще не знал, что такое повседневная черновая работа. Он приходил на корабль, выслушивал доклад старшего помощника о готовности к походу, вступал в командование. После прихода на базу, надев белые перчатки, покидал корабль и больше его не видели до следующего выхода в море. Вот что значит старпом. Он на корабле – все.

В наше советское время таких командиров давно нет. Наш советский командир, так же, как и любой член экипажа, с утра до ночи на корабле. И старпом – первый его помощник и первый заместитель во всех делах.

Первым моим впечатлением было, что повседневная и боевая организация на ПЛ «К-21» нисколько не хуже, чем на «К-1». Сдававший мне дела С. Трофимов очень много потрудился, чтобы добиться хорошей боевой организации службы, и мне было непонятно, почему его снимают с должности, заменяют другим. Первые отзывы о моем командире не совсем в его пользу. Главное, как мне сказали в штабе, любит выпить, допускает невыдержанность в выборе выражений, порой проявляется нервозность, не прислушивается к коллективу. Все это настораживало.

Познакомился с комиссаром ПЛ С. А. Лысовым, обаятельным, душевным политработником. Очень заботливым, отзывчивым, простым в обращении с матросами. Своим опытом, уверенностью и знанием дела большое впечатление произвели на меня командир БЧ-5 Браман и командир БЧ-3 Ужаровский.

10.11. Вышли в боевой поход 7 ноября. Надеемся на боевой успех в честь исторической даты. С нами в море вышел командир дивизиона Магомет Гаджиев. О храбрости нашего командира дивизиона ходили легенды. Но все же главное дело, на мой взгляд, было не в храбрости, главное было в исключительной уверенности в нашей победе над врагом. Эту уверенность он своей страстностью, своими действиями в море, своей кипучей энергией передавал нам. Мы готовы были идти на все. Таков был Гаджиев. До этого с его участием, по его инициативе, впервые в истории отечественного подводного флота артиллерийским огнем 19 сентября был потоплен транспорт противника.

Только безмерная смелость, храбрость, помноженные на знания, решили успех боя в нашу пользу. Боя, который шел под берегами противника, одновременно ведущего огонь по нашей подводной лодке с транспорта, кораблей охранения и береговых батарей.

Вчера, т.е. 09.10, поставили несколько минных банок на фарватере в одном из проливов между островами. Постановка мин прошла успешно.

Сегодня, при уходе с позиции на зарядку, находясь уже в надводном положении, около 22.00 ночи, за кормой, в месте, где мы поставили мины, увидели белое пламя взрыва. Зарево взрыва держалось 5-6 минут, потом наступила темнота. Записали в вахтенный журнал, что предполагаем взрыв и потопление транспорта или другого корабля противника на наших минных заграждениях.

По предложению комдива форсировали узкости между островами и к сегодняшнему утру, т.е. 10.11, поставили оставшиеся мины у самого входа в порт Хаммерфест. В перископ за волноломом хорошо были видны два транспорта. Командир дивизиона решил подойти ко входу в порт и дать залп по транспортам. Начали маневр...

Но осуществить задуманное не удалось. Из ворот порта вдруг выскочило несколько катеров и направилось полным ходом в нашу сторону. Расстояние до мола было около 20-25 кбт. Место в узкости было ограничено. Гаджиев приказал уходить по другому фарватеру, по тому фарватеру, где, по нашим данным, было выставлено минное поле противника. Расчет был на то, что катера не пойдут на свое минное поле. Так оно и получилось. Все катера, построившись в строй фронта, пошли в сторону того фарватера, по которому мы подошли к порту и начали свое дело – бомбить нашу ПЛ... Но нас там не было.

Одна опасность отошла. Катера все дальше и дальше отходили от нас. Но мы шли в минное поле, об этом знали и были готовы ко всему.

Все наше внимание, все взоры были устремлены на нашего командира дивизиона. А ему хоть бы что. Смеется, спокойно отдает распоряжения. Как будто все происходит в учебном походе, как будто смерть не стоит рядом, за бортом...

Но все обошлось благополучно. Мы вышли из опасного района и видели в перископ, как катера противника, отбомбившись, отведя душу, возвращаются ни с чем в базу. Значит, можно все же ходить по минному полю. Может быть, его здесь не было? А может быть, нам просто повезло? Все может быть.

12.11. Вчера вечером, после зарядки аккумуляторной батареи, вновь подошли в район порта Хаммерфест, но забрались глубже, в один из фиордов, где с наступлением темноты всплыли в позиционное положение, прижавшись к глубокой скале в темной части фиорда. Это не лихость. Это – настойчивость в поиске противника. Плаваем на самом фарватере, а его нет и нет. Поэтому мы и забрались в самое логово врага. Это примерно так, как через Кольский залив подойти вплотную к Ваенге. Так и сейчас. Стоим в кромешной тьме. На мостике – командир дивизиона, командир ПЛ, я и три сигнальщика. Внимательно смотрим во все стороны. Где-то далеко на берегу лает собака. Гаджиев подзывает меня к себе и тихо приказывает мне подобрать «отчаянных парней» и быть готовым к высадке на берег для разведки. На первое время это неожиданное решение ошарашивает. Пытаюсь сказать, что мы, я, к этому не готовы и не готовились. На мои возражения последовало категорическое повторение приказа: «Прекратить разговоры! Даю час на подготовку». Спускаюсь вниз, вызываю старшин, даю команду вскрыть артвогреб и подготовить пистолеты и карабины на 10 человек. Все возбуждены и, судя по всему, рады предстоящей операции по захвату «языка». На мостике в это время разворачиваются другие действия.

На противоположном возвышенном берегу вдруг неожиданно в нашу сторону вспыхнули сигналы прожектора. Кто-то нас заметил и, видимо, давал запрос. Проходит минута, вторая. Мы молчим. Гаджиев приказал «Не отвечать на сигналы». Как он потом сказал, он думал, что это так, случайно. Но сигналы настойчиво шли в нашу сторону. Потом, через какое-то время, луч прожектора, правда, слабый, стал медленно ползти по уровню скалы в нашу сторону.

Я как раз поднялся на мостик для доклада о том, сто делается для подготовки десантной группы. Всего больше меня поразило именно это соседство сигнального поста, рядом с которым, но на другом берегу, мы решили сделать свою вылазку. Почему мы не заметили пост раньше, засветло? Не успел я доложить, как последовала негромкая команда: «Все вниз! Срочное погружение!». ...В считанные секунды рубка скрылась в темной пучине. Я сейчас, после событий той ночи, после размышлений, начинаю считать, что нас все же заметили.

Почему я так считаю? Погрузились мы в середине ночи. Едва ли разведпартия смогла бы вернуться обратно затемно – это было причиной моих возражений командиру дивизиона. После погружения от луча прожектора прошло 2 часа. Мы подошли к выходу из фиорда на рассвете и в перископ, который мы поднимали не больше, чем на 5-10 см над водой, заметили, что катера и сейнеры торопливо ставят какие-то сети, прямо впереди нас, по курсу подводной лодки. В какой-то момент боцман ПЛ мичман Соловей не удержал заданную глубину – перископ поднялся на метр над уровнем воды, и этого оказалось достаточно, чтобы нас заметили. Для обеих сторон это было настолько неожиданным, что потом мы долго изумлялись – почему они нас не вытащили просто так, руками, за наши перископы. Мы видели противника в каких-то 10-20 метрах от себя. Растерянность у них была столь очевидна, что они в какой-то момент прекратили постановку сетей и вместо того, чтобы эту постановку закончить, остановили ее, стали указывать руками в нашу сторону, а некоторые, бросив все, устремились к нам. Один из офицеров выхватил пистолет и пытался стрелять из него в сторону перископа. Именно эта растерянность и дала нам возможность второй раз ускользнуть из рук врага за эти несколько суток.

В оставленную пустоту между сетями мы на полных ходах и проскользнули. «Рыбка» ушла. И опять нам повезло. Нас не бомбили и не преследовали. Видимо, у них не было глубинных бомб. Возможно, что нашей ошибкой было и то, что мы с комиссаром подняли второй перископ и поочередно наблюдали всю картину поспешной постановки сетей и последовавшую немую сцену (как у Гоголя), стоившую нам сохранением нашей ПЛ, наших жизней.

Конечно, вспоминая сейчас, через много часов, события этих дней, прихожу к выводу, что наш командир дивизиона действительно беспредельно храбр, что у него нам всем необходимо учиться и учиться, брать с него пример.

Командир в эти часы как-то сник, не видно в нем той же уверенности, того же боевого задора, как у нашего Магомета, который сейчас по-прежнему бодр, полон новых планов и где-то ходит по отсекам с комиссаром Лысовым.

Мы уходим опять на зарядку аккумуляторной батареи. Идем на глубине 80 метров, на этой глубине катерам потруднее нас обнаружить. Вдалеке рвутся глубинные бомбы – это нас пытаются нащупать. Вероятнее всего, бомбят просто так – душу отводят. Всего мы насчитали 86 взрывов. Но все бомбы сбрасывались где-то далеко.

13.11. Поистине – каждый день новые события! Не успеваем все это переваривать. Какой-то круговорот фактов, переживаний, впечатлений. Так и сегодня. Вышли в торпедную атаку, первую для меня, по небольшому конвою в составе одного транспорта и 2-х тральщиков. Первый залп их 3-х торпед! Мимо! Промазали. Видим, что след торпед прошел далеко по носу транспорта. Гаджиев чертыхается, приказывает делать вдогонку второй залп их 2-х торпед, но с учетом уже большей скорости конвоя. Ясно в перископ видим, а потом все слышим взрыв торпеды. Транспорт немедленно исчез, как будто его и не было. По отсекам сообщается о попадании. Слышим возгласы «Ура!». Но наше ликование быстро кончается. Оба тральщика повернули на нас, сбрасывая серии глубинных бомб. Производим обычный маневр ухода от противника – поворачиваем в противоположную сторону движения конвоя и уходим на глубину 100 метров. Маневрируем свободно, не боимся подводных препятствий, так как по картам их здесь нет.

В первый момент показалось, что мы ушли от бомбежки. Нет, не ушли. Акустики докладывают, что тральщики приближаются к нам. Это мы и сами почувствовали, так как пот очередной серии глубинных бомб, сброшенных где-то пока еще в безопасном расстоянии, погасло несколько электрических лампочек. Тральщики нас проскочили, потом вновь вернулись и снова начали маневр для атаки. В этот момент мы на полном ходу врезались в какую-то подводную скалу. Многие падают. Недоумение. Полный ход назад! Нос резко задирается вверх. Лодка начинает всплывать, 70 м... 60 м... 50 м... – корпус ползет по подводной скале, еще миг – и нас выбросит на поверхность.

Все это в какие-то 1-2 минуты по времени. Кажется, прошла целая вечность. Тральщики вот-вот опять сбросят серию бомб. Даем небольшой ход вперед (на глубине 30 м) – лодка животом переползает через голу, дифферент переходит на нос. Резко теряем глубину, проваливаемся все глубже и глубже... 60, 70, 100, 120, 130 метров...

Наконец, мы остановили ее падение. Глубинные бомбы где-то рвутся глухо, и кажется, что совсем недалеко... Шумов кораблей – не слышно. Значит, эта скала с немцами сыграла злую шутку. Нагнав на нас некоторую растерянность, скала вместе с тем стала тем экранирующим наши шумы препятствием, за которым враг нас потерял. Опять мы ушли от него. И опять с победой!

Как передать свои ощущения от бомбежки глубинными бомбами? Трудно пока это выразить точно. Кажется, испуг был, но нельзя сказать, чтобы этот испуг повлиял на действия, на выполнение команд. Я, например, знаю, что все команды выполнял четко, другие – тоже.

Наш комиссар в это время в 1-ом отсеке своим присутствием и невозмутимостью благотворно действовал на торпедистов Ужаровского, который, в свою очередь, сам был на высоте.

Может быть, переживания были бы более заметны, если бы бомбы рвались ближе, а мы бы имели какие-нибудь повреждения? Этого не было. Хорошо, если этого не будет и в последующих походах! Кроме того, заметную роль на психику влияло и то, что мы теперь, после сегодняшней атаки, на своем счету имели уже два потопленных корабля противника. Это радовало. А с радостью на сердце, пусть даже небольшой, легче переносятся все невзгоды, в том числе и близкие взрывы вражеских бомб.

На подводной лодке
«Ярославский комсомолец»

Из дневника бывшего командира ПЛ «Ярославский комсомолец» –
участника Отечественной войны Лукьянова Ф. И.

1942 год

12 июля. Продолжаю свои записи о войне.

В эти дни нам все внимание. На каждом шагу вопросы, рассказы, новые и новые повторения о том, как мы атаковали линкор "Тирпиц".

Конечно, мы гордимся этим историческим походом и радостно переживаем наш триумф.... Да и только ли наш? Нет. Окружающая нас атмосфера торжества и светлой уверенности в окончательной победе над фашистами именно нас убеждала в нашей силе, в нашем могуществе. Это триумф всех нас.

Так было и сегодня. Утром я провёл политинформацию, где более подробно рассказал о вооружении крупнейшего в мире линкора «Тирпиц» и о значении нашей успешной атаки. С большим воодушевлением я проводил уже запомнившиеся мне данные о флагмане немецкого флота:

- время вступления в строй – 1939 г.; 8 шт. – 380 мм орудий (в башнях);
- 12 шт. – 150 мм орудий (в башнях);
- 16 шт. – 37 мм автоматов;
- водоизмещение – 53 000 тонн;
- скорость – до 30 узлов.

Традиционного поросенка, положенного за победу, мы съели. Сам командующий флота тогда, за праздничным столом, поздравил всех нас с этой **ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОБЕДОЙ**.

Сейчас мы готовимся к новому походу и подытоживаем свои большие успехи за год войны.

Для меня, например, эти итоги складываются следующим образом:

- участвовал в 7 боевых походах;
- потоплено или повреждено 5 транспортов и кораблей противника общим водоизмещением около 30 000 тонн.
- сделан специальный выход в море для оказания помощи ПЛ «Щ-402», оказавшейся после преследования противником без топлива;
- нашей, моей, подводной лодкой «К-21» атакован ЛК «Тирпиц», после нашей атаки ЛК встал в ремонт.

Это радует, дает силы, стремление к новым победам.

Прошедший год войны не обошелся и для нас без потерь. Не вернулись в родную гавань три подводные лодки: «М-175», «Щ-401» и «К-23». На подводной лодке «Щ-401» погиб мой близкий друг Борис Ковалев, который, не успев отдохнуть после дохода на «Щ-404», вернувшейся с моря 5-6 дней назад, был назначен срочно на эту ПЛ вместо заболевшего помощника командира...

А каким прекрасным человеком был Борис..., всегда отзывчивый, вежливый, безотказный в любой работе, в любом деле. Быстрый и скорый на решения и действия. Невысокий, коренастый, светловолосый, с чистыми голубыми, всегда прищуренными улыбающимися глазами. Мы вместе с ним приехали сюда, на флот, в самом начале войны, попали на разные ПЛ и очень редко видели друг друга. Или я в море, или он. Но в те короткие и редкие встречи мы больше говорили о войне, о походах, об удачах или ошибках и совсем почти не говорили о личном, о семьях. Этот год войны оторвал нас неожиданно от семей, оторвал грубо, жестоко и внёс в наши души какую-то черствость, уменьшил восприимчивость к личному.

Еще в училище курсантами мы с ним часто спорили и так не пришли к единодушному мнению о том – есть судьба у человека или нет. Я не верил в судьбу, – тот спор у нас продолжался до последнего дня. Он переживал войну тяжело, часто был задумчив, иногда сам высказывал мысль, что любой поход для каждого из нас может быть последним. Я с ним не соглашался. Убеждал, что любой поход, если на лодке хороший командир, отработанный экипаж и всегда в исправном состоянии техника, должен закончиться победой. Победой большой или малой. И вот его не стало. Но это не доказывает, что он или я были правы в споре. Этот спор ещё не закончился.

Особенно тяжело все мы переживаем гибель подводной лодки «К-23», последний поход которой возглавлял наш командир дивизиона Магомет Гаджиев. Это он успешно с первых дней войны использовал артиллерию подводной лодки как для уничтожения транспортов противника, так и для самообороны. Беспримерная храбрость, уверенность в личном составе, умелый учёт психологического фактора внезапного появления подводной лодки, открывающей артогонь – это стяжало ему одному из первых всеобщую любовь и уважение.

Его горячее сердце не признавало усталости, страха, сомнений или отступления от принятого решения. Для многих командиров больших подводных лодок в первый год войны тактика, разработанная ГАДЖИЕВЫМ, – "Торпедная атака и внезапное всплытие для артиллерийского боя" – для побития уходящего или повреждённого транспорта, или для артбоя с малыми кораблями противолодочной обороны противника, стала основной. Но все же самым отличительным его качеством была его исключительная скромность. Даже более того, он просто старался, именно не выпячиваться, не ставить себе в заслугу успехи тех экипажей, тех командиров подводных лодок, где он, как всегда, был инициатором и вдохновителем захватывающих побед.

И все же, откровенно можно сказать, что для того чтобы из подводного положения (лодку никто не видит, никто не знает даже где она), из безопасного пока положения поставить себя сразу в исключительно невыгодное состояние – это сделать может не каждый. И в самом деле, у подводной лодки все преимущество в её скрытности. Во всем остальном, кроме торпедного вооружения, мы плаваем почти на довольно слабых кораблях в том случае, если в корпус попал снаряд. В этом исключительном случае ПЛ не может погрузиться, т.к. утонет. Ей остается одно – драться до "победного конца", в надводном положении. Вот здесь и проявляются ее слабину. Артиллерийское вооружение слабое. Плаучесть и живучесть значительно ниже, чем на надводных лодках. И всё же, зная это, и, конечно, учитывая именно эти особенности, наш Магомет Гаджиев всплывал и давал артиллерийский поединок. Вот почему мы все перед ним склоняли наши головы. Вот почему его любили все. Ему не нужна была никакая реклама, храбрость, он не нуждается в этом... Можно смело утверждать, что внезапность всплытия ПЛ, ее артогонь ставили немцев в первый момент в шоковое состояние, приводило к растерянности, и, конечно, к потерям. Возможно, что, может быть, не следовало бы часто в любом случае прибегать к этой тактике, предполагая и учитывая, что немецкое командование из своих ошибок и глупостей сделает какие-то определенные выводы, даст новые боевые инструкции и рекомендации командирам транспортов и кораблей противолодочной обороны, но это все пока мои предположения...

Есть данные считать, что ПЛ «К-23» была вынуждена всплыть из-за больших повреждений корпуса и потери плавучести от поступающей в лодку воды и вступить в бой, артиллерийский поединок, заранее зная, что этот бой – последний для них и что, чем больший урон они нанесут противнику своими выстрелами, тем дороже станет их гибель.... Таковы коротко общие итоги прошедшего года войны для нашего соединения подводных лодок.

15 июля. Три дня назад командир бригады контр-адмирал Виноградов вызвал меня к себе на БФКП и передал мне, что я назначаюсь командиром «малютки», подводной лодки малого водоизмещения, строящейся в Сормово для Северного флота.

Одновременно он выразил уверенность, что я оправдаю доверие, которое мне оказано таким продвижением по должности. Конечно, в течение года войны, через 4 года после окончания училища, стать командиром подводной лодки – этого, честно говоря, я не ожидал. Но война есть война. Приказ есть приказ. От всей души я поблагодарил за доверие и обещал, что приобретенный опыт поможет мне быстро встать на ноги и что, как положено в таких случаях, я оправдаю доверие командования бригады и флота.

В душе я ликовал. Но командир немного охладил мою радость, заявив, что одно дело «сказали», «предложили», что приказа может и не быть.

16 июля. Сегодня у нас на лодке, в первом отсеке, артисты Московской эстрады. Среди них известные на весь Союз артисты Погодин и Юровская. Все-таки, какой у нас большой первый отсек и особенно тогда, когда мы убрали из него торпеды и подвесные койки. Весь экипаж ПЛ, гости и весь коллектив артистов – все разместились в одном отсеке. Это – первый фронтовой концерт прямо на подводной лодке. Он прошел с большим успехом. Мне как старпому, пришлось много потрудиться, чтобы все прошло хорошо, включая и праздничное угощение участников концерта.

19 июля. Пришел приказ о моем назначении. Начал сдавать дела старпома однокурснику Арванову З.

25 июля. Дела сдал. С ПЛ полностью рассчитался. Собираю чемодан и подарки для своих – для жены и детей. Основные ценности – это несколько банок консервов и 6 плиток шоколада, сэкономленные за все время боевых походов... Боцман ПЛ Соловей где-то для меня разыскал из своих резервов 30 пачек махорки. Все меня убеждают, что махорка – самая лучшая разменная монета, что на неё всё дорогой можно купить, пришлось и её уложить в чемодан. Как потом оказалось, махорка действительно была тем ключом, той ценностью, перед которой открывались все кошелки со снедью, скудной и редкой, продаваемой на станциях.

Простился с командиром ПЛ Героем Советского Союза Луниным Николаем Александровичем. Очень много хорошего, полезного дал он мне за эти три боевых похода, которые мы с ним сделали после того, как он пришел к нам командиром. Знание дела как командира и как моряка, исключительная выдержка и хладнокровность в трудные минуты боя. Постоянная бодрость и подвижность. Упорство в достижении поставленной задачи. Умение работать с личным составом и в этой работе опираться на партийную и комсомольскую организации, на помощь комиссара. Хорошая школа – учеба для офицеров в море. И многое, многое другое, полезное и нужное. Всех качеств трудно перечислить. Хотелось бы здесь записать отдельные «афоризмы» моего командира или его основные «правила»:

- Плавать без дураков.
- Лучше 10 раз погрузиться от чайки, чем прозевать хотя бы один самолёт.
- Сначала и главное – хорошая работа механизмов, чистота и порядок потом.
- Если корабль хороший – хорош командир, если корабль плохой – плох старший помощник.

Были и другие особые мнения, которые я здесь пропускаю из-за их иногда неверной трактовки.

Прощание с командиром, с командой заняло немного времени. Отдельно тепло и с грустью простились с Лысовым Сергеем Александровичем – комиссаром ПЛ. Трудно сказать, кто больше воздействовал и работал с личным составом из офицеров, как не он. Он всегда с матросами, в гуще событий, вечно организующий беседы и встречи.

Авторитет командира подводной лодки или командира боевой части – это одна сторона авторитета, имеющего в своей основе знание дела, своей специальности. Совсем другое дело – авторитет политработника. Комиссар на корабле и тем более на подводной лодке – совесть партии. Если командир может допустить порою грубость, нетактичный окрик, и даже в том случае, если бы это и надо было бы сделать. Только беседа, только убеждение, только длительная воспитательная работа с каждым в отдельности, нахождение тех ключей, особенно которые открывают путь к сердцу человека, – все это всегда и везде, в любой обстановке, в любом месте – в бою, в торпедной атаке, в кубрике, на базе или на вечере в доме офицеров – заставляло быть собранным, внимательным, аккуратным. Заставляло и обязывало знать обстановку, задачи, личную жизнь и думы каждого... Таким был наш комиссар. Его любили все и его голос, его мнение было так же веским решающим, как мнение командира.

Лично для меня Сергей Александрович был тем политработником, в образе которого сконцентрировалось всё то лучшее, передовое и новое, те качества, которые должны иметь комиссары военного времени.

Должен сказать честно, что возможность несколько месяцев побывать в тылу прельщала, а главное было в том, что впереди у меня встреча с семьей, с женой, по которым я соскучился и к которым стремился всей душой и телом.

02 августа. Дорога грустная. Кое-где разбитые авиацией ж/д пути, вагоны, паровозы... Мужчин на станциях нет. Больше дети и старики. Купить что-либо дорогой невозможно. Продажа продуктов шла не на деньги, а на обмен. Меня выручила махорка. Пачка шла по цене невероятной – 50 рублей. 2 пачки махорки можно обменять на курицу или на буханку хлеба, или на десяток яиц... Но и этого нельзя было купить где-то сразу, одновременно. Менялся какой-нибудь один продукт и то из-под полы, тайно, с большой осторожностью.

03 августа. Ночь. Проехал Ярославль. Город, с которым я потом буду связан на всю свою жизнь. Но об этом потом.

05 августа. В Москве не останавливался. Нет времени, и негде остановиться. В Москве буду потом, позже.

06 августа. Прибыл в Горький. Общее впечатление от дороги тяжелое. Суровые лица на станциях и вокзалах, десятки и сотни женщин и детей, мечущихся в поисках возможности куда-то доехать... Эшелоны, эшелоны с техникой и оружием, с войсками и ранеными, с эвакуируемыми детьми и женщинами. Четко вырисовывается картина тяжелого горя, нахлынувшего на наш народ. Разговоры. Рассказы свидетелей зверств фашистов на каждой станции, на каждой остановке. И везде на всех преобладающая одежда – ватники и еще раз ватники. Очень много эшелонов с эвакуируемым оборудованием заводов. У них пути на Урал, в Сибирь, среднюю Азию. И как бы не сложилась история, как бы потом не писали, нет, не видно, невозможно найти или услышать слово неуверенности в победе нашего народа. Конечно, были разговоры, споры, воспоминания об ошибках, о неоправданном отступлении, сдаче городов и даже сдаче в плен – все это было. Но паники первых дней нет и не видно. Каждый занят своим делом. Каждый верит в близкую победу. И это, пожалуй, самое теплое, самое радостное, что осталось в памяти от дороги с дальнего Северного участка битвы до Горького.

8 августа. С трудом нашел дивизион строящихся подводных лодок. Я сегодня нашел и штаб дивизиона. Он находился тогда почти на самом берегу Волги, на улице Маяковского в хорошем, старой постройки, кирпичном здании. Командир дивизиона капитан второго ранга Павлуцкий принял меня радостно. Долго расспрашивал о фронтовых новостях. О своих друзьях подводниках, об их боевых действиях. Разрешил мне, по обстановке, с его разрешения съездить к семье, которая в это время жила на станции Ундол горьковской железной дороги у каких-то далеких родственников, которых я ранее не знал. Он же познакомил меня с обстановкой и определил очень ограниченный срок для подготовки экипажа ПЛ «М-104», которая еще не была полностью закончена комплектованием. Я был предупрежден, что на заводе строятся несколько таких же подводных лодок, и что они строятся на деньги комсомольской молодежи различных областей, что это повышает мою ответственность за подготовку команды и прием ПЛ от завода.

После ухода от командира дивизиона в моей голове отложилось только одно – 2 недели. Для окончательного комплектования экипажа, для изучения личного состава, для изучения с каждым из нас устройства ПЛ и организации службы. Срок очень и очень ограниченный. За это время я должен побывать у жены. Маловато. Очень. Но в данной обстановке и за это время очень многое можно сделать. В этот же день меня представили личному составу.

После знакомства с командным составом, я собрал отдельно старшин. Рассказал им о последних событиях, познакомился с каждым из них в отдельности. Оказалось, к большой моей радости, что почти весь старшинский состав уже воевал, сделал по 2-4 боевых похода, а значит – понюхали, чем пахнет война. Это радовало. Давало уверенность, что старшинский костяк уверенно поведет своих подчиненных, впервые прибывших после учебных отрядов на подводную лодку. Одновременно радостно было видеть, еще и еще раз убеждаться, что как на действующем флоте, так и в глубоком тылу весь наш народ поднялся на священную войну. Весь народ жил только и только одним – все для фронта, все – для победы!

Основной костяк уже почти скомплектованной команды составили:

1. Помощник командира ПЛ – ст. лейтенант Козырев М.
2. Командир БЧ-5 – инженер ст. лейтенант Андреев П.
3. Командир БЧ-1-4 – лейтенант Чумаков К.
4. Командир БЧ-2-3 – лейтенант Крикун Г.
5. Боцман ПЛ – глав. старшина Пекарской А.
6. Старшина группы торпедистов – глав. старшина Арсеньев
7. Старшина группы мотористов – ст. 2 ст. Молочков П.
8. Старшина группы электриков – гл. старшина Еловенко Н.
9. Командир отделения трюмных – ст. 2 ст. Самигулин Г.
10. Командир отделения радистов – ст. 2 ст. Ширкунов П.
11. Командир отделения штурманских электриков – Кабот Ф.

Таков пока основной состав. С ними, в одном коллективе, все еще впереди. По всему чувствуется, что народ крепкий, и с ним можно воевать.

9 августа. Провел с личным составом беседу об атаке ЛК «Гирпиц». Рассказал им, как участник этой атаки, все эпизоды и все глубокое значение нашей победы.

Живем только одним решением комсомольской организации: «ни одной минуты без дела». Распорядок установил такой. После побудки до завтрака – 1 час контрольных вопросов по пройденным вчера темам изучения устройства ПЛ. После обеда все это на практике повторялось непосредственно на ПЛ. После обеда личный состав участвовал в монтажных работах на ПЛ по своим специальностям. Вечером теоретическое изучение устройства – 1 час, и 2 часа – изучение специальности, и так каждый день, без выходных, без увольнений. О последнем ни одного раза никто и не поднимал вопроса. Было не до увольнения.

Таким образом, у нас в день набиралось около 10-11 полноценных рабочих и учебных часов. В неделю, за вычетом внутренней вахты, каждый старшина, матрос и офицер делу изучения специальности, устройства ПЛ и ее боевой организации уделял не менее 60-65 часов. Практически больше мы ничего взять не могли. Еще в глаза бросалось то, что командный состав не подгонял подчиненных. Все делалось под контролем старшин. И они с этим справлялись блестяще. Больше того. В этом просто не было необходимости, т.к. каждый понимал и хорошо знал, что скоро, очень скоро нас отправят на Северный флот и что это главное – сегодняшним ученикам придется жить, плавать, воевать и бороться за жизнь корабля именно этим коллективом, именно с этими знаниями и опытом, которые мы получаем сейчас, здесь, в Сормово.

Должен отметить, что сормовские рабочие круглые сутки в 2-3 смены не жалели ни сил, ни энергии на быстрейшее окончание строительства подводной лодки. Директор завода «Красное Сормово» тов. Рубинчик лично, ежедневно главное внимание уделял именно нашим подводным лодкам. Все мои претензии по недоделкам и монтажным работам по его указанию устранялись немедленно.

20 августа. 5 дней. Всего 5 пять дней. Так мало было дано мне для поездки к семье. Жена и малыши, мои милые мальчишки, были, конечно, каждый по своему, исходя из возраста и возрастных интересов, рады моему приезду и моим скромным подаркам. Ребятам, конечно,

кроме шоколада, ничего не надо. Получив его, они разбежались в разные стороны: один на улицу, другой – под стол. Жена плакала и смеялась. Радовалась и вновь впадала в печаль перед предстоящими часами расставаний... И они, эти часы, пришли. Сегодня я опять в Сормове, в своей второй и уже совсем родной семье. Я теперь хорошо понимаю, что с этой семьей впереди все радости побед и всей печали поражений и неудач.

22 августа. Работы на ПЛ заканчиваются. Полная достройка будет первой очереди в Северодвинске, и второй очереди после перехода в Полярное, в Мурманске. Народ устал. Это чувствовалось во всем. Решил, что шлюпочный поход на Волгу, на один из песчаных островов даст хорошую разрядку, отличный отдых и еще больше сплотит коллектив. Так и сделал. Сегодня с самого раннего утра с подъемом в 05.00 всей командой, оставив одного дневального, на 3 шестерках, забрав с собой сухой паек на день, удочки и сети, ушли на один из островков в районе Сормово.

Хороший солнечный день. Теплая вода в Волге, отличный пляж и знаменитая волжская уха, которую я лично варил, в сочетании со шлюпочными соревнованиями, игрой в волейбол и футбол, купанием и загоранием сделали свое большое дело... Этот однодневный поход на Волгу оказался в дополнении ко всей ранее проделанной работе тем цементом, тем бальзамом, которые дали нам всем боевую бодрость и сцементировали всех в одну единую семью, с едиными мыслями, едиными желаниями и стремлениями.

За проявленную мной инициативу командир дивизиона вызвал меня на «ковер» и здорово «продраил». Все мои попытки доказать, что такое мероприятие, как коллективный отдых, даст только пользу, моим начальником не были поняты. Мне было сказано, что этим я расхолаживаю личный состав, что подобные действия – подрыв авторитета командира, начальника и т.д. и т.д. Но я остался при своем мнении, что общение начальника с подчиненными, в формах таких, как соревнования, состязания, походы за город, и другие – только повышают авторитет командира. Другое дело, если начальник начинает вместе с подчиненными матросами пьянствовать, тогда это – преступление. После такой «работы» такого командира надо немедленно освобождать от командования кораблем, частью и назначать с понижением в должности.

27 августа. Без всяких торжеств, буднично, сегодня вечером, началось наше движение по железным дорогам на север, в Северодвинск. У нас три теплушки. В одной – команда, в другой рабочие завода и в третьей – камбуз с продуктами. Еще до начала движения эшелона я за один-два дня сильно простыл, но не захотел об этом никому говорить. Хотелось быть с командой, хотелось быстрее быть там, где идет война – это первое. И второе – слишком мало было времени, чтобы кого-то назначить вместо меня...

Простились с Сормово с Горьким. Впереди – большая дорога в неизведанное, но желанное.

1 сентября. Сегодня прибыли в Северодвинск. В пути были около 5 суток. Считаю, что такой срок достаточно быстрый во время войны, когда все дороги заняты в основном только военными эшелонами.

Дорогой я еще больше разболелся. Где-то схватил дизентерию. Правый коленный сустав сильно распух. К прибытию в Северодвинск температура подскочила до 38 градусов.

В Северодвинске нас встретил командир дивизиона строящихся подводных лодок СФ капитан 1-го ранга Максимов. Сухопарый, высокий, с усталым лицом, он произвел на меня хорошее впечатление, тем более его главными и первыми вопросами были вопросы о личном составе, как доехали, как питались, как здоровье. Чувствовался начальник, принимающий участие к нам, к нашему экипажу.

Быстро было определено место на плавбазе и указан срок, в течение которого мы должны подготовиться к сдаче задачи № 1 и № 2; задача № 1 включала в себя знание устройства ПЛ, организацию боевой службы и знание специальности, наличие всей боевой документации и ее знание; задача № 2 включала в себя элементы отработки действий личного состава в море в надводном и подводном положениях. Для того чтобы нам разрешили переход в Полярное, нам необходимо было эти задачи сдать не менее чем на «хорошо». В дивизионе много знакомых по службе на Севере офицеров – это товарищи Носачев, Бурец, Марков, Зезера и другие. Они встретили меня дружной семьей бывалых подводников, и все в один голос советовали

ложиться в госпиталь, но я отказывался, считая, что все это скоро пройдет, и что в санчасти плавбазы меня поставят на ноги быстрее, тем более довлело желание личного участия, хотя бы из санчасти, руководства всеми делами на ПЛ. В госпитале я бы этой возможности не имел.

4 сентября. Все же заставили, и правильно, лечь в лазарет на плавбазе дивизиона. Особенно беспокоит нога. Колено, как бревно. Хожу с трудом.

Сегодня, для меня совершенно неожиданно, ко мне зашел «дед Мороз», наш «дед» – это командир дивизиона малюток в Полярном. Он здесь в командировке. Капитан 1 ранга Морозов Николай Иванович, авторитетный и опытнейший командир. Командует дивизионом ПЛ с 1939 года. Он любимый наставник, учитель и отец всех молодых командиров ПЛ, делающих первые самостоятельные шаги в управлении ПЛ. Так и сегодня он прибыл для личного обеспечения перехода одной из новых ПЛ из Северодвинска в Кольский залив. Мы вместе с ним воевали в финскую войну. Правда, только наша бригада не потопила за это время ни одного финского корабля, но выходили в море на разведку, на позиционную службу.

Николай Иванович пожелал мне скорейшего выздоровления и рассказал боевые последние новости. Они были и радостные, и печальные. Радостные в том смысле, что наши лодки по-прежнему продолжали успешно действовать против конвоев противника, и печальные, потому что, во-первых, не вернулась с моря «ПЛ-173» (командир капитан-лейтенант Терехин), во-вторых, трагически погиб командир ПЛ «Щ-402» капитан третьего ранга Столбов Н.Г. Случай нелепый, дикий, но он произошел. После зарядки взорвалась аккумуляторная батарея. В отсеке произошел пожар. И это – в море, на боевой позиции. Погибло и сгорело 19 подводников, в том числе все офицеры, кроме командира БЧ-5, который привел подлодку в базу. Есть две вероятные причины: первая и официальная, что взрыв произошел от искры где-то в системе вентиляции аккумуляторной батареи (батарея была старая), и вторая, неофициальная, но с большой настойчивостью распространяющаяся, что взрыв произошел от того, что кто-то в отсеке (и это после зарядки, когда вероятность взрыва от огня 100%) пытался закурить, что, дескать, найдена трубка, и т.д. и т.п. Я этот факт отмечаю специально. Можно было об этих слухах не записывать. Но, к большому сожалению, у отдельных подводников бытует мнение, что на лодке можно курить. Гибель почти половины команды на ПЛ «Щ-402» доказывает обратное.

17 сентября. Мои дела плохие. Перешел на костыли. Сегодня перевели в госпиталь № 1142. Ходить могу только на костылях. Ишиас. Радикулит. Правый коленный сустав, сухой плеврит, ангина и еще что-то – целая куча всякой гадости. Креплюсь. Стараюсь не падать духом.

25 сентября. Температура колеблется где-то между 40° и 39,5. Потери памяти нет. Сильно похудел. Страшные боли от кашля во всем теле. Надо бы делать операцию колена, но врачи отказались. Ждут, когда у меня улучшится дело с температурой. Письма писать не могу. Лежу под каким-то сооружением из проволоки, фанеры, и электроламп. Только одна голова свободна. Это меня отогревают, т.к., видимо, организм уже не справляется с выработкой тепла. Внешне стараюсь бодриться.

30 сентября. Отказываюсь от пищи уже вторую неделю. Потерял аппетит. Сестры и няни ругают меня. Злятся. Порой даже не говорят со мной. Во всех палатах много тяжело больных, и в каждой палате есть такие «тяжелые», как я. И эти «типы», как я, здорово, наверное, портят кровь обслуживающему персоналу. Если не всему персоналу, то той его части, которая только во время войны приспособилась к жизни – и их место в госпитале – временное явление.

3 октября. Участились налеты немецкой авиации на Архангельск и Северодвинск, каждую ночь воздушные тревоги. Где-то далеко бьют зенитки. В темных окнах полыхают зарницы зенитных снарядов и пляшут полосы лучей прожекторов.

Эти три дня нас, тяжелобольных, по приказанию начальника госпиталя стали на носилках выносить в подвал, как только по трансляции раздастся сигнал «воздушная тревога». Тяжелое дело – таскать немощных мужиков в подвал женскими руками. Да и сама картина видеть ковыляющих на костылях, стонущих, мечущихся больных и персонал по коридорам и палатам, а главное – чувствовать свое бессилие. Я, как правило, всегда протестую, ругаюсь, когда меня перекладывают на носилки и несут в холод. Бессилие, невозможность встать и ожидать где-то

в темноте сырого подвала падений и взрывов бомбы – самое неприятное, что у меня сохранилось в памяти о днях лечения в госпитале.

10 октября. Дело пошло на поправку. Температуру сбили до 38-37°.

13 октября. Сегодня сделали отсос жидкости из правого колена. Вместо нее влили туда какой-то физраствор. За 20-30 минут пребывания в хирургической палате насмотрелся на то, как у человека деловито пилят кость ноги ниже бедра.... Это было на другом, соседнем операционном столе. Больше всего удивило то, что врач-хирург и его ассистенты при этом спокойно, буднично разговаривали о чем-то своем, домашнем. Наверное, о смешном, т.к. иногда у них на лицах мелькали улыбки. Значит, мы все привыкли к войне. К жертвам, к виду крови и страданиям.

20 октября. Сегодня первый день, как температура утром была 36,9°. Ура! Ура! Ура! Есть порох в пороховницах. Будем еще бить фашистов.

Ко мне регулярно приходят с ПЛ офицеры, старшины. Носят гостинцы. Снабжают меня новостями, а главное – регулярно докладывают мне о наших делах. Вот и сегодня прибыл командир БЧ-5 ст. инженер лейтенант Андреев. Он сообщил мне, что монтажные работы заканчиваются и приступили к швартовым испытаниям. Личный состав по-прежнему целыми днями занят изучением устройства подводной лодки и своей специальности. Что комсомольцы и коммунисты везде впереди. Особенно сейчас отличаются трюмные, мотористы и электрики – это товарищи Симулин, Молочков и Еловенко. Эти старшины группы сами, вместе с подчиненными подают пример воинского и трудового героизма. Они днями и ночами не уходят с ПЛ, помогают рабочим в монтаже и испытаниях, а главное – этим самым все лучше и лучше изучают свою технику.

22 октября. Температура вроде устоялась. Долго, очень долго я не шел на поправку. Главным все же во всей поправке, я считаю, – желание вновь встать в строй. Вновь пойти в боевые походы. Желание жить и воевать, воевать именно подводником оказалось сильнее болезни. Конечно, нельзя не учитывать и силу молодого организма. Появился зверский аппетит. Ем все подряд. Даже ненавистная манная каша поглощается в нескольких порциях. Сестры и няни ходят сияющие. Они тоже именинники. Сколько дней и ночей они провели, не смыкая глаз, у моей постели? Спасибо им всем. Особенно спасибо сестрице Лидии Гуренко, которая особенно настойчиво добивалась во мне желания жить и продолжать службу. Вливала в мой слабый организм соки той живительной силы, которые запомнятся на всю жизнь.

23 октября. Сегодня для меня совершенно неожиданно я стал «героем» дня... Часто в 10 утра ко мне пришел комиссар госпиталя. Фамилию его я не запомнил, да и не следовало эту фамилию запоминать.

У нас с ним возник спор: кто победит – мы или немцы. У меня никогда не было сомнения в победе нашего народа, в победе социализма над воинствующим капитализмом, принявшим облик фашизма.

Больше всего меня возмутило то, что этот «комиссар» усомнился в нашей победе. Темнил. Я его просто попросил уйти из палаты и подумать о своей роли как политработника и обещал, что о его неверии в нашу победу, о его двуличии и о том, что его надо снять с должности комиссара, я доложу начальнику госпиталя. Он ушел. Оказывается, весь этот разговор слышала Лида. Она сидела у меня в изголовье и заполняла карточки больных. И, как только дверь за комиссаром закрылась, она вышла из своего «тайника» и попросила прощения, что она была невольной свидетельницей нашего спора.

Через час весь госпиталь знал о нашей беседе с комиссаром, и через несколько дней его куда-то перевели.

27 октября. Наша подводная лодка начала заводские испытания. В море вместо меня ходит командир «М-106» капитан-лейтенант Самарин. Я быстро поправляюсь. Разрешено ходить.

7 ноября. Сегодня праздник – 25 лет Октября. Принял активное участие в подготовке к празднику. Выпустил хорошую стенную газету. Жаль, что не мог танцевать... Не было сил, а желание, хотение, имелось очень большое. Никогда не забуду картину танцев в госпитале... Сестры и няни с большой терпеливостью и даже настойчивостью сами приглашали могущих ходить (не танцевать, а именно ходить) на танец. Неважно, как получался танец. Он редко у

кого проходил. И все же и здесь чувствовалось, что без женщины мир, наверное, был бы тусклым, пустым и не ярким. С какой нежностью и радостью в эти минуты клал руку на талию своей дамы кавалер, с какой улыбкой он смотрел на нее и говорил, говорил о чем-то без конца. В эти минуты я завидовал счастливым.

15 ноября. Вышел из госпиталя. Постараюсь больше не болеть. Кто же будет воевать, если каждый из нас по своей халатности будет прохладиться по госпиталям. Лодка заканчивает испытания. Через несколько дней мой первый выход. Пойду в море с капитаном 1 ранга Максимовым. «Дед Мороз» ушел и давно находится в Полярном.

18 ноября. В Северодвинск пришло известие, что не вернулась с моря ПЛ «К-2», где старпомом был мой друг Гриша Галаган. Мы с ним хорошо дружили. Вместе ходили, если была возможность, на танцы, вместе отмечали проводы в море и возвращение в родную гавань. Делились личными делами, переживаниями. Жили так, как живут хорошие боевые друзья. В своей дружбе были откровенны. Тогда мы стояли в Пала-губе. Это было после атаки ЛК «Тирпиц». Через 2-3 дня я уезжал в Горький. Это событие и расставание мы решили отметить и посидеть вдвоем где-нибудь на скрытой полянке. Выбрали для этого маленький островок «Зеленый» (так мы его сами называли) и перешли туда на тузике. Взяли с собой спирт и кое-что закусить. Я никогда не представлял, что это наше уединение сегодня, тогда станет тем днем, который оставляет след на всю жизнь. Мы с ним даже не успели закусить после первого тоста «За тех, кто в море». Тогда этот тост стал символом пожелания успеха тем, кто в боевом походе и за тех, кто совсем, навсегда ушел в море и сейчас лежит где-то в его пучинах, в вечном мраке, в отсеке подводной лодки, ставшей стальной могилой. Вдруг он падает на землю, рвет руками траву, а потом судорожно со стоном хватается ртом траву и землю. Я поднимаю его испачканное землей лицо и вижу крупные мужские слезы.

«Что с тобой? Гриша! Дорогой, что? Рассказывай. Может быть, дети, жена погибли?!». Молчит. Я не стал настаивать. В такие минуты нельзя грубо лезть в душу человека. Коли он тебе верит, верит в твою дружбу, он сам всё расскажет... Спирт я убрал. Он был не нужен. Человеческое горе нельзя залить алкоголем. Можно забыться, можно опьянеть, но на время. Так и тогда.

Через 10-15 минут он упокоился и отрывочно рассказал, что он боится идти в море, что он не вернется, что лодка обязательно погибнет, что он со мной сидит и видит меня в последний раз. Я понял, что он не верил в своего командира, который, как он говорил, очень долго думает, теряется в сложных случаях маневрирования ПЛ.

Долго, очень долго мы просидели с ним. Прошёл обед. Прошел и ужин, а мы все говорили и говорили. Я не психолог и не мастер на убеждения. И это случилось первый раз в жизни, когда я видел и слушал человека, который каким-то чутьём предчувствовал свою гибель. Раньше об этом мы спорили с Борисом Ковалёвым, а теперь мне снова пришлось убеждать в заблуждении моего друга, я приводил ему массу примеров, сравнений. Делал всё, чтобы его переубедить, но все же, мне кажется, я его не разубедил.

Я очень хорошо знал командира ПЛ Уткина. Наши семьи были знакомы. О нем хорошего мнения было командование бригады, и он пользовался заслуженным авторитетом. Поэтому мне были непонятны причины отрешенности от мира сего, убежденности в том, что следующий поход для них – последний, что он не вернется в базу. Об этом трудно и, может быть, не следовало бы записывать, но сам факт "предвидения" может и должен быть подвергнут какому-то анализу или изучению.

И вот теперь и его не стало. Нас прибыло из Ленинграда после окончания курсов помощников командиров пять человек: Я, Коваленко, Галаган, Ковалев и Фисанович. Двое уже погибли. Кто из нас следующий?!

Возникает вопрос. Может быть, со временем наука, психологи и врачи будут определять, можно ли сегодня выпускать самолет, подводную лодку или футболиста на поле. Может быть, будут приборы, по которым можно определить, о чём сейчас думает, тем более, командир корабля или самолёта, от действий и решений которого зависит, в том числе и жизнь экипажа или выигрывает ответственный матч. Но это – из области фантастики.

19 ноября. Что значит – не везёт! Этого я никак не предполагал – прибыл новый командир вместо меня – капитан-лейтенант Сухорученко. Два дня я боролся, чтобы меня оставили командиром и поверили мне, что я уже совсем поправился и смогу в полную силу командовать подводной лодкой. Мне предлагали всё: и штабную работу в Архангельске, флагманским штурманом дивизиона ПЛ в Северодвинске. Я опять стоял на своём. Не хочу уходить с ПЛ, хочу на передовую, хочу быть командиром сам. Хочу воевать. Этот небольшой эпизод закончился в мою пользу, Сухорученко уехал. Большое спасибо за это капитану I ранга Максимову. Он встал на мою сторону. Сегодня и завтра – последние выходы на ходовые заводские испытания. Потом будем готовиться к переходу.

21 ноября. Заводские испытания закончены. В море выходили вчера и сегодня. Обеспечивающим ходил Максимов. Мной он остался доволен. Похвалил. Оказал, что у меня пойдут дела нормально, эта небольшая похвала для меня сейчас – лучше любого лекарства. Не хожу, а летаю. Моей радости нет предела. Готовимся к переходу в Полярное.

27 ноября. Сегодня прибыли в Полярное. О переходе следует рассказать.

Из Северодвинска вышли 25 числа вместе с ПЛ «М-105» (командир ПЛ капитан 3 ранга Хрулев В.В.). Командир дивизиона Максимов шёл со мной. С первого часа выхода и до входа в Кольский залив шли в штормовую погоду. Шторм, видимо, был очень сильным, так как порою мы из-за ухода одной из ПЛ за гребень волны теряли друг друга до тех пор, пока одновременно не выгребем на гребень волны. Но стоит одной из ПЛ выйти из этого резонанса, стоит одной из ПЛ оказаться на гребне, а другой у подошвы волны, как мы в течение 10-15 минут не могли друг друга видеть, несмотря на то что ПЛ шли на расстоянии не больше 54 кабельтовых. Личный состав почти весь укачался, держались только старшины. Они несли всю вахту почти бесменно. Отличились опять же мотористы, трюмные и электрики. Хорошо несли вахту рулевые-сигнальщики – боцман Пекарский, командир отделения рулевых Тарабарин, рулевой Феофанов. Они – герои перехода. Заводские рабочие, вышедшие с нами, как сдаточная команда, "трупам" пролежали почти двое суток перехода. О какой-либо горячей пище не было и разговора. Питались только сухим пайком. Крен доходил до 50-60%, для меня такой силы шторм не в новинку, но для большинства команды – впервые. Лодку бросало, как щепку. Если большая ПЛ разрезает волну каким-то образом хотя бы частично за счет своего веса, и меньше лезет на волну, то наши малютки буквально, как пробки, скачут то вверх, то вниз. На мостик вода почти не попадает. Лодка летит с высоты 20-12 метров вместе с волной вниз, а потом стремительно подбрасывается на ту же высоту вверх. И так почти двое суток...

Но ведь лодка описывает какие-то замысловатые кривые, при этом кренясь с одного борта на другой... А нас на мостике или в отсеках бросает с борта на борт. Каждый за что-то пытается ухватиться, незакреплённые предметы, ящики, инструмент падают, ползут, как живые, по палубе, их куда-то ставят, запихивают, но они вновь лезут под ноги до тех пор, пока кто-то не принайтовит их накрепко с трудом найденным концом на своем штатном месте. По лодке пройти в эти минуты можно с трудом. Идешь, держась за переборки, бьешься всеми сторонами тела о выступающие части приборов, магистралей. Перешагиваешь через тех, кто уже не в силах даже подняться с палубы. От качки ещё никто не умирал, но все они, укачавшиеся, чувствующих себя отвратительно. Особенно здорово бросает вверх, вниз и в стороны в концевых отсеках – в первом и шестом, это не мостик или центральный отсек. Вокруг последних лодка вращается. Сравните положение на качающейся доске трех человек – двух, которые находятся на концах доски, и того, кто находится в её средней части. Так и на ПЛ, в шторм. Поэтому умудрённые опытом стараются в свободные минуты быть ближе к центральному отсеку.

Особенно опасно переходить из отсека в отсек, когда открываемая тобою переборочная дверь, весящая сотни килограмм, как будто и ждет того момента, когда ты потеряешь равновесие. Тогда держись! Смотри в оба! Открытая и несдерживаемая дверь стремительно летит на тебя и с силой, безжалостно, бьёт. В эти доли секунд надо быстро отскакивать в сторону, а если не успел, принимать удар на руки или на плечо. Многие, очень многие теряли не один палец, не одну переломанную кисть руки.

Иногда, даже в эти тяжелые минуты борьбы с разбушевавшейся стихией, думаешь о том времени, когда человек всю силу ветра и воли может использовать на благо человека.

Захватывает дух, когда представляешь, что может дать даром растрачиваемая энергия... И это все дает солнце. А если солнце погаснет, или хотя бы процентов на 10-15 будет давать на Землю меньше тепла? Через сколько времени Земля превратится в ледник со всеми своими морями и городами? Земля будет гигантской глыбой льда. Интересно все же утроен мир. И вместо того, чтобы пользоваться благами жизни на нашей старушке Земле, мы ничего более умного не придумали, как воевать и воевать. Не может человек без войны, что ли? Нет, может. Для этого надо раз и навсегда покончить с фашизмом и с капитализмом вообще.

В Полярном нас встретили, как героев. Командующий, как потом говорили, сильно переживал, что дал нам разрешение на переход во время шторма. И когда при моем докладе командующему флотом возник разговор о том, что можно было бы и не выходить из Северодвинска, последний заявил, что именно он и воспользовался штормом для перевода необстрелянной ПЛ с неопытным экипажем, т.к. в такую погоду практически исключены полеты самолетов и плавание вражеских подводных лодок у наших берегов. Но этот шторм все же наделал много бед. Один из тральщиков, сопровождающий нас, был выброшен на камни и погиб. Не знаю, насколько верно, но как будто в эти дни один из наших эсминцев, застигнутый штормом в море, разломился на две части. Видимо, поэтому-то встречал нас командующий, на этот раз радующийся, что переход новых подводных лодок закончился успешно.

1 декабря. Перешли на завод в поселок Роста, под Мурманском. Здесь, в сухих доках нас должны окончательно достроить. Под многие механизмы, с учетом опыта войны, должны поставить для уменьшения шумности резиновые прокладки. Работа очень трудоемкая. По воздушным тревогам рабочие не покидают свои рабочие места. Все стали фаталистами. Только ложатся, бросаются плашмя на землю или на палубу, если противный свист падающей бомбы раздается где-то рядом.

Много разбитых, разрушенных домов, цехов. Но от этого жизнь, работа не изменили своего ритма. Ремонт, по рассказам старожилов завода, идет в 2-3 раза быстрее, чем до войны, с тем же качеством. Здесь в доке мы узнали, что нашей ПЛ должны присвоить имя «Ярославский комсомолец». Стало известно, что комсомольцы и молодежь ярославской области собрали 8 млн. рублей для строительства подводной лодки. Молодцы, ярославцы!

По этому поводу мы провели митинг личного состава, на котором вместе с комсомольцами завода приняли обязательство о досрочном окончании всех работ – это комсомольцами и рабочими завода, и отличной сдачей всех курсовых задач и учебных торпедных стрельб – обязательства личного состава подводной лодки.

Бомбежка Мурманска и завода стала реже, чем это было год назад. Заметно усилилось ПВО и информация населения о предполагающемся налете авиации противника. Как правило, в эти дни наша авиация уже встречает немцев на далеких подступах к Мурманску. Редко какому самолету удастся прорваться. Беспокоят систематические ежесуточные ночные налеты одиночных ночных бомбардировщиков, которые с большой высоты в одно и то же время, примерно, с 21.00 до 23.00 бросают по площади несколько бомб. Совсем стал не тот нахальный немец, каким он был в первые месяцы войны. Вся спесь с них уже сбита, появились и осторожность, и боязнь. Этого и следовало ожидать от бандитов, напавших на наш мирный дом, получивших отпор, которого они не ожидали. Они, вероятно, теперь сами уже думают о благополучном окончании своей авантюры.

27 декабря. Закончили все работы. Тепло простившись с комсомольским активом завода, перешли в губу Оленью для проведения швартовых, заводских и ходовых испытаний.

28 декабря. Переселились на плавбазу...

Пока подчиняемся капитану 1 ранга Максимову. Ходим под заводским флагом. Все испытания проводим в губе Оленьей. В свободное время рыбачим. За кормой всегда в сетке 10-15 кг свежей рыбы (треска, сельдь, пикша, окунь). Через день для всей команды готовим уху или жарим на завтрак. Этим дополнительным пайком личный состав доволен. Воздушных массовых налетов уже нет. Кончились. Немцы вообще почти не бомбят Полярное.

30 декабря. Только что вернулись из района о. Кильдин, где проводили глубоководное испытание корпуса, забортных устройств и систем осушения на их прочность и надежность в работе на предельной глубине погружения. На той глубине, на которую рассчитана прочность корпуса. Все прошло хорошо. Нигде не появилось ни течи, ни трещины. Все системы и

механизмы сдали экзамен на «отлично». На предельную глубину лодка, как правило, не погружается. Мы всегда плаваем не больше, чем на рабочей глубине погружения, т.к. предельная глубина при длительном плавании дает остаточную деформацию, что приводит к усталости металла, а значит и к его раннему старению, и поэтому стараемся на этой глубине быть реже. Так, сегодня пробыли на ней не больше 15-20 мин. Через день будем встречать Новый год. Откуда-то нам привезли елки и раздали по лодкам. Сейчас личный состав клеит и красит самодельные игрушки. Организационный комитет из 3-х человек никак не может подобрать кандидатуру Деда Мороза. Кто-то пустил шутку, что к нам придет настоящий Дед Мороз в лице капитана 1 ранга Морозова Н. И. Настроение у всех приподнятое.

1943 год

3 января. Новый год встречали на этот раз в новом помещении т.н. «Офицерского собрания». Предполагается, что это будет клуб, помещение для отдыха офицерского состава нашего соединения. Сама по себе мысль хорошая.

Встреча Нового года прошла весело, непринужденно. С последним ударом курантов далекой Спасской башни командующий флотом вице-адмирал Головкин поздравил всех присутствующих с наступившим Новым годом. Пожелал нам, подводникам, новых успехов в боевых походах и предложил тост за новые успехи в новом, 1943 году. И за всех тех, кто в море. Мы все встали и громкое ответное «Ура!» пронеслось над столом. Конечно, были и поросята. Так сказать, авансом, в счет будущего. Потом все танцевали. И почему-то не чувствовалось, что мы воюем. Возможно, большое количество жен, которые стали потихоньку, разными путями и под разными предлогами возвращаться в Полярное, как-то тушевало суровость военных дней, отвлекало от мыслей о войне. В эти новогодние дни где-то там, в глубинах, воюет сейчас один из моих друзей, Костя Колосов. Он командир ПЛ «М-119».

20 января. Приступили к государственным испытаниям. Все идет хорошо. Обнаруживаемые недоделки или неисправности быстро устраняются. Скоро, на днях, пойдем на торпедные стрельбы. К 31 января мы должны закончить все. Офицерский состав подобрался хороший. Уверенно, четко работает и занимается с личным составом командир БЧ-5 старший инженер-лейтенант Андреев Павел. Особенно настойчиво и много он уделяет внимание отработке личным составом борьбы за живучесть и легководолазной подготовке. На бригаде этим вопросам уделяется такое же внимание, как и другим видам специальной подготовки.

Имеется расписание, по которому каждому экипажу предусмотрено 2-3 тренировки в неделю по заделке пробоин, борьбе с пожаром и по работе в аппаратах «ИДА» (изолирующий дыхательный аппарат, в котором некоторое время можно работать под водой или выйти из погруженной ПЛ на поверхность). Я лично сам несколько раз принимал участие в таких учениях и понял, почему наши подводники во многих случаях на боевых позициях, при получении пробоин, при поступлении воды в лодку, ведут себя мужественно и умело выходят победителями на практике. Тренировки проходят в специальном отсеке, где с разных мест и направлений неожиданно подается под большим давлением вода.... Если ты не умеешь, растерялся – вода будет все прибывать и прибывать, и только когда вода добудет до подбородка, инструктор перекрывает поступление воды в отсек. Команда или группа л/с получает оценку «неуд.», и все начинается сначала до тех пор, пока оценка не станет «хорошо».

Только хорошая и отличная оценки дают путевку экипажу в боевой поход.... То же продолжается и после боевого похода.

Наиболее яркое, что сейчас проявляется, это то, что личный состав резко изменил свое отношение к этим тренировкам. Если в довоенное время на это мало обращали внимание, то сейчас, под воздействием бомб и взрывов в боевом походе личный состав с приходом в базу сам охотно идет на учения в отсек живучести. Отдельные команды, особенно группы трюмных и мотористы, а также торпедисты во главе со своими офицерами и старшинами, достигли виртуозности. За считанные секунды, они успевают с первым поступлением воды дать воздух в отсек, одеть эпроновский костюм, включиться в «ИДА» и заделать все пробоины. За это время вода в отсеке не успевает им дойти даже до икр ног. Просто они стали мастерами своего дела.

Думаю, что все, приобретенное на учении, с лихвой окупится в море. Все это делается для моря, для победы, для того, чтобы все мы дожили до Великого дня торжества нашего советского народа, до победы над фашистской Германией.

13 февраля. Вчера подписан приемный акт. Ждем приезда шефов для торжественного акта передачи флоту нашей подводной лодки «Ярославский комсомолец» и для подъема на ПЛ Военно-морского флага.

К приезду шефов готовимся. Особенно старается наша молодежь – старшины и матросы. Стало известно, что в состав делегации войдет много девушек. Каждый чистится, перелицовывает обмундирование, идет в парикмахерскую. Все хотят понравиться, быть еще лучше. А что может быть красивее, лучше молодости? Мне бы хотелось остаться молодым навсегда. У нас команда действительно вся комсомольская и почти все холостяки, кроме, разве, командира ПЛ, помощника командира и старшины группы торпедистов Арсеньева. Договорились об организации питания шефов.

Волнуюсь здорово. Причин для волнений много. Первая и основная – организация митинга и выступлений, этого же еще не было. Мы первые начинаем прием комсомольской лодки. За нами пойдут другие передачи. А первыми быть труднее.

На лодке аврал: чистим, убираем трюмы, драим медяшки, заканчиваем с покраской.

На ограждении боевой рубки, в ее передней части, сделали надпись «Ярославский комсомолец».

20 февраля. Прибыли шефы, которых мы все так давно ждали. Делегацию от молодежи Ярославской области возглавил секретарь Рыбинского горкома ВЛКСМ тов. Зыбин Михаил. Членами были колхозница Анфиса Шукина, агроном Антонина Малышева, мастер Ярославского резинкомбината Александра Соболева. До нас шефы никак не могут добраться. Сначала встреча с командованием БПЛ, потом встреча с работниками политотдела, затем общеотрядный митинг и другие мероприятия. Мы только могли их где-то по-одному перехватить. Таков был к ним интерес со стороны всего соединения. Оно и понятно. Это первые живые шефы. Первые комсомольцы за время войны – на флоте. Да еще и богатые шефы – взяли и подарили подводную лодку.

Как потом они рассказали, деньги на строительство ПЛ собирались разными путями – здесь была и отработка часов на производстве в фонд строительства ПЛ, и субботники, и добровольные пожертвования деньгами и ценными вещами, и участие пионеров в сборе средств.

Встреча с командой произошла только 22 февраля.

Анфиса Шукина и Антонина Малышева рассказали личному составу, как работают колхозники советской деревни, как они помогают фронту. О жизни молодежи Ярославского резинового комбината и патриотических делах комсомольцев Ярославля очень подробно рассказала Александра Соболева.

В свободное от официальных встреч время матросы и старшины показывают город, наши полярные достопримечательности. Девушкам – особое внимание. Они это видят и, кажется, благодарны им за это. Но ведут себя скромно и строго. Друг от друга – никуда.

Молодцы, девчата! Те, кто говорил, или считал, что с девушками легко будет познакомиться, и даже они будут с ними проводить время – эти потерпели жестокое поражение, но таких было немного. Большинство же считало, и в этом оказались правы, что ярославские девчата знают себе цену и хорошо понимают, куда и зачем они прибыли. Я вовсе далек от мысли, что первая группа ребят были какими-то «донжуанами». Нет, они также были хорошими парнями, но уж очень им хотелось побыть, поговорить с девушками. И это – естественное желание. Война не является тем замком, той стеной, которые могли устранить физиологическое влечение мужчин и женщин. Но суровые законы войны, уважение к женщине, прирожденная скромность и гордость русской женщины еще раз показали, как мы все, и здесь, на флоте, и в тылу – любим, уважаем, ценим и живем по законам Родины-матери.

22 февраля. Сегодня для всех нас – исторический день.

11 часов дня. Личный состав подводной лодки построен на кормовой надстройке. Личный состав бригады – на пирсе. На мостике все гости, представители командования бригады. Начинается митинг. Свое приветственное выступление от имени комсомольцев и молодежи

ярославской области Михаил Зыбин заканчивает словами: «Сегодня, по поручению комсомольцев и молодежи Ярославской области, мы передаем подводную лодку «Ярославский комсомолец» Северному флоту и выражаем уверенность, что в первом же боевом походе наша подводная лодка добьется крупных военных успехов...»

После этих слов я подаю команду: «Военно-Морской флаг Советского Союза поднять!»

Медленно спускается красное полотнище флага, под алым стягом которого мы ходили на заводские испытания. В это же время до половины длины фалиня так же медленно поднимается Военно-Морской флаг. Затем одним махом рук флаг взвился наверх. Флаг поднят! Отныне корабль перешел в состав ВМФ. И этот корабль стоимостью более 10 млн. рублей теперь должен в руках нашей команды оправдать доверие народа, оправдать материальные жертвы на него нашей советской молодежи боевыми и только боевыми успехами.

Неужели Гитлер и его сподручное окружение в лице Геринга, Риббентропа и других думали, что советский народ, исторически любивший свое Советское Отечество, встанет на колени, станет рабом. Они плохо знали все же историю. Ни монгольские ханы, ни немецкие псы-рыцари, ни польская шляхта, ни Наполеон, ни интервенты в период Гражданской войны – никто не смог побороть Русский, Советский народ. Народ, любящий свою свободу, независимость, народ, давший миру не один пример народного мужества, народной борьбы, как против иноземных захватчиков, так и против крепостничества и капитализма. Народ, давший миру Великого Ленина и Великую Октябрьскую социалистическую революцию...

Так думал я, стоя на мостике, и эти же мысли и слова я сказал в своей ответной речи, принимая корабль от славных Ярославцев, славных и потому, что этот подарок шел из глубин народа центральной России, потомков тех далеких наших предков, не раз бившихся за Русь, за русскую землю...

Митинг закончен. Оркестр играет гимн СССР. На душе радостно. Жмем друг другу руки. Крепкие объятия. Пожелание успехов нам и нашим шефам. У многих на глазах слезы торжества и счастья. И день выдался хороший, тихий, теплый... Все расходятся. Вместе с шефами идем на обед в столовую, где накрыт большой стол...

Такие минуты запоминаются надолго, на всю жизнь. Да и бывает это не так часто в нашей жизни.

25 февраля. Сегодня специально для шефов сделали выход в губу Оленью, показать им подводную лодку «в работе». Правда, погружение ПЛ прошло несколько шероховато. Появились откуда-то большие дифференты, да и крен при заполнении средней цистерны. Мы-то понимаем, что за такое погружение следует поставить двойку, но наши гости, особенно девчата, были в восхищении от «четкой» работы матросов. Как же? Команды следуют одна за другой. Четкие доклады. «Есть заполнить». «Есть продуть». «Есть дать воздух в среднюю» и т.д. и т.п. Крен 5-7° на левый борт, дифференты то на корму, то на нос... Я стараюсь не ругаться. Креплюсь... Проходит 20-30 минут, а мы так до конца не удифферентовались... Но девчата – в восторге. Они, как котята, забились в щели и, конечно, ни черта не разбираются сейчас во всем этом хаосе сигналов, звонков, ревунов, хлопков кингстонов и клапанов вентиляции, шуме работы центробежного насоса, шипении воздуха... Командир БЧ-5 от досады краснеет. Он и так всегда розовый. А тут – явная неудача. Командир отделения трюмных Самигулин в растерянности. У него дрожит голос при репетировании команд. В конце концов, я был уже недалёк от мысли, что во всём виноват только я, т.к. согласился на погружение с «женщинами» на борту. Я хорошо понимал, что это не так. Во все эти суеверия и предрассудки я давно не верил и не верю... Но факты – упрямая вещь. И этот факт погружения на подводной лодке с женщинами тоже, наверное, был первым, по крайней мере, на Северном флоте. Но всё же мы закончили наше «показательное» погружение нормально.

Удифферентовались, походили под водой. Погрузились на глубину 30 метров, кого-то из девчат «поставили» на горизонтальные рули (и, конечно, сразу же получили большой дифферент на нос). Все они, по-очереди, посмотрели и покрутили перископ. Пожалуй, именно это погружение у них оставило наиболее глубокий и памятный след.

Оставшиеся дни до отъезда во всех разговорах и воспоминаниях наши гости и шефы больше всего и чаще вспоминали именно это погружение, это плавание на подводной лодке в

подводном положении. Я представляю, сколько теперь будет воспоминаний там, на ярославщине, об этих часах, проведённых на «своей» подводной лодке под водой.

26 февраля. Шефы вчера уехали. Провожали тепло. Их приезд и пребывание здесь показали в действии, как близки интересы и фронта и тыла. Показали единство советского народа, советской молодежи. Такое единство никому и никогда не поколебать. Шефы оставили нам свои адреса. Будем вести с ними регулярную переписку.

3 марта. Для нас начались напряженные дни – отработка курсовых задач. Необходимо в течение марта сдать задачи №№ 1, 2 и огневые задачи (это организация службы, управление боевыми постами в надводном и подводном положениях, управление ПЛ при артстрельбе и проведение самой артстрельбы, это борьба за живучесть ПЛ, это задача по легководолазной подготовке и, наконец, проведение торпедных стрельб). Без этого и без сдачи задач с оценкой не ниже, чем на «хорошо», никто нас в море в боевой поход не выпустит. Теперь мы перешли в состав 4 дивизиона подводных лодок, в дивизион «малютошников», которым командует Н. И. Морозов, замечательный, всеми любимый командир дивизиона.

Все выходы в море он ходит с нами. Он ходит для того, чтобы «натаскать», научить, командира (то есть меня) в управлении подводной лодкой. Как правило, он не вмешивается в отдаваемые команды до тех пор, пока всё идёт нормально. А это бодрит нас, молодых командиров. Даёт уверенность в действиях и в принятии решения. С ним приятно быть в море. Он хороший советчик. Прост. Душевен. Большой балагур. Знает многое из жизни подводников. Любит жизнь. Всегда весел. Этаким хитрый русский мужичок. Но мужичок умный и мудрый. Такой мужичок, на которых держались и будет держаться земля Русская, земля Советская.

Ко мне (и ко всем молодым командирам) относится хорошо. Порой не чувствуешь его главенство, не ощущаешь опеки. Возможно, именно в этом его мудрость. Мудрость – в доверии. А что может быть лучше для подчинённого, кроме оказываемого тебе доверия? И, наоборот, если старший не доверяет, везде и всё надо делать только с его разрешения, если он видит в подчинённом кого-то, кто ничего не знает и не умеет, то такой старший начальник или наставник никогда не добьётся любви подчиненных, окружающих его людей. Доверие – это, прежде всего, уважение к человеку. Раз нет доверия, значит, нет и уважения. Такова логика вещей. Человеколюбие. Таков был Николай Иванович. Побольше бы таких людей и начальников!

28 марта. Вернулась с моря ПЛ «М-174», где командиром после Старикова стал Иван Сухорученко. Лодка вернулась из боевого похода без носовой оконечности лёгкого корпуса ПЛ, которую до 8 или 9 шпангоута оторвало взрывом мины в подводном положении. Всё же молодцы ребята! Не растерялись. Особенно торпедист – краснофлотец Баев, который один в темноте, задраив все переборки, боролся, дрался за жизнь корабля. Он сумел заделать все пробоины, и ПЛ вернулась на базу. Ещё раз хочется сказать большое спасибо нашим судостроителям. Хорошие они всё же делают подводные лодки. Эти уже третий случай подрыва ПЛ на mine, и третий раз третья ПЛ возвращается благополучно в базу. Все мы поздравляем Сухорученко, гордимся им и его командой.

31 марта. Все задачи сдали с оценкой хорошо и отлично. Не выполнили артстрельбы. Остался всего один выход. И будем собираться в море, в свой первый боевой поход.

1 апреля. Сдана последняя задача. Буксируемый щит расстрелян с оценкой «хорошо». Нам дали 5 дней на ревизию механизмов, ППР, на все осмотры и подготовку к выходу в боевой поход.

6 апреля. Кажется, все готово к выходу. Приняты все запасы. Тщательно проверены и погружены в торпедные аппараты торпеды. У нас их всего две. В каждом аппарате по одной. Запасных торпед нет. Торпедисты Арсеньев и Симулин на торпедах по смазке сделали пальцами надпись. На одной торпедой «Смерть фашисту!». На второй – «Ярославский удар по врагу!». Еще и еще раз проверяю себя, все ли делано. Все ли готовы и по знанию своего дела, и по своему моральному духу к боевому походу. Это не просто выход на отработку задач, это то, к чему мы готовились полгода. За знание района я ручаюсь. Еще в конфликте с финнами я этот район изучил хорошо. Знаю все ориентиры, течения. Уверен в офицерах. Уверен во всех старшинах, особенно БЧ-5. Это – старшина группы мотористов Молочков, старшина группы электриков Еловенко, командир отделения трюмных Самигулин. Не вызывает сомнения

мастерство торпедистов, а как радисты, как акустики? Хорошее впечатление от командира отделения штурманских электриков Федора Кабота. Это мастер на все руки. Уже сейчас он может стоять вахту почти в любом отсеке. Он большой умелец. Хорошо разбирается не только в своих сложных схемах по своей специальности, но в электросхемах рулевых, радистов, акустиков и даже электриков.

Боцман Пекарский в нормальной обстановке хорошо держит рулями заданную глубину погружения. А как он будет стоять на горизонтальных рулях, а его рулевые на вертикальном при выходе в торпедную атаку? Все это заставляет думать. Успокаивает то, что в море я пойду в свой первый поход с командиром дивизиона и с дивизионным инженером-механиком, инженер-капитаном 3 ранга, Каратаевым Георгием – это первое. А второе, что все же когда-то ходили в первый раз, а сейчас уже стали закаленными морскими подводными волками.

За последние дни личный состав как-то вроде посуровел. Стало меньше суеты. Больше серьезности. Исчезли ненужные подначки. Говорят, что дорога сближает людей. Это правильно. Но такая дорога, которая предстояла нам на ПЛ, да и вообще подводная лодка, еще больше сближает людей, чем любая обычная дорога. Здесь, на лодке, не просто случайные попутчики. Нет. На лодке все гораздо роднее, ближе. Все, как в одной большой семье. Семье дружной и знающей про каждого все его хорошие и плохие стороны, знающей, что каждый любит, кого он любит, о чем он сейчас думает. Семья, прощающая небольшие проступки и ошибки и сурово карающая всех нерадивых или нечестных. В такой семье нет места лентяю, трусу, или нечестному человеку. От десятков пар глаз ничего скрыть нельзя. Нельзя скрыть появившейся неуверенности, раздвоенности, переживаний по печальному письму... Я хорошо знаю, что если ко мне старшины и офицеры не идут с докладами о чем-то отрицательном или о ком-то, кто не может пойти в море, значит все хорошо, значит, весь народ живет одним и только одним – скорейшим уходом на боевую позицию. И это приятно сознавать, знать, что вся проделанная воспитательная работа, начиная от Сормово и Северодвинска и кончая знаменательной встречей с шефами, встречей, стоявшей многих бесед и политинформации, – все это дало свои хорошие результаты. Личный состав был готов к боевому походу.

Перед походом мы написали письмо в Ярославль, молодежи Ярославской области, где наш комсомольский экипаж взял на себя обязательство вернуться в базу только с победой.

Что представляла из себя наша «Малютка»?

Длина около 45 м, диаметр немногим более 3 м. Лодка однокорпусная, т.е. прочный корпус не защищен легким корпусом, и поэтому все удары принимаются непосредственно прочным корпусом. Имеется еще одно 45 мм орудие. Так как будто оно и слабосильное, но его наличие на борту как-то успокаивает, дает уверенность на ведение огня в каком-то чрезвычайно крайнем случае, т.е. тогда когда ПЛ будет вынуждена всплыть или когда она не сможет по какой-то причине погрузиться. Лодка имеет один дизель и один главный электродвигатель, и одну линию вала. При выходе из строя единственного дизеля ПЛ практически может остаться без хода.

В лодке тесновато от вещей личного состава, ящиков с продуктами, мешков, приборов, систем и механизмов. Во весь рост можно разогнуться только в двух отсеках: в центральном и первом. В остальных отсеках приходится передвигаться в согнутом состоянии (и это весь поход!).

Пройти по лодке из отсека в отсек, по узким проходам, между механизмами и подвесными койками можно с трудом. Это в силах сделать только подводник.

В первом отсеке – камбуз. Торпедисты являются одновременно и коками. Они обязаны кормить. На выходах в море мы убедились, что и с этими обязанностями они успешно справляются. Первый отсек у нас одновременно является в зимнее время и «холодильником». Сюда тепло из 5 (дизельного) отсека не доходит. С подволока иногда свисают сосульки в буквальном смысле этого слова. Кают нет. Нет каюты даже для командира. Его место рядом с остальным личным составом. Также не весь личный состав имеет постели. Например, торпедисты, те спят по способности, между торпедными аппаратами. Все эти бытовые трудности нами совершенно не замечаются. Как будто так и должно быть. Может быть, новое поколение подводников, через десятки лет, будет иметь более комфортабельные бытовые условия, чем мы сейчас, но это дело далёкого будущего.

7 апреля. Вышли в свой первый боевой поход. Волнения подготовки остались позади. Как всегда, выход сделали в тёмное время суток, с тем, чтобы затемно отойти как можно дальше от своего берега, где нет-нет, да иногда и показывают свои тёмные «плавники» немецкие подводные лодки.

С рассветом 8-го погрузились на глубину 30 метров и только изредка подвсплываем под перископ для приёма радиограмм. Продолжаем отход дальше от берега. Обходим позицию немецких ПЛ. Погружение на глубину, и как будто бы пассивный переход на позицию имеет свой большой смысл. В эти часы подводного плавания мы делаем две большие вещи. Первое – мы заканчиваем укладку имущества по своим, теперь уже окончательным местам. При любой, даже самой хорошей организации подготовки к выходу, появляются десятки неожиданных вводных, вопросов, действий, по которым всё делается второпях, не так, как бы хотелось. Результат этого – самые нужные вещи, предметы пихаются и потом находятся в любом месте.

Но это мы устрояем в первые часы. Но это – не главное. Главное заключалось в том, что в течение 10-12 часов всему личному составу предоставлялся по очереди отдых.

За эти дни подготовки и волнений все дьявольски устали, и требуется компенсация – отдых. Поэтому одна смена сразу же ложится отдыхать, а вторая – занимается разбором и укладкой имущества, неся ходовую вахту.

В итоге, к всплытию для зарядки аккумуляторных батарей весь личный состав, как правило, хорошо отдохнул, и все встает на свои места. С этого момента начинается нормальная боевая жизнь подводной лодки.

Наученный опытом предыдущих походов на «К-21», я, посоветовавшись с секретарем партийной организации, принял решение по автономному пайку водку в море не брать. Для механизмов есть спирт. Его же можно, в крайнем случае, использовать для лечебных целей. Бывает, когда в море кто-то сильно простудился, тогда мы его лечим (и успешно) крепким, горячим чаем с вином или со спиртом. Но это бывает редко.

Опыт плавания показал, что, пожалуй, на ПЛ (и, вероятно, на самолете) водку вообще пить нельзя. Она ослабляет внимание, реакцию. Теряется четкость и слаженность действий. Положенные 100 грамм к обеду (потом стало 150) часто кто-то из матросов не пьет. У него нет или настроения, или он вообще не употребляет. Это одно.

А второе – находились-таки ловкачи, которые начинали превращаться в этиких «гобсеков» местного значения, которые пытались выданные порции водки или вина сливать в какую-то посудину для будущих времен!

Были и третьи – эти, пользуясь добротой первых, выпивали дополнительно к своей норме и норму «друга» (или две), тогда совсем становилось плохо. Человек ставился просто небоеспособным. Нет, он пьяным не был и вел себя хорошо. Он терял реальную действительность и ему «море было по колено».

К описываемому времени многие командиры так же стали поступать, оставляли водку на базе. С приходом положенная норма возвращалась личному составу уже в береговых условиях. Тогда любое ловкачество было не страшно. Да на берегу и не было таких, которые бы отдавали свою норму.

Может быть, об этом и не следовало писать, но необходимо все же ответить тем, кто обвиняет нас, подводников, в том, что мы в море воюем пьяные, что советского матроса спаивают. Нет, господа империалисты. Советский подводник воюет и будет воевать, побеждает и будет побеждать только с трезвой головой. Пьянство – это удел, основа и закабаление матросов флота империалистов. Там, действительно, вино и виски льются рекой, как на берегу – в барах, так и на кораблях. Нам незачем затуманивать голову матроса водкой, т.к. наши цели ясны, и всем понятны, и мы к ним придем во чтобы-то ни стало!

9 апреля. Пришли на позицию. Море относительно спокойно. Погода, как всегда: туманы и снежные заряды, снежные заряды и туманы. Берег почти не видим, хотя плаваем от него в расстоянии 3-4 миль. На фарватере никого в первый день не обнаружили. Ушли на зарядку.

12 апреля. 5-ый день похода. Море пустынно. Изредка под берегом обнаруживаем рыбачьи мотоботы. Иногда в перископ видим пролетающий разведывательный самолет. Наши агитаторы – это тт. Кабот, Тарабрин, Молочков – под руководством секретаря парторганизации ПЛ Чуманова в эти дни в отсеках со свободными от вахт ведут беседы о Норвегии, у берегов

которой мы сейчас плаваем, о свободолюбивой Норвегии, которая сейчас покорена немцами, о ее роли в мировой истории, науке, культуре, о ее вкладе в изучение Полярного бассейна. Такие беседы, политинформации, к которым хорошо подготовишься сам или подготовишь агитаторов, проходят хорошо, активно, вызывают интерес, оживление. Хорошо, когда материал дополняешь историей страны, ее обычаями, и все это на фоне зверств немецкого фашизма в этой маленькой стране.

В свободное время мы трое – командир дивизиона, дивизионный инженер-механик Каратаев и я – режемся в шахматы. Правда, Морозов играет мало. Больше играем мы с Каратаевым. У меня даже от этого похода долго где-то хранилась таблица нашего соревнования за поход. Мы сыграли больше 20 партий, и, к моему сожалению, я оказался в значительном проигрыше.

В отсеках, которые друг от друга изолированы, двери всегда на задрайках – своя жизнь. Подводная лодка – это сложный живой организм. Центральный пост – это голова, её мозговой центр. Здесь командный пункт, откуда, как по нервам, через систему переговорных труб, по воздушным магистралям, сложной схеме электропроводки, от приборов и постов идёт управление жизнью ПЛ, жизнью её всех отсеков и механизмов. Обратные схемы звуковой технической связи сообщают о выполнении отданных команд в отсеках или механизмами. Глаза и уши корабля, его язык – это акустическая рубка, сигнальщики и радиорубка. Сердце – дизельный и электрический отсеки, они дают энергию и движение. Руки, ноги – рули и линия вала. Пища – запасы топлива в топливных цистернах и электроэнергии в аккумуляторной батарее. Мы, весь экипаж, привыкли ко всем шумам, звукам, ударам, вибрации – ко всему тому «нормальному шуму», которые извлекают механизмы и системы. Если отдыхаешь, даже спишь, то сразу вскакиваешь и, не думая, одним махом, летишь в центральный пост, если вдруг дизель просто уменьшил обороты... Подсознательно, ещё не соображая, знаешь, что это ненормальное явление и следующим будет его остановка. Остановка может быть только по приказанию с мостика, ибо мы все так уверены в мотористах, что иной причины не могли знать. Так и сегодня вечером.

Мы всплываем в надводное положение, и, с разрешения командира дивизиона, легли на норд, курсом от берега противника, для зарядки аккумуляторной батареи. Прошло около одного часа зарядки. Я прилёг, задремал, и вдруг, уже во сне, понял, что чего-то не хватает. Немедленно просыпаюсь. И, видимо, реакция была настолько быстрая, что я прибежал в центральный пост раньше, чем сигнальщик спустился с мостика. Он мне докладывает, что обнаружены огни и что вахтенный офицер застопорил дизель и просит командира и комдива на мостик. Мы быстро поднимаемся и, конечно, ничего не видим после яркого электрического освещения в лодке...

Вахтенный офицер докладывает и показывает рукой направление на огни... Проходит 10-15 секунд, наконец, мы различаем близкие низкосидящие появляющиеся и исчезающие на волне огни какого-то мотобота, шедшего по корме в дистанции 20-15 кабельтовых от ПЛ.

То, что это был катер и мотобот, не вызывало сомнений, и что нас пока не заметил – тоже. Я решил все же погрузиться. Командир дивизиона не разрешил этого делать, считая, что теперь уже погружаться незачем. Но это все же был промах наших сигнальщиков. Они поздно заметили мотобот. Пока мы решали, кто это и что делать, «мотобот» вдруг поворачивается на нас и заметно начинает догонять. В довершение всего внезапно граненый пляшущий луч мощного прожектора прорезал темноту и белыми яркими бликами начал метаться слева и справа от нас. Видимо, волна 3-4 балла не давала возможности им схватить цель.

Особенно долго мы не стали думать. Срочно ушли под воду, тем более что личный состав стоял по своим местам к погружению.

Сам по себе случай не особенно примечательный, чтобы о нем упоминать. Но вывод напрашивается. Мы не должны долго думать и гадать, что делать. Промедление может быть опасно... Правда, мы не подверглись бомбежке, видимо, нас не обнаружили. Обнаруженные огни все же были не огнями мотобота, а катера – охотника за подводными лодками, где сигнальщики в этот раз оказались более внимательными, чем наши.

Дед Мороз чертыхается, дергает свои прокуренные рыжие усы – это признак недовольства. Но, как всегда, он быстро отходит и начинает разговор о другом, о чем-то

теплом, домашнем, оставленном там, на Родине, на берегу... В свою очередь, пользуясь его откровенностью, рассказал ему и присутствующим здесь офицерам, как в зиму на 1940 год мы на ПЛ «М-176», где я плавал после окончания военно-морского училища штурманом, командиром был капитан-лейтенант Бондаревич Иосиф Лукьянович, несли боевой дозор, и как мы опозорились. В этом же районе, нам тогда штабом флота была дана позиция дозора размером 10 на 10 миль. Мы должны были плавать вдаль, вне видимости от берега и всплывать только для зарядки и определения места по звездам. Не знаю, какой «умник» предложил этот вариант, но в северных условиях, зимой, когда звезд не видно и берега нет, течения неизвестны – в таких условиях точно вести счисление невозможно. Мы, посоветовавшись с командиром, обсудили обстановку, и решили, что нам необходимо для определения своего места подойти к берегу, а потом плавать по два часа курсом норд-зюйд.

После определения места и прихода на позицию я ушел отдыхать, а командир почему-то решил, не сказав мне, плавать курсом ост-вест. В это время вышел из строя гирокомпас. Записи в вахтенном журнале велись небрежно. Короче говоря, когда я все пытался восстановить, у меня ничего не получилось. Решили идти к берегу. Идем положенное расчетное время – нет берега. Идем еще три часа – нет берега. И только через 7 часов показался берег. Вместо норвежского берега мы вышли к Териберке, что восточнее о. Кильдин...

Какой разбор тогда сделал командующий флотом! Он меня даже не пытался рядом поставить с командиром какого-нибудь буксира. Даже, говорит, и на буксире такому штурману (это мне) плавать нельзя. Конечно, я ни слова не сказал о командире. Этого не мог сделать. Он, Бондаревич, пытался все же сказать, что и он виновен. Но командующий винил только меня...

Командир дивизиона хохотал от души. Смеялись и все остальные. Так мы и плавали эти дни. Искали противника. Форсировали минные заграждения, регулярно принимали сводки Совинформбюро и немедленно доводили до личного состава. Теперь сводки радовали. Теперь мы понимали, что наша победа с каждым днем становится все ближе, все реальнее.

14 апреля. Заметно понижается настроение команды. Каждый день к 7.00 утра мы подходим к берегу противника и настойчиво ищем его. Иногда заглядываем в открытые с моря бухты. Бывает, что по каким-то причинам в них на якорях отстаиваются транспорты противника. Но в эти дни мы ничего не видим. Может быть, они проходят в ночное время, когда мы покидаем прибрежный район и уходим далеко от берега для зарядки аккумуляторной батареи.

Я попросил разрешения комдива на изменение режима плавания на позиции. Предложил, чтобы мы ночью плавали у берега. Но Николай Иванович не согласился... Неужели мы вернемся на базу без победы, без традиционного залпа в Екатерининской гавани в честь нашего боевого успеха. Нет! Не может этого быть. Каким-то подсознательным чувством все же ожидаю, уверен в том, что мы противника найдем.

Всеми мерами стараюсь быть бодрым. Не показывать свое разочарование. Командир – это стрелка барометра. Все глаза внимательно смотрят, смотрят на командира. Если у командира настроение упало, и он словами, приказаниями, действиями показывает растерянность, неуверенность, будьте уверены, это немедленно отразится на команде. Именно поэтому и стараюсь быть бодрым, уверенным. Пока мне это удается.

Сегодня утром у нас случилась большая неприятность. После окончания зарядки, как всегда, выкурив последнюю трубку, я дал команду «Срочное погружение». Закрыв рубочный люк, спустился в боевую рубку. Вначале как будто все нормально. Смотрю на дифферентометр. Дифферент растет на нос. 15°... 16°. Даю полный ход назад и пузырь в носовую. Дифферент остановился на 25° и стал отходить. Оказалось, что боцман Пекарский, которому положено самому стоять в это время на горизонтальных рулях, самостоятельно, без разрешения, оставил рули на краснофлотца Феофанова. Последний несколько растерялся. Я не стал ругать Пекарского, т.к. посчитал, что, в принципе, он прав. Где, как не в боевом походе, можно отработать личный состав. И с этого дня во всех отсеках под наблюдением старшин и старшин отсеков мы начали отработку взаимозаменяемости. Это нововведение, эксперимент одобрил и комдив.

16 апреля. УРА! УРА! УРА! – у нас сегодня исторический день. День первого боевого успеха подводной лодки «Ярославский комсомолец». Свое обязательство мы выполнили. Но начну все по порядку, как это было.

Во-первых. Мы не думали, что то неудачное погружение и наши практические выводы и действия по обучению «вторых номеров» действиям на боевых постах по срочному погружению и всплытию, вызовет необычайный подъем в настроении и жизни экипажа. Все изменилось. Все стало на свои места. Появился какой-то спортивный интерес: кто лучше, кто быстрее и точнее выполнит все действия, переключения, включения, закрытия и открытия приборов, клапанов, систем, механизмов. Молодцы, старшины! Они ухватились за это и теперь, даже в спокойные часы плавания, в отсеках что-то объясняют, показывают своим подопечным. Хорошо. Вновь, само собой, началась учеба по специальности. Это радует. Впереди еще много походов, и могут быть любые случайности. Чем лучше, чем больше каждый матрос будет подготовлен, тем лучше замена тем, кто может почему-либо выйти временно из строя.

Утром, как всегда, мы погрузились. Наступил последний день нашего плавания на позиции. Вечером, независимо от результатов, мы должны начать переход на базу. Погода не баловала нас и сегодня, но все же, если море было на пределе возможности подводного плавания, то видимость была просто отличная.

07 час. 20 мин. – пришли на фарватер.

07 час. 45 мин. – обнаружили выход из порта Петсамо группы малых тральщиков.

09 час. 15 мин. – тральщики с тралями прошли мимо по фарватеру в расстоянии от ПЛ 15-20 кабельтовых. Сделали зарисовки в перископ.

09 час. 40 мин. – самолет на низкой высоте курсом ФВК. Ушли на глубину.

09 час. 55 мин. – второй самолет. Тральщики следуют обратным курсом в сторону своей базы – порта Петсамо.

11 час. 50 мин. – тральщики прошли мимо ПЛ. Тралы опущены за борт.

Все это говорило о том, что вот-вот откуда-то должен появиться противник. А, если судить по подготовке, разведке и тралению фарватеров, то следует ожидать солидный конвой. Так мы решили с командиром дивизиона, и так оно и получилось.

Подошло время обеда. Торпедисты попросили разрешения накрывать на стол. И как раз именно в этот момент, когда я хотел дать «добро» на обед, вахтенный офицер лейтенант Крикун доложил о том, что на горизонте по пеленгу 357° обнаружена группа мачт транспортов. Из акустической рубки последовал такой же доклад почти одновременно.

Один миг – и мы с командиром дивизиона в рубке. Осматриваем поочередно горизонт и оцениваем обстановку. Николай Иванович потрогал свои усы, ухмыльнулся этак с лукавством и видимой радостью, что мы все же дождались, положил свою правую руку мне на плечо и говорит: «Ну, командир! Посмотрим на тебя, как ты выходишь в атаку! Действуй!» – это было разрешение, это был боевой приказ, отданный спокойным ровным голосом...

– В центральном!

– Есть в центральном!

– Боевая тревога. Приготовить торпедные аппараты к выстрелу.

– Есть боевая тревога. Есть подготовить торпедные аппараты к выстрелу.

В громком длинном сигнале ревуном (есть у нас сигналы звонком и ревуном) отразилась и наша радость, и наше торжество. Мы ждали этого сигнала. Сейчас вижу улыбки. По радостным и четким докладам ощущаю необоримое желание радостной и четкой атаки. Хорошо понимаю, что эти первые секунды, о которых я пишу, сконцентрировали в себе и ненависть к фашизму, и жгучую жажду во что бы то ни стало добиться желанной победы.

12 час. 11 мин. – поступили доклады из всех отсеков о том, что личный состав занял боевые посты по боевой тревоге.

12 час. 12 мин. – доклад из первого отсека: «Торпедные аппараты готовы к выстрелу».

12 час. 14 мин. – легли на курс 357° на конвой с целью определить сторону его движения.

12 час. 18 мин. – пеленг пошел влево 356° .

12 час. 21 мин. – пеленг 354° . Все ясно. Противник идет по ФВК, жметя ближе к берегу под защиту своих береговых артиллерийских батарей.

12 час. 27 мин. – ПЛ легла на курс 264°. Ход малый.

12 час. 30 мин. – Дистанция до конвоя около 35 – 40 кабельтовых. В составе конвоя пять транспортов. Последним идет какой-то большой грузный транспорт, глубоко сидящий в воде. Решаю выходить в атаку по последнему, самому большому транспорту. Об этом докладываю комдиву. Он молча кивает головой и торопит: «Давай, все нормально». И в самом деле – все нормально. Куда ушли все волнения, переживания первых секунд начала атаки? Сам замечаю, что не только я, но и все какие-то спокойные, деловитые. Исчез шум, крик, резкие возгласы. Все команды подаются мной и репетируются тихими, спокойными голосами. Именно, возможно я не прав, но наступил такой момент в жизни каждого из нас, когда все слилось в один живой организм (я уже раньше писал, сравнивал ПЛ с живым организмом), который подчиняется одному ритму, одним импульсам...

Атака продолжалась.

12 час. 33 мин. – траверсное расстояние до транспорта конвоя у меня сейчас что-то около 26-27 кабельтовых. Определяю скорость конвоя и считаю ее равной 8-9 узлам. Конвой идет в охранении 2-х линий кораблей противолодочной обороны. Внешняя линия в составе 6 ТЩ и катеров МО следует в дистанции 20-25 кабельтовых от транспортов, и головной корабль этой линии идет курсом прямо на ПЛ.

Не знаю, видят и слышат там у них сейчас ПЛ или нет. Считаю, что нас не видят и не слышат. Немного беспокоит волна в 3-4 балла. Не выбросит ли нас после залпа? Все может быть. Но пока боцман – молодец. Хорошо, отлично держит глубину и четко выполняет все команды. Командир БЧ-5 и командир отделения трюмных старшина 2 статьи Самигулин работают непостижимо умело и спокойно. Они хорошо чувствуют лодку.

В отдельные моменты похода, когда нужно сэкономить электроэнергию, сохранить плотность аккумуляторной батареи, эти мастера так удифферентовывают лодку, что мы стопорим электромотор. Ставлю горизонтальные рули и вертикальный руль на «ноль»... и лодка висит. У нее нулевая плавучесть. Конечно, это в штилевую погоду, когда нет зыби, такое висение может продлиться 20-25 минут, потом лодка начинает медленно тонуть. Тогда поднимаешь перископ (только необходимо не прозевать начало погружения), и лодка останавливается. В такие моменты управляешь плавучестью только подниманием и опусканием перископа. Конечно, к этому пришли не мы первые. Это давно известно из учебников подводного плавания. Но мы гордились, когда этого добивались. И это нелегко. Для этого необходимо много поплавать на подводных лодках и хорошо знать свое дело, свои особенности подводной лодки. А каждая лодка, как человек, имеет свой характер, свои особенности. На одной лодке или дизеля барахлят, или сильно бьет линия вала. Сильно пропускают воду магистрали, и вода скапливается в трюмах, что нарушает дифферентовку. На других этого нет. Там, где хороший командир БЧ-5, хорошая электромеханическая группа и, особенно, ее старшинский состав – там, и только там можно делать такие эксперименты висения и «плавания» на перископе...

Так и сейчас. Лодка настолько хорошо удифферентована, что боцману легко ею управлять. А раз так, то и легче заходить в атаку.

12 час. 45 мин. – находимся между двумя линиями охранения. За кормой – внешняя линия, по носу – внутренняя, а за ней – транспорты конвоя. Четко слышим шум винтов. Шумы слышны вкруговую просто так, через корпус. Эти шумы слышат все. В лодке необычайная, непривычная тишина. Поднимаю последний раз перед подныриванием под корабли внутреннего охранения перископ и за секунды мгновенно определяю обстановку. Надо нырять на 20-30 метров. ПЛ как раз сейчас на траверсе конвоя. Дистанция до выбранного большого транспорта водоизмещением в 12-14 тыс. тонн около 25 кабельтовых. Курсовой около 30° левого борта.

12 час. 46 мин. – даю команду боцману в центральный пост нырять на глубину 25 метров. Ход увеличиваю до среднего. Нам надо проскочить под днищем второй группы кораблей охранения и произвести залп наверняка, с близкой дистанции, изнутри линий охранения. Комдив молчит. Изредка шепчет: «Правильно. Сейчас мы их...». В какое-то мгновение улавливаю на себе улыбающийся нервный взгляд Каратаева, находящегося внизу под трапом и следящего за действиями личного состава в центральном отсеке.

12 час. 48 мин. – боцман доложил, что глубина 25 метров. Я и сам это вижу. Командиру все должно быть видно. Плохо, если командир ждет только докладов. Тогда лодкой управлять трудно или просто невозможно. Командир должен предугадать и хорошо ощущать, как будет выполнен маневр. Иногда маневр просто нельзя выполнить. Это надо вовремя осознать и дать новую, уже более реальную, по обстановке, команду. То же получилось и сейчас. Акустики в это же время доложили, что слышат шумы именно «нашего» транспорта. Наш курсовой вдруг стал 55° правого борта. А я считал его больше. Значит, ошибся на 10-15°. Увеличиваю ход до полного. Иначе можно пропустить транспорт, а значит, и конвой в целом.

12 час. 58 мин. – по расчетам мы должны проскочить под кораблями. И точно. Я поднимаюсь под верхний рубочный люк и прикладываю ухо к холодному металлу и слышу шлепанье винтов над головой. Выжидаю еще две минуты. Как долго идет время. Мучительно кажется, что мы опоздаем с залпом. Так и хочется поторопить время, но я верю расчетам и акустикам. Доклад из акустической рубки: «Курсовой на транспорт 32° правого борта». «Все в порядке. Не уйдет, гад» – шепчу я про себя и даю команду уменьшить ход до среднего и всплыть на перископную глубину 9 метров (это по глубиномеру в центральном посту).

– Торпедные аппараты товсь!

– Есть торпедные аппараты товсь! – все это репетируется в 1 отсеке.

Доклады акустика как тревожная музыка... «31°...30°...28°... 25°».

Доклады боцмана: «Глубина 10 метров. Глубина 9 метров». Доклады из 1 отсека и центрального поста: «Торпедные аппараты на товсь!»

– Так держать.

Рулевой стоит на контакторной коробке подъема и опускания перископа. Окуляр перископа у меня почти у настила рубки.

Одновременно с подходом к глубине 9 метров даю команду: «Поднять перископ», – и сам, не отрываясь от окуляра, из почти лежачего положения, поднимаюсь вместе с ним. Визир перископа ставлю на угол упреждения.

– Стоп! – команду рулевому, поднимавшему перископ.

В промежутке между подъемом и опусканием волны вижу близко транспорт. До залпа 15°. Осматриваюсь за кормой. В дистанции 1-2 кабельтовых, почти рядом, здоровый борт и буруны большого, плохо покрашенного, в пятнах камуфляжа, тральщика. Опускаю на миг перископ. До транспорта около 5-6 кабельтовых.

– Аппараты!

– Есть аппараты!

13 час. 03 мин. – форштевень транспорта подходит к углу упреждения. Секунда, вторая... Жду еще мгновение – визир перископа скользит по форштевню, подходит к носовому оружию, установленному на полубаке.

– Все! – шепчу про себя, и громко, неожиданно для всех, кричу: «Пли!».

– Есть пли!

...Секунда ожидания. Кажется, что торпедисты замешкались. Вдруг, как будто кто-то толкнул лодку назад – упругий толчок, потом второй... Свист воздуха в переговорных трубах и вместе с ним последний доклад: «Торпеды вышли»...

– Зачем так кричать, командир – сказал мне тихо Николай Иванович, сказал только для меня одного, и уже громко: «Командир! Удерживай лодку! Не давай всплывать!»

– Есть удерживать! – несется из центрального.

Там уже без нас командир БЧ-5, Павел Андреев, знает что делать.

Правда, команду я все же дал: «Заполнить быструю». Но она немного запоздала, так как со вторым залпом торпеды быстрая уже заполнялась, и так это было отработано у нас и на других ПЛ.

В отсеках шум воздуха – и из переговорных труб, из 1 отсека, и воздуха, вытесняемого из системы быстрого погружения поступающей сейчас туда водой из-за борта. В первом отсеке автоматически заполняется система замещения веса вышедших торпед. В носовую дифферентную трюмные также из-за борта принимают воду. Боцман положил рули на погружение на 20°. Все это делается одновременно за какие-то 10-15 секунд... Все идет

хорошо. Лодка после залпа подвсплыла всего на 2 метра, и дифферент ее отошел на корму на 4-5 градусов.

Одновременно я дал команду: «Право на борт. Полный ход. Нырять на глубину 50 метров», – чтобы уйти как можно дальше от места, от точки залпа.

Вместе с тем мы ждем все взрыва торпед. По расчетам взрыв должен быть через 40-45 секунд... Сомнений в том, что торпеды пройдут мимо, у меня не было. С такого близкого расстояния трудно не попасть в глубокосидящий транспорт длиной в 150-160 м...

Мой помощник Михаил Козырев засек секундомер выхода торпед и тревожно докладывает. Молодец он. Я об этом, в этой суете, просто позабыл. Вылетело из головы...

20 секунд..., 25 ..., 30 секунд – следуют доклады, что продута быстрая, глубина 26 метров, руль право на борту, ход полный.

35 секунд ..., 40 секунд – доклады рулевого: «Курс 350°. Руль прямо. Глубина 50 метров». Даю команду уменьшить ход до малого.

Сейчас тревожит мысль: заметили наш залп или нет. И вторая: где же взрыв, неужели промахнулись? Не может этого быть. Все же эти мысли пронесли за какой-то миг, за какую-то долю секунды.

41 секунда – нет взрыва.

42 секунды – нет взрыва. А он вот-вот должен быть...

43 секунды – нет.

44 секунды – вот он – первый...

46 секунд – вот он – второй!

Громкие взрывы потрясают водную среду. Сила взрыва необычайно высока. Такая, что в отсеках от динамического толчка и сотрясения корпуса посыпалась пробка от шпангоутов (пробка для утепления и уменьшения влажности, которой подшивается или подклеивается корпус ПЛ изнутри отсеков). Погасло несколько электроламп.

Спускаюсь вниз, в центральный пост. Комдив жмет руку, говорит что-то теплое, хорошее. Жора Каратаев с улыбкой, а она его не покидала за все время атаки, бьет меня по спине, говорит: «Молодец». Рулевые задраивают люк в рубку. Даю команду о полной герметизации отсеков. Задраиваем переговорные трубы. Готовим аварийный инструмент на случай бомбежки нас кораблями МО. Готовимся ко всему.

Лодку поддифферентовали. Боцман докладывает, что лодка управляется и держит глубину хорошо. Молодец боцман! Держал, как по ниточке. Ни разу не всплыл, не нырнул, несмотря на волну в 3 балла. Жму ему руки. Поздравляю его и говорю ему свое спасибо... Жму радостно руки и выражаю командирскую благодарность командиру БЧ-5, к/о трюмных Самигулину, помощнику командира ПЛ, к/о рулевых Тарабрину – и на этом в эти минуты кончились наши радости, началось то, чего мы больше всего ждали и опасались...

Из акустической рубки, как из рога изобилия, послышались доклады: «Взрывы за кормой!» Эти глухие взрывы мы также слышали. Они были глухими и как будто шли с глубины, не были похожими на взрывы глубинных бомб.

Командир дивизиона, подумав, сказал, что это, вероятно, все же бомбят нас, т.к. транспорта давно уже нет, ибо он, по его мнению, не столько потонул от торпед, сколько от взрыва боезапасов на борту. Он считал, что мы нанесли торпедный удар очень удачно именно по транспорту с боезапасом. Такая атака стоит крупного выигрыша на фронте.

Взрывы приближались. Я попросил разрешения повернуть в сторону берега. Комдив разрешил.

Корабли охранения, пройдя в стороне от нас в дистанции 10-15 кабельтовых, стали удаляться в море, сбрасывая одновременно глубинные бомбы. Именно в это время по каким-то неизвестным причинам один из этих кораблей почему-то повернул на нас. Было это случайностью или нет, но страх он на нас нагнал.

Обнаружив его поворот на нас, докладываю об этом комдиву и даю команду нырять на глубину 50 метров, потом на 60. Шумы катера приближаются.

Потом наступает тишина. Мертвая тишина. Слышу, как громко стучит мое сердце. Смотрю на других. Заметна некоторая растерянность. Раскрасневшиеся до этого лица начинают терять свою краску. Кровь куда-то уходит. В пятки что ли?! Стопорим ход и мы...

Лодка (молодчина командир БЧ-5) не теряет глубину, стоит на месте... Может быть, мы попали на жидкий грунт, а может быть, под слоем жидкого грунта?.. Катер дает ход и тут же его стопорит. Опять прислушивается, гад... Лодка начинает медленно всплывать. Считаю, что если она остановится, то жидкий грунт выше, если нет, то он ниже ПЛ. Проходит минута, и лодка останавливается всплытие. Глубина 51 метр. Лодка стоит. И катер стоит наверху, над нами где-то рядом...

Страшны эти минуты ожидания. Чувство бессилия подавляет. Ясно ощущаешь свою беспомощность, незащищенность. Какой-то катер, имеющий несколько автоматов и пулеметов, сильнее тебя, если всплыть. А сейчас – его глубинные бомбы лежат пока мертвыми ржавыми тушами на корме и ждут сигнала на бомбежку... Ждем. Проходит 60 томительных секунд. Какие это секунды?! За эти секунды можно вспомнить всю жизнь и, действительно все – еще молодая жизнь – ее этапы детства, школы, юности, работы, учебы в морском училище, первая любовь, жена, отец, мать, дети – все это вереницей проносится, как лента кинофильма...

Секунды ожидания растянулись на годы... Катер дает ход, и мы все слышим, как мимо корпуса с бульканьем погружается вниз, куда-то под нас, глубинная бомба. Она не взрывается. Падает вторая... Слух обострен до предела. Кажется, бульканье слышится громче... Все сжались в комок. Голова уходит в плечи, стараешься сделаться меньше, что ли?!

И вдруг – страшной силы толчок с одновременным взрывом где-то под нами. Нас прижимает, вжимает в палубу. Лодка стремительно идет вверх.

Нахожу время посмотреть на людей... Мертвая сцена ожидания мгновенно сменилась ненужной суетливостью. Все лезут куда-то, осматривают борт, трюм, подволок – у всех нашлась работа, и все что-то держат в руках из аварийного инструмента: кто кувалду, кто клин, кто доску, кто ветошь. А второй рулевой почему-то стоит с ведром!

Второй взрыв бросил нас, лодку, вправо. По инерции – мы все летим влево. Погас свет, где-то сочится вода, с подволока падает крошка пробки. Включаем аварийное освещение – фонари. Осматриваемся. Из отсеков идут доклады о мелких, таких же повреждениях. Глубиномеры центрального поста и рубки вышли из строя. Запрашиваем отсеки. Из первого доложили, что глубина 40 метров, и лодка погружается. Ход пока не даю.

Все слышим, что катер уходит. Пошел к своим катерам, удалившимся в море. Значит, все же что-то нас выдало... Но почему ушел катер? Это неизвестно.

Повреждений особых мы не получили. Отделались «легким» испугом.

13 час. 30 мин. – всплыли под перископ.

За кормой в дистанции 30-35 кабельтовых два тральщика и катер МО. Ходят в точке потопления транспорта. Видимо, подбирают уцелевших от взрыва.

По пеленгу 80° – три катера МО в дистанции 40-50 кабельтовых кого-то бомбят. Наверное, нас. Даже интересно наблюдать со стороны, как одураченный противник вымещает свое зло, сбрасывая бомбы вхолостую, «в молоко».

В воздухе – два самолета. Летают низко там, где мы были всего 30 минут назад.

Далеко на горизонте следуют оставшиеся почти без охраны четыре транспорта. Вот сейчас бы там, на подходе к Петсамо, была бы еще хотя бы одна наша подводная лодка.

Командир дивизиона, осмотрев горизонт и оценив обстановку, еще раз похвалил всех за успешную атаку, приказал уйти на глубину 30-40 метров, и ушел во 2 отсек, предупредив, что обед он разрешает делать, когда мы уйдем совсем из района атаки. Он считает, что обед надо перенести на ужин. Так и сделали...

А как хотелось сейчас кушать: быка бы съел...

15 часов – пора уходить с фарватера. От места атаки мы отошли на 6-7 миль. С разрешения комдива легли на курс 30°. На курс в минное поле для скорейшего отхода от берега от места атаки.

Сейчас этим решением – этим курсом в 30° – начинается игра со смертью. А что можно делать? Надо же уходить от места атаки конвоя. Кругом минные поля. Это даже на наших картах отмечено. А эти карты мы взяли, точнее, нам дали в штабе. Кругом мины. К берегу – минное поле. В море – минное поле. Единственное, что мы не знаем – какое минное поле. Насколько оно плотное. Какие мины стоят. Куда уходить? Не ждать же на месте, пока тебя противник обнаружит. Две смерти где-то совсем рядом – одна в виде кораблей ПЛО, которые

должны вернуться или сюда придут новые, другая – в виде сотен и тысяч мин, где-то сейчас ждущих нас, ждущих неумолимо, пока кто-то не коснется или самой мины или усов ее антенн. Одна смерть громко говорит о себе приближением или удалением взрывов, и от которой еще как-то можно, как сегодня пока, уйти. Другая молчит. Может быть, именно в эту минуту, когда об этом думаешь, или когда случайно рулевой почему-то не удержал курс, отклонился от него временно на один-два градуса – может быть, он уклонился от обросшей нитями водорослей и ракушками, уже старой, но такой же страшной в своем взрыве, мины. Идем в сторону той, которая молчит.

Мы с Каратаевым сели играть в шахматы. Делаем вид, что все пришло в норму, что беспокоиться не о чем. Всем становится с каждой минутой легче. Напряжение спадает. Нервы успокаиваются. Шумов не слышно. Горизонт чист. Каждый, стоя на посту, занимается каким-то делом. Что-то переключают, протирают, регулируют... Не нарушая готовности № 1, так как идем по минному полю, начинаем пропускать по одному человеку в 1 отсек для получения обеда. Команда обедает. Но мы не забываем о том, что идем по минному полю, что опасность где-то рядом.

16.00 – дали радиограмму флота об атаке и приходе в Петсамо конвоя. Теперь наши самолеты будут бомбить Петсамо.

18.00 – сумерки. Всплыли в надводное положение. Начали переход в базу.

17 апреля. Сегодня вечером прибыли в базу. Дали свой первый выстрел в честь победы «Ярославского комсомольца». На пирсе встречали нас командир бригады и друзья. Все поздравляют, обнимают. Радуются первой нашей победе, первому нашему успеху. Сразу же после прихода дали телеграмму в Ярославль о нашем боевом успехе. Нам засчитано потопление транспорта в 12 000 тонн водоизмещения. Такие «киты» попадают нечасто. Нам повезло с первого же похода.

20 апреля. Приводим себя в порядок после похода.

В эти дни написали и отправили письмо, наш первый отчет ярославским комсомольцам, где докладывали о нашей атаке. Письмо подписали от комсомольской организации ПЛ – Кабот Ф., от партийной организации – Чумаков и командир ПЛ.

Живем сладостью первого успеха. При разборе атаки командир дивизиона доложил комбригу, что Лукьянов может самостоятельно выходить в море, что он уверен во мне. Так была получена моя первая путевка в жизнь на самостоятельное управление ПЛ, на самостоятельные боевые походы. Это было то, о чем мечтает каждый молодой командир. Это было доверие командования, доверие партии. И это доверие необходимо оправдать. В море на нашей позиции сейчас плавает другая комсомольская «малютка» «Челябинский комсомолец» – там командиром Виктор Хрулев. Входят в строй и другие комсомольские лодки. Мы начали первые.

30 апреля. Вот он и наш – праздник с традиционным жареным поросенком. Разведка подтвердила успешность нашей атаки. Только после этого засчитывается потопление транспорта.

Традиция торжественного ужина всего личного состава с поросенком (по числу затопленных кораблей) прочно вошла в наш быт. Некоторые матросы в море считают не количество потопленных транспортов, а количество поросят, которые будут поданы на стол. Что ж, мы согласны и на такой счет. Врагу не легче, а нам приятнее.

Подобные торжественные ужины с приглашением гостей (старшин, матросов, офицеров) с других подводных лодок имеют свои корни. Если вспомнить историю России, то всякая большая победа над полчищами немецких псов-рыцарей праздновалась всем народом, всеми ополченцами и жителями городов. Все праздновали победу, все радовались разгрому захватчиков. Так было и в другие периоды становления нашей Родины, так стало и сейчас. Особенно этот день ждут матросы, старшины. Только на этих встречах, только в таком теплом и радостном кругу, за большим столом, заставленном разной снедью, они могли вспомнить свою семью, своих родных и друзей. Такие праздники поднимали боевой дух, сплавляли коллективы, давали новые силы, вливали в нас в ещё большей степени желание на новые подвиги во славу нашей прекрасной Родины.

Как всегда, по заведённому порядку, командир БПЛ контр-адмирал Виноградов отрезал голову и торжественно вручил её мне, громко сказав при этом: «Начнём с командира. Ему голову». Все аплодируют. Передав блюдо мне с поросёнком, показал, чтобы я продолжал его раздавать. Ноги я отрезал и передал мотористам и электрикам. Они хорошо справились с задачей обеспечения движения подводной лодки. Хвост пришлось торжественно вручить боцману Пекарскому. Уши – это привилегия акустиков. Тёплые тосты, тёплые слова, пожелание новых успехов и кругом счастливые лица – что может быть лучше для человека, для нас, именинников?!

Конечно, поросёнка на всех и не всегда хватало... Главное было в символическом значении его присутствия на столе в честь победы. На такие вечера приглашались и девушки, проходившие службу в части, жёны офицеров и старшин. Заканчивались вечера танцами. Танцевали больше мужские пары, так как женщин было очень и очень мало. В эти минуты немногим улыбалось счастье обнять талию девушки и говорить ей всё то, что говорят в подобных случаях.

Именно в эти часы почему-то всегда вспоминаешь большой зал военно-морского училища, где мы, курсанты, кружились в вихрях вальсов, выделяли сложные па мазурки и разучивали западные танцы. Знакомства... Робкие первые шаги к любимой девушке... Жар разгорячённых лиц, алые губы, шлейфы платьев... Тяжёлые минуты перед расставанием, когда знаешь, что из училища уйти нельзя, что следующая встреча только через неделю или две... Тогда ожидания новых встреч, новых танцевальных вечеров мучило, становилось тягостным... А теперь? Теперь мы завистливыми глазами смотрели на счастливого, который, забыв всё: войну и лишения, печальные письма из дома, – кружится незабвенно со своей дамой, отдавая ей в этом танце ещё неистраченную жажду жизни, жажду ласки, жажду любви. Что ждало его завтра?.. Об этом не думалось... А завтра опять будет война. И может быть, кто-то из нас сегодня танцует свой последний вальс...

Я далек от мысли, что об этом мы думали в эти минуты счастья. Нет. Далеко нет. Такие мысли, если и приходили, то приходили только в тягостные минуты одиночества, ухода в себя, в минуты, когда мы переживали невозвращение с моря товарищей.

28 апреля. Вместе с командиром М-105 («Челябинский комсомолец») В. Хрулевым нас вызвали вчера в штаб бригады к начальнику штаба капитану 2 ранга Скорохватову.

Последний перед нами развернул новую широкую картину непрерывного плавания на одной позиции двух подводных лодок. Идея заключалась в следующем: нам отводилась позиция в районе одного из ближайших к нам норвежских портов. На этой позиции одна ПЛ плавает первой и по истечении определенного срока покидает позицию, следуя на временную якорную стоянку в бухте Пуманки-Вуоно; другая ПЛ по другому фарватеру следует в это же время на эту же позицию и занимает ее с уходом первой. Таким образом, в плане получалось, что на каком-то участке, на фарватере противника должна постоянно находиться одна из наших ПЛ. Заманчиво. Здорово выглядело это на бумаге. Мы, конечно, были за эту «операцию». Это было новым и можно было попробовать, что из этого получится.

Начали готовиться. Изучаем карты, знакомимся с районом действий. Разрабатываем вместе с Хрулевым сигналы для только нашего с ним опознавания (в море все может быть).

Эта ПЛ также в первом походе потопила транспорт. И ее командиру так же, как и мне, капитан 1 ранга Морозов дал «добро» на самостоятельное управление лодкой. Вообще-то замечательно, что 2 ПЛ, построенные на средства молодежи, 2 «комсомольца», ярославский и челябинский, – первыми начинают прокладывать пути в поисках нового. Это радует и обязывает более тщательно, более ответственно подготовиться к выходу в море. Выходить в море будем раздельно. На якорной стоянке также не будем встречаться. Для нас разработан специальный график вех переходов и пребывания на позиции.

Смущает только одно обстоятельство. Об этом мы доложили в штабе. Это то, что наш выход на позицию, приход с позиции и якорная стоянка должны просматриваться с берега, занятого противником, а если и не просматриваются, то должны быть обнаружены разведкой. Нас успокоили. Обещали, что наша стоянка хорошо прикрыта береговой артиллерией и авиацией.

07 мая. Настроение весеннее. По улице Полярного бегут шумные ручейки. В воздухе запах талого снега, скал и мха. Весна дружная. А это всегда радует. Буйство природы действует на человека, как вино. Опьяняет, горячит кровь, молодит. Мне всего 30 лет. Временами кажется, что мне все 40 лет. Наверное, потому что война делает человека взрослее, старит его, отрывает от молодости, бросает безжалостно в водоворот суровой действительности. А эта суровая действительность безжалостно, ежедневно, ежечасно, в быстрой смене событий, явлений, действий, за какие-то два года войны заставила прошагать по жизни десятилетие...

А сегодня хорошо. Хорошо, несмотря на то, что вечером начало нашего второго боевого похода. Может, именно в этом радость весны. Может быть, я, не понимая этого, больше радуюсь походу, чем весне. Но, видимо, все не так. Определенно, что причиной хорошего настроения является и то, что мне доверяют... Доверяют корабль. Подводную лодку. Доверяют людей, их жизнь, их судьбу. Именно в этом источник радужного сегодняшнего настроения. Счастливый человек ничего не замечает... Попало мне сегодня за что-то от Деда, а я уже через пять минут забыл об этом, и так целый день.

Хорошо, чтобы такие весенние настроения были бы у человека всегда. Или это плохо? Может быть, тогда жизнь будет скучной? Что это за жизнь, если все всё время будут улыбаться? Но все же человек с весенним настроением лучше!

8 мая. Пришли на позицию в Варагер-фиорде. Начали плавание на фарватере, в том же районе, где плавали первый поход. Береговые ориентиры хорошо известны. Первый день плавания не дал результата. Кроме одного самолета, ничего не обнаружили.

10 мая. Стоим на якоре в бухте Пуманки-Вуоно. Производим зарядку. С места якорной стоянки хорошо виден вход в порт Лиинахамари (Петсамо). Если мы видим вход невооруженным глазом, следует считать, что и противник, пусть не всегда, а в какие-то минуты, должен видеть, обнаружить нашу якорную стоянку или наше движение в этом районе. Поэтому потребовал от личного состава повышенной боевой готовности, и не зря.

Сегодня утром произвели два срочных погружения на якоре, с покладкой на грунт (глубина 20 метров) от разведывательных самолетов противника. Наша зенитная батарея на берегу открывала по ним огонь, но безрезультатно. Такая стоянка нам совсем не нужна. Сейчас напряжение даже больше, чем в море; перед выходом в штабе нам дали инструктаж по всем вопросам совместных действий, но почти ничего не рассказали о наших взаимодействиях с берегом, тем более что там, на берегу, занимали оборонительные рубежи пехотные части армии. С ними нам не приходилось взаимодействовать. За 5-7 дней до выхода из Полярного мы узнали, что в эти дни в воздухе, на наших прибрежных путях движения транспортов, барж, катеров свирепствует какая-то вновь прибывшая с берегов Ла-Манша истребительная эскадрилья, сплошь состоящая из лучших немецких асов, чуть ли не таких, которых вообще сбить нельзя – это разговоры. А на практике эта эскадрилья, а может быть, какие-то другие группы самолетов за неделю своим огнем и бомбами потопили или повредили несколько наших мелких кораблей. Их излюбленной тактикой был один прием – поиск цели, заход на нее со стороны солнца и внезапное пикирование на цель. Пикирование этакой цепочкой, один самолет за другим, со стороны и только со стороны солнца.

Об этом мы знали и к этому готовились. Все внимание за восходом было направлено на эту часть горизонта, где сейчас было наше яркое светило.

Но жизнь все же берет свое, даже в этом случае. В душе мы все рыбаки и хорошо знаем, что наше Баренцево море богато всякой рыбой. Почти каждый матрос имеет в кармане удочку. Улов, когда этим разрешается заниматься, бросается в общую сетку-мешок, опущенную в корме за борт. Там всегда по 10-15 кг рыбы, больше пикши и морского окуня. Раз в день у нас рыбный суп, уха, паровая и жареная рыба. Это разнообразит стол и создает определенные резервы в продуктах.

И вот сегодня, несмотря на то что в воздухе нет-нет, и появляется враг, я все равно урывками, когда это кажется можно, бросаю свою удочку прямо с мостика за борт. Сегодня улов хороший. Попались даже три камбалы весом 2-3 кг. Рыбалка не успокаивает, а наоборот заставляет мыслить, оценивать создавшуюся обстановку. Решил по окончании зарядки

погрузиться, лечь на грунт и там спокойно поужинать, тем более, сегодня рыбу девать некуда, если не пустим в котел, придется выбрасывать.

В 16.00 погрузились и легли на грунт... через 30-40 мин. где-то не так далеко слышим разрывы бомб... Кто-то кого-то бомбил. Всплыли под перископ и увидели, что в дистанции около 30 кабельтовых у берега торопливо ходят вокруг полузатонувших напротив буксира и баржи наши катера. Стало ясно, что это работа тех самых асов. В душе обрадовался тому, что мы раньше ушли под воду.

Ужин, в самом деле, получился отменный – густой наваристый суп из камбалы и пикши, жаль, что картофель сушеный. Все довольны. За два часа до начала перехода, с наступлением темноты всплыли. Провентилировались. Дал команде возможность по 15-20 минут подышать свежим воздухом и в 21 час начали движение на позицию, для замены М-105, она должна прибыть на место якорной стоянки рано утром.

Вообще для курящих на ПЛ самая настоящая, как говорят в народе, труба. В лодке курят только те, кто не может больше терпеть. Курение разрешено только в боевой рубке и не более чем одному человеку. Стоит такой курильщик в одиночестве в рубке, с надеждой и просьбой в глазах смотрит на мостик. Может быть, сегодня выпустят? Но это бывает редко, при хорошем настроении командира.

На мостике, в ночное время, вообще никто не курит. Всем, в том числе и командиру, приходится курить только в рубке; да и то в кулак, пряча огонь в рукав.

12 мая. 12 часов 12 мин. Воскресенье.

...Встряхиваю еще раз головой. Нет, ясно, что часы встали, что стрелки надолго застыли в этом положении. Кругом тишина... Гнетущая тишина... Потом начинаю различать шум ударов где-то в носовых отсеках... Все ясно... Быстро смотрю на всех и понимаю, что кошмар взрывов и огня остался позади...

Что же произошло?

Теперь представилось все вспомнить и восстановить в памяти, как это случилось.

После прихода на позицию и безрезультатного на ней плавания наша лодка начала обратное движение в тот же район якорной стоянки.

Около 11 часов дня 12 мая мы подошли к западной части полуострова Рыбачий. Произвели опознавание и начали движение вдоль берега, в свою точку.

В это же время высоко в воздухе и далеко в стороне сигнальщик матрос Фофанов обнаружил самолет-разведчик. Что для нас разведчик, да еще где-то в стороне? Тем более мы находимся в эти минуты под защитой наших береговых батарей. Так беспечно я отнесся к этому разведчику. У меня даже почему-то и мысли не появилось, что вслед за ним, через какой-то отрезок времени может появиться кто-то еще...

Свои берега. Родина! Яркое, по-весеннему сиявшее солнце прямо на носу. Тихий шум волны вдоль борта. Все настраивало на близкий заслуженный отдых. Мы все не спали более полутора суток, и, конечно, хотелось на время позабыться, отдохнуть...

Идем от берега недалеко, в дистанции 10-11 кабельтовых. Под килем 40-50 метров. Сигнальщики о чем-то переписываются с береговым постом СНИС (службы наблюдения и связи)... Ага! Это нам пришло приказание: «Встать на якорь на свое место». Зачем отрывать время на все эти сигналы? Мы и так знаем, что нам делать и где вставать. Часто начальник думает, что лишнее повторение распоряжения помогает, создает видимость оперативного руководства. Ерунда. Эта инициатива и руководство необходимы тогда, когда есть изменения, есть новые решения, которые необходимо довести до исполнителей.

К сожалению, непродуманные действия засоряют связь, отвлекают людей на ненужное репетирование, а наших сигнальщиков в данном конкретном случае – от наблюдения за морем...

Не успели сигнальщики закончить свои переговоры с постом, как вдруг мы все сразу услышали и увидели свист пуль и всплески снарядов в воде вдоль борта подводной лодки. За несколько минут до этого я дал разрешение на обед, могли бы обедать через полчаса на якоре, в более спокойной обстановке.

Не думая более, автоматически, привычно, одну за другой даю команды:

– Лево на борт!

- Все вниз!
- Стоп дизель!
- Срочное погружение!

При последних двух командах цокот пуль проносится где-то рядом и оставляет дырчатый след в полушаге от меня на настиле мостика. Пока все эти команды выполняются, я в какие-то доли секунд осматриваюсь. Из-под солнца летят 10-12 самолетов. Вижу падение первой бомбы, её взрыв правее правой скулы в расстоянии 20-25 метров от ПЛ.

Ведущий самолёт с грохотом и визгом выходит из пикирования почти над самой водой. Какой-то миг мне кажется, что я вижу ухмыляющееся лицо фашистского гада.

На мостике в эти минуты было 5 человек. К сожалению (тоже недодумал) за несколько минут до этого мною было дано разрешение на смену вахты. Все, сжавшись в комок, один за другим камнями скрываются в зеве рубочного люка. Почти наступая на голову последнего сигнальщика, буквально на его плечах, я скольжу руками за крышку люка.

Упругие воздушные волны бросают лодку с борта на борт. Кругом хаос и гейзеры вспученной столбами воды и дыма... Лодка начинает погружаться. Как хочется сейчас, чтоб это погружение было мгновенным. Последний взгляд на этот ад, и рывком бросаю тяжёлую крышку на себя. Я не ощущаю на этот раз её тяжести. Но хорошо понимаю, что крышка легла на кремальеру и защелка не сработала. Остался просвет в 3-4 см. С такими случаями я уже встречался в 1939 году, когда один из офицеров, с которым я плавал, растерялся, не смог отвести кремальеру и плотно прихлопнуть крышку люка, в результате чего в лодку хлынула вода... Всё это мгновенно проносится в голове... Поднимаю крышку, отвожу кремальеру и невольно вижу бегущую по мостику воду, ещё миг и она хлынет на меня. И что наиболее запомнилось – беспорядочно падающую на лодку, как мне тогда показалось, прямо на мою голову, бомбу, и особенно её ржавые суриковые стабилизаторы... Захлопываю люк... Бешено кручу маховик, кажется, закрыл глаза. Жду взрыва. И мешком падаю в центральный пост.

Последним взрывом меня сбросило с трапа. Нет, я не потерял память. И уже поднимаясь сначала на колени, а потом во весь рост, понял: «Целый! Мы целы!»

Но эта радость, как искра, промелькнула мгновенно и тут же потухла. Из 2-го отсека слышен доклад: «Пробоина в 1-ом»... «Пробоина в 1-ом»...

Всё это хорошо слышим через переборку. Приказываю пустить трюмную помпу на аварийное осушение первого отсека. Командир БЧ-5 докладывает, что помпа уже работает. Оказывается, трюмные во главе с к/о трюмных Самигулиным Гарифом сделали это сами, как мы раньше отработывали всё на учениях. В сутолоке бомбёжки и погружения ложимся на грунт, ползём по нему, пока не догадались остановить главный электромотор. Осматриваемся, слушаем доклады из отсеков: «В VI всё в порядке», «В V, IV – тоже». Слышим удары кувалдой, шипение воздуха, какие-то голоса во II и I отсеках.

Проходит долгая томительная минута или две, пока не услышали доклад из II отсека, что в I отсеке пробоина заделывается. Через 3-4 минуты – еще доклад: «Поступление воды уменьшается», и еще минут через 5-6 радостный последний доклад: «Пробоина заделана, в отсеке вода начала убывать»... Запросили доложить уровень воды в I отсеке. Получили ответ: «Вода дошла до пояса» и снова: «Уровень воды уменьшается». Вот теперь всё встало на своё место.

Ко мне кто-то бросается и вытирает кровь с лица. Быстро делают перевязку головы, которую я разбил при падении. Руки перевязывающего дрожат. Значит, волнуюсь не один я, думаю про себя, и ещё раз даю команду: «Доложить о повреждениях».

Смотрю на часы – 12 часов 12 минут, проходит минута, вторая – часовые стрелки не идут. Ага! Значит – это время бомбёжки. На ручных часах 12 часов 23 минуты – как мало прошло времени, а кажется, что за эти минуты прошла целая вечность. Главное теперь, чтобы мы смогли всплыть. Жду доклада. Никого не тороплю. Хорошо понимаю, что теперь «после драки», где нам здорово попало, винить некого. Сегодня враг оказался хитрее. Они, эти стервятники, выбрали удачный момент для атаки. И время – обед. И сторона атаки – от солнца.

А мы?! Мы, зная, что здесь у наших берегов в эти дни свирепствует истребительная и штурмовая авиация, поддались весеннему настроению, расслабились, за что жестоко поплатились. Тут и смена вахты, которую можно было не производить, так как через 30-40

минут мы должны были быть в точке якорной стоянки, где после постановки на якорь вахта несется по-якорному. Здесь и ослабление внимания наблюдателей, их затаившиеся переговоры с сигнальным постом. И, конечно, близость нашего берега, подсознательная убежденность, что дома и стены помогают. Но на этот раз они не могли. Хорошо ещё, что мы уцелели. Уцелели по двум причинам: первая, что с первой бомбой мы начали отворот влево и поставили себя бортом к стороне атаки самолетов, в результате, бомбы падая по одной прямой линии, взрывались или с недолетом, или с перелетом. Если мы не повернули, то длина корпуса ПЛ как раз бы компенсировала эти перелеты и недолеты. Одна из бомб обязательно попала бы в подводную лодку. Это первая причина. Вторая: отличные быстрые действия личного состава, сумевшего в сложной обстановке мужественно и четко выполнить все действия по срочному погружению. На этот раз вся техника, все кингстоны и клапаны вентиляции работали безотказно. Трюмные в дополнение к заполнявшейся цистерне быстрого погружения принимали воду в уравнительную цистерну и через клапан вентиляции быстрой – в трюм центрального отсека. На высоте были мотористы и электрики, сумевшие перейти на ход из-под дизеля на ход под электромотором.

Начинают поступать доклады из отсеков о повреждениях:

I отсек – две пробоины в прочном корпусе в виде трещин, общей длиной в 70-75 см. Пробоины заделаны. Вода убывает. Залиты провизионка и все продукты. Полный корпус электрооборудования. Вышло из строя освещение отсека.

II отсек – корпус аккумуляторной батареи, акустическая аппаратура отказала в работе из-за отсутствия эл.питания. Повышенное содержание водорода в отсеке. Из строя вышло освещение отсека. Лопнуло несколько баков аккумуляторной батареи.

III отсек – вышла из строя радиорубка, сорван перископ, сорван с креплений ряд приборов. Вышли из строя тахометры, глубиномеры, станция управления горизонтальными рулями. Нет питания на агрегаты радиорубки.

IV отсек – остановился гирокомпас. Лопнуло несколько баков аккумуляторной батареи.

V-VI отсек – смещена линия вала, течь в забортных сальниках.

Обстановка не из легких. Даю распоряжение о немедленном устранении повреждений там, где это возможно сделать своими силами.

Снова запрашиваю через II отсек первый, могут ли они открыть дверь переборки, чтобы командир смог пройти к ним в отсек. Проходит минута. Жду. Получаю доклад, что в I отсек пройти можно. Оставляю в ЦП командира БЧ-5, а сам иду в носовую часть. Открываю дверь во II отсек. Старшина отсека, ещё бледный от пережитого, докладывает, что всё в порядке. В I отсеке меня встречают радостные и совершенно мокрые торпедисты, старшина отсека Арсеньев и торпедист Симулин. Доклад я не стал слушать, а просто подошел и крепко пожал героям их закоченевшие руки.

Теперь их рассказ о событиях. Рассказывает старшина Арсеньев:

– Мы вместе с Симулиным были во II отсеке и накрывали на стол для офицеров. Не успели поставить стол, как вдруг услышали первый взрыв. Нас швырнуло на левый борт, потом второй взрыв... Мы всё бросили и устремились в свой I отсек. Мигом закрыли дверь. Взяли её на барашки; при третьем и четвёртом взрывах, когда лодка уже погружалась и нос ПЛ от взрывов метался вправо и влево, вверх и вниз, увидели, что с левого подволока между шпангоутами прямо через какую-то щель с силой бьёт вода. Мы бросились к ней. Дали воздуха в отсек, чтобы уменьшить напор воды. Струя отбросила в сторону сначала Симулина, потом меня. Дали ещё воздух. Струя стала меньше. Мы приступили к заделке трещины. В это время вода уже заполнила трюм и дошла до наших колен. Доску с подушкой несколько раз струей воды сбивало в сторону. Наконец нам удалось всё это закрепить струбциной. На взрывы мы не обращали внимания, мы их просто не слышали. Работали без костюмов, но было жарко. Никакого ощущения, что забортная вода имеет температуру всего в 4-5° тепла. Закрепив струбциной и брусом аварийную доску, мы начали забивать в образовавшиеся пустоты ветошь, клинья, пробки – всё, что было под рукой. В итоге вода почти прекратила поступление, дойдя до уровня почти под плечи. Я очень внимательно осмотрел «сооружения» из досок, матов, клиньев, брусьев и подушек и должен был отметить, что всё было сделано на совесть, прочно.

На палубе отсека в мешках – замокшие сухие продукты, погибший обед... Но сейчас было не до этого. Правда, всё же мелькнула мысль: «А как будем отчитываться перед интендантами?».

Из I отсека я пошёл в корму. Везде, во всех отсеках побитые лампочки, осыпавшаяся пробка и краска. И везде у всех немые вопросы ко мне, к командиру: «Как дела, командир? Что будем делать, командир? Всё в порядке, командир».

И в самом деле. Здесь, на глубине около 40 метров, личный состав, с полузатопленным отсеком, ещё не полностью выявивший повреждения и, конечно, ещё их не устранивший, чувствует себя уверенно. Мы даже по-настоящему не опомнились, а у многих ни тени сомнения в том, что всё это, в конце концов, только эпизод, что всё закончится хорошо.

Во всех отсеках беседую с личным составом, осматриваю повреждения, и в какой-то момент замечаю, что сейчас, в эти минуты именно внешний облик командира, его голос, взгляд, совет, поведение – решающее, что во многом укрепляет боевой дух команды, всех нас, находящихся ещё во власти моря...

Все смотрят на мою перевязанную голову. Сквозь бинт выступило пятно крови. Спрашивают: «Как это случилось?». Эпизод с закрыванием люка, ржавой бомбой и моим пикированием вниз все слушают внимательно. Стараюсь этому придать смешной характер. Это удается. Многие начинают улыбаться, смеяться. И особенно все довольны, когда я говорю о том, что какие у нас молодцы торпедисты.

Как пригодилась та практика, та тренировка, которые мы делали на базе, на берегу, в отсеке живучести.

В VI отсеке командир отсека главный старшина Еловенко, черный и смуглый, как цыган, рассказывает о бомбежке так:

– От первого взрыва корма резко пошла вниз, потом вправо. Остальные взрывы мы вроде не слышали. Всё слилось в хаосе из людей, ящиков и откуда-то взявшихся предметов. Всё перемешалось. Мы не знали, за что ухватиться. Корма, как хвост змеи, бросалась то вправо то влево. Над головой и кругом всё трещало. Одно время в люк пошла вода, но потом течь прекратилась. Вещи, как живые, остервенело бросались на нас. В этой обстановке каждый хватался и держался за тот аварийный инструмент, который мог бы пригодиться для заделки пробоины. Мы боялись, что корма вот-вот отвалится. По вдруг наступившей внезапной тишине поняли, что бомбежка закончилась, что лодка ползет килем по грунту и остановили мотор. Осмотрелись ещё раз. Отсек был сухой.

Старшина группы трюмных старшина 2 статьи Самигулин Гариф Муфутдинович рассказывал взволнованно, перемешивая татарские и русские слова:

– Всё открыл: и кингстоны, и клапаны вентиляции. Принимаю воду в быструю и уравнительную... Обычно я считаю до 30. За это время лодка должна уйти под воду, и командир должен стоять внизу у перископа, а тут командир стоит на трапе, зачем-то снова открывает люк, потом камнем падает мне на голову. Хорошо мы тебя, командир, поймали, – заканчивает он, улыбаясь.

Я-то по своим бокам знаю, как они меня поймали, но не замечаю этот маленький взаимный обман, зачем? В эти минуты просто необходимо было каждому сказать теплые слова благодарности, и они находились для каждого члена экипажа.

Осмотр показал, что мы отделались сравнительно легким испугом, правда, мы не знали, как лодка будет всплывать, и потом, как будут работать дизель и электромотор, но проворачивание под водой показало, что главные наши машины, механизмы и системы сохранили свою живучесть и не повреждены.

Беспокоило, что при всплытии нельзя осмотреться в перископ. Но мы были убеждены, что вторично едва ли судьба подведет нас под повторную бомбежку.

Ввели в строй акустическую аппаратуру, гирокомпас, радиорубку. Везде полетели предохранители, и везде всем помог разобраться Кабот. Везде он успевал, и все всегда просили его о помощи. Делать этого не стеснялись, тем более сейчас, так как каждый понимал, что он знает, умеет, разберется, такой уж был у него талант.

14 часов. Мы ещё под водой. Готовимся к всплытию. Всё проверяем. В I отсеке заделанная пробоина все же пропускает воду, но так, что трюмная помпа легко справляется с поступлением воды. Об обеде забыли. Вообще-то второй боевой поход и второй раз при

боевом соприкосновении с противником у нас срывается обед... Нашлись даже в эти минуты и такие остряки, которые и этот факт подметили.

15 часов. Всё готово к всплытию. Над нами уже с полчаса ходят какие-то катера. Ходят на разных ходах, разными галсами. Считаем, что это наши катера. Кто же может ходить вблизи нашего берега?! Складывается убеждение, что они кого-то ищут, выслушивают. Может быть, нас? Если это так, то это радует, так как после всплытия лучше нам сейчас быть под охраной катеров, чем какое-то время оставаться одним, может быть, в беспомощном состоянии.

15 часов 30 минут. Даю команду: «По местам стоять к всплытию». Через две минуты даю команду командиру БЧ-5 о принятии дифферентовки, которая была до бомбежки. Трюмные начинают колдовать, перекачивать воду из цистерны в цистерну. Часть воды, как излишняя, выкачивается из уравнильной за борт. Наступили последние минуты перед рождением всей команды во второй раз на белый свет...

– Продуть быструю (она была заполнена). Лодка стоит. Дифферент как был 2° на корму, так и стоит.

– Дать пузырь в среднюю, – лодка стоит.

– Ещё пузырь – стоит! Нет, пошла. Дифферент отходит на нос.

Глубина под окладом из V отсека (по давлению в топливной цистерне) – 35 метров..., 30 метров..., 25 метров... Лодка стремительно идет вверх.

18 метров... Я у рубочного люка. Сюда идут только доклады.

14 метров. И вдруг неожиданный доклад: «В VI отсек через люк пошла вода».

– Стоп всплывать! Заполнить среднюю и заполнить быструю. Осмотреться в VI отсеке.

Понимаю, что, наверное, вода идет через образовавшееся отверстие между отжатым давлением крышки люка и комингсом люка. Снова легли на грунт. Течь прекратилась. Люк прижат столбом воды к комингсу. Проходят томительные минуты ожидания. Командир БЧ-5 ушёл в VI отсек.

Прошло 10 минут. В отверстии люка центрального поста появляется рыжая шевелюра командира БЧ-5. Он взволнованно докладывает, что люк VI отсека взрывами был оторван и сейчас держится только силой давления воды. Чтобы его вновь не отжало, они закрепили люк к нижнему комингсу стальными талрепами в комбинации с ломом, что теперь можно всплывать.

Если бы знал я... И если бы командир БЧ-5, или кто-нибудь после этого случая с люком подсказал бы, что нельзя всплывать... Надо частично компрессором снять образовавшееся внутри ПЛ избыточное давление. Этого никто не сделал. Не додумались.

Снова начали всплывать. Проходим глубину 15, 14, 12 метров, 10 метров – из VI отсека идут доклады, что вода не поступает.

5 метров..., 3 метра. Хватаю свинцовую кувалду и бью по рукояткам, открывающим сцепление люка с комингсом. Свинцовая кувалда весом в 10 килограмм, умноженная на силу удара, не могут сдвинуть с места рукоятку.

Из VI отсека докладывают, что воздух вновь отжал люк, и вода временами поступает в отсек. Сейчас не до этого. Нечеловеческими усилиями продолжаю бить по рукоятке. Надо же выйти на мостик и осмотреться. Совсем плохо, когда не знаешь, что делается вокруг.

В промежутках между ударами слышу работу моторов катеров. Они где-то рядом. Ручка поддалась. Пошла. Ещё удар. И последний удар – с ним я вылетаю вверх вместе с открывшимся люком, с кувалдой в руках и с зацепившимся металлическим трапом на ногах, спиной ударяюсь об антенну, проходящую над люком на высоте двух метров и падаю на мостик. Всё происходит за какое-то мгновение. В горячке ни синяков, ни ссадин не замечаю. Быстро вскакиваю и осматриваюсь.

Что, прежде всего, поразило – это сотни и тысячи туш крупной трески, плавающей кверху брюхом. Кругом было бело от уснувшей, видимо, от взрывов трески. И среди этого косяка погибшей рыбы – три торпедных катера, идущие к нам с большой скоростью. Катера проходят мимо. На палубах матросы. Они улыбаются, машут радостно руками, бескозырками, пилотками. Многие что-то радостно кричат.

Катер командира дивизиона подошёл вплотную к борту, и, не сходя с мостика, командир катера передал мне, что они около двух часов, по приказанию командующего флотом, ищут нас здесь. Собственно не нас, а то, что, может быть, всплывет от нашей ПЛ. Оказалось, что

сигнальщики берегового поста, наблюдавшие налет самолетов на нашу ПЛ, доложили на БФКП командующему флотом, что наша лодка «в дыму и пламени, разломившись пополам, погрузилась, потонула у берега в результате налета 12 мессершмидтов».

Обмениваясь радостной вестью нашего всплытия, мы все на ПЛ и на катере зорко следим за небом. На корме катера горою сложена выловленная треска. Командир катера, заметив мой взгляд, тут же приказывает передать несколько рыбин нам, шутливо попросив извинения, что они выловили часть рыбы, по праву принадлежавшей нам, что не было бы нашей ПЛ, не было бы и рыбы. Катера ушли... Быстро продолжаем местный осмотр. На палубе разрушений нет, но носовое 45 мм орудие стоит как-то нелепо, его ствол наклонен к воде на 45° и вот-вот упадет за борт. Оказывается, вибрация при взрывах была настолько сильной, что ствол вместе с вертлюгом поднялся от вибрации на 45-50 см вверх...

Только сейчас я осознал, из какой переделки мы выкрутились, и теперь я поверил до конца тем, кто мне говорил в VII и VI отсеках, что при взрывах лодка извивалась, как змея. Возможно, и сигнальщики берегового поста в это время видели нечто извивающееся в конвульсиях, нечто похожее на живое.

Кто знает, может быть, в отдельное мгновение так было, что лодка могла кому-то из них показаться переломившейся пополам, тем более со стороны были видны и шапки взрывов бомб, дым, парение воды и толчея взбудораженной воды.

Поставив ствол в нормальное состояние, дали малый ход электромотором. Ничего, работает. Потом перешли на дизель. Тоже нормально.

Передали на пост семафор о бомбежке, повреждениях и просьбу вернуться на базу. В ожидании решения встали на якорь в 2-3 милях в стороне от места бомбежки.

Через час получили ответ от штаба флота:

– Командиру: командующий благодарит за решительные действия весь личный состав и поздравляет с благополучным всплытием. Через 15 минут мы получили второй сигнал:

– Командиру. Срочно прибыть на катере командующего участком береговой обороны на БФКП, для личного доклада командующему по телефону.

Через 15-20 минут подошел торпедный катер и, взяв меня на борт, пошел к берегу. На берегу, у деревянной пристани, вижу двух лошадей и ординарца. Последний мне объяснил, что здесь дорог нет и что это единственный способ быстрого передвижения. Мои попытки отказаться от лошади не увенчались успехом. Я очень боялся признаться, что в жизни я не разу не ездил верхом. А тут на тебе! И лошадь, и ординарец. Эх! Была, не была! Видно, сегодня бог тройцу любит, вслух пошутил я, имея в виду, что в этот день я уже дважды совершал полеты, и что теперь это удовольствие мне предстоит в третий раз. Если бы кто видел, как ухмылялся от своего превосходства этот ординарец! Я сгорал со стыда, когда мешком забирался на седло лошади. Наконец забрался. Поехали.

Вообще-то ординарец сначала вел себя отлично. Ехал рядом, шагом, успокаивал. Как только мы выехали в долину, он резко перешел на рысь, и я сразу же куда-то полетел в сугроб. Так было. С таким позором «опозорился» подводник. Как я себя клял, что поддался на уговоры. Забегая вперед, скажу, что на обратном пути я ни разу не упал! Что это, неужели так быстро освоился?! Но этим я был горд необычайно.

На БФКП меня ждали, и через минуту я докладывал командующему о только что пережитых событиях.

Командующий, этот замечательный человек, за всё время разговора ни разу не усомнился в действиях офицеров, личного состава и командира. Его участие, теплота и забота в эту минуту о нас была дороже всего на свете.

Командующий приказал нам до 20 часов заниматься ремонтом, и потом с приходом катеров морских охотников, назначенных для эскорта нашей ПЛ, следовать в базу кратчайшим прибрежным фарватером.

На переходе в базу мы сделали два срочных погружения от самолетов (неизвестно чьих). Конечно, самое замечательное в этих погружениях то, что мы погружались с повреждённым корпусом, с пробоиной, правда, заделанной, но всё же пробоиной...

14 мая. В базу пришли днём. Встречало всё командование бригады и флота. Всем не терпелось посмотреть пробоину, и как мы её заделали. Командующий флотом первый

опустился в I отсек. Осмотрел заделку пробоины. Похвалил. Потом приказал разобрать. Пробоина была на подволоке в виде двух трещин прочного корпуса. Одна длиной 55 см и шириной 5-6 мм, а другая, рядом, длиной в 15 см и шириной в 1-2 мм. Странно было вдруг увидеть вспыхнувший луч солнца, упавший на усталое лицо командующего. Начальник штаба БПЛ капитан 2 ранга Скорохватов сказал при этом: «Луч солнца, попавший в лодку, – это счастье. Теперь лодке ничего не страшно!». Хорошо, если бы эти слова оправдались...

Командующий, уходя с ПЛ, лично собрал весь экипаж, отметил заслуги всех, особенно торпедистов, и заявил, что необходимо представить отличившихся на награждение орденами и медалями. Об этой встрече с командующим долго вспоминали подводники «Ярославского комсомольца»... А Арсеньев и Симулин получили по Красному Знамени.

Теперь в баню и к друзьям. Друзья не заставили себя долго ждать. К. Колосов, П. Шипин, П. Самарин, Г. Коваленко ждали ухода командования и дружной семьёй поднялись на мостик. Вопросы, расспросы, восклицания, шутки и, конечно, подначки – без конца... Хорошо с друзьями. Сразу всё забыто и стало далёким, каким-то нереальным.

Такие случаи возвращения с моря с повреждениями, как и возвращение с победой, мы всегда отмечали в тёплом кругу командиров. Здесь в этом случае именинником был вернувшийся командир. Все остальные – его гости. Он становился в этот вечер и только в этот вечер тамадой, хозяином холостяцкого стола. Быстро договорились, что соберёмся у меня в каюте.

Радость возвращения, радость второго рождения – что может быть богаче, ярче, счастливее для того, который видел смерть рядом и устоял. Эта радость была сегодня всеобщей – и личного состава, и наших друзей.

Первый тост и, как потом оказалось, последний в этот день и в его жизни, произнес Павел Шипин. Этот никогда неунывающий человек, с белым лицом и льняными волосами, на жизнь смотрел весело, радостно. Необычайно скромный, душевный и добрый. Простой со всеми и мой, пожалуй, самый главный партнёр по танцам в доме офицеров, мой поверенный в душевных тайнах, переживаниях, радостях и горестях. Мы с ним дружили ещё с училища. Он на год по выпуску был старше меня. Да, в делах, в опыте службы, жизни, я всегда считал его старше, умнее что ли, меня. Он не любил ложь, подхалимов. Не любил неправду, не афишировал себя. Есть разные категории людей. Даже из тех же самых командиров ПЛ. Один сделает атаку и придёт с моря героем в истинном понимании этого слова, после тяжёлого поединка с врагом, с его кораблями ПЛЮ, и не кричит на каждом углу, в любом случае о своём «геройстве», о заслугах, об отличии его экипажа, его метода воспитательной работы и т.д. и т.п. Привёл же Паша разбитую лодку с моря и скромно об этом доложил. И всё. Мы знали, что он молодец. Или провёл 4-часовой поединок командир ПЛ «М-176» Бондаревич И.Л. с немецкой ПЛ, потопил её и не бил себя в грудь по этому поводу в любом удобном или неудобном случае.

Скромность – это отличительное качество большинства командиров и офицеров, и эта скромность особенно присуща была ему, Павлу Шипину, и его все мы, «малюточки», любили...

Тост в честь счастливого возвращения в базу был прерван резким телефонным звонком. Трубку взял Шипин. Кто-то о чём-то ему говорил. Разговоры прекратились. Мы только слышали: «Есть, есть!», и опять «Есть!». Павел положил трубку и молча выпил. Немного подумал, встал и начал молча прощаться.

В это время входит улыбающаяся, как всегда, наша родная Анна Семёновна Пашкевич с большим-пребольшим подносом жареной трески. Пашкевич – это старшая официантка офицерской кают-компании по береговой базе. Через неё мы могли заказать ужин (точнее закуску) для себя, для каюты. Вносит она поднос, ставит на стол и открывает полотенце. В нос бьёт аромат запахов лука, специй, масла, рыбы и, конечно, рыбьего жира. Мы все возбуждённо улыбаемся и дружно бросаемся за самыми лакомыми кусками. Каждый кусок весит 200-250 г, и его сразу не возьмёшь, разваливается, в результате смех, шум, толкотня и довольные ухмыляющиеся лица пирующих.

На всё это Павел не обращает внимания. Он начинает прощаться, говоря при этом, что сейчас получил срочный приказ выйти в море вместо меня, что у него лодка уже несколько

дней как готова к выходу, и этого приказа ждал с часу на час. Мы предлагаем остаться, выпить ещё.

– Очень хочу выпить, но приказ есть приказ. Я пошёл.

И ушёл, попросив нас его лодку («М-122») не провожать. Считать, что мы его проводили сейчас.

Поздно ночью лодка ушла на ту же позицию для совместных действий с ПЛ «М-105», на которой мы ещё были вчера.

Как узнать судьбу человека? Кто из нас мог подумать, что уже завтра не станет нашего общего любимца. Да и по поведению, прощающемуся лицу, улыбающимся голубым глазам, по его жестам, голосу – разве можно было увидеть в нём человека, уходящего в вечность, в небытие.

И опять разные люди, разные характеры. Один что-то предчувствует, переживает, о чём-то говорит, анализирует, верит в судьбу. Другой – ни в чёрта не верит и уходит навсегда с улыбкой, оставив её нам.

Мы с Павлом жили в одной каюте. Всё у нас было общее, любили перед сном, когда оба не в походе, поговорить. Вспоминали детство. Он очень любил рассказы о нашей пионерской дружине, «могучей» кучке ребяташек, организовавшихся в хороший здоровый коллектив, боровшийся своими недетскими действиями с пьянством, хулиганством, матерщиной – с бескультурьем...

И вот его аккуратно застланная койка пустая. Через несколько дней на ней будет спать другой командир другой подводной лодки. Как же всё это произошло? Конечно, можно только предполагать о причине гибели ПЛ «М-122». Чётко вырисовывается перед глазами и вот почему.

В первый же день похода с лодкой была потеряна радиосвязь. На второй день западнее мыса Цып-Наволоки пограничники нашли прибитый волной к берегу труп одного из офицеров с этой подводной лодки. Офицер погиб от пулемётной очереди. Вероятнее всего, та же группа самолётов, примерно в то же время (около берега) атаковала подводную лодку, и в данном случае лодка погибла или от бомб, или от того, что вахтенный офицер, дав команду на «срочное погружение», не успел закрыть люк, так как был убит наповал, и лодка погрузилась с открытым рубочным люком. Конечно, это наши домыслы. И всё же мы близки к истине.

16 мая. Переживаем смерть Шипина и его команды. Меня снова вызвали в штаб и ещё раз потребовали подробно рассказать об атаке тех самолётов, не упуская ни одной детали. Но что я мог добавить к ранее изложенному? Ничего! Не нахожу себе места. Убеждён, что какая-то доля вины есть и на мне. Не обнаружили бы нас самолёты, мы продолжали бы находиться в море. Наше возвращение в базу послужило причиной преждевременного выхода ПЛ «М-122».

Конечно, нельзя исключать и счастливых обстоятельств, или, как у нас называют, везения. Говорят, им повезло, а этим – не повезло. Но ведь кроме везения необходимо и умение, и знание, и, наконец, чувство долга, ответственности командира корабля в его нахождении на мостике. Не был бы я на мостике в последнем походе, или не дал бы команды на отворот от курса, растерялся бы при закрытии люка, значит, немцам бы больше повезло. Я далёк от мысли, что Павел допустил какую-то оплошность. Просто он, видимо, зачем-то спустился вниз, оставил наверху вахтенного офицера. Не может же командир 24 часа в сутки нести свою командирскую вахту. В человеческих силах ещё простоять, ну, два дня, ну три, а дальше что? Значит, всё дело в подготовке вахтенных офицеров, в такой подготовке, чтобы им можно было полностью, без всяких сомнений и скидок, доверять самостоятельное управление кораблём, а для этого – готовить их так, как готовили Лунин – командир «К-21», Герой Советского Союза. Он ни днём, ни ночью нам не давал покоя и, не зная, на то, кто допустил ошибку, сам ли он или кто-либо другой из офицеров – тут же собирал всех и начинал учёбу свою, и так каждый день на берегу и в боевом походе. И он спокойно уходил отдыхать, зная, что там, наверху, на мостике, стоят люди, которым можно доверять жизнь всего корабля. Отсюда и кончается везение, если этого нет.

Конечно, есть и такие случаи, когда гибнут самые лучшие тактики, самые опытные экипажи, без этого на войне невозможно. Но доля таких случаев в общих потерях ничтожна. И к этим единичным случаям можно применить выражение – не повезло. Так было, видимо, и с

ПЛ «М-122». В данном случае им не повезло. Единственное, что у меня осталось на память о Павле – это его именной серебряный подстаканник, который он подарил мне раньше. Этот подарок и сейчас хранится у меня на самом видном месте.

20 мая. Снова стоим в сухом доке. Зализываем раны после второго похода. В принципе, работы не особенно много, но одна работа является следствием отрыва люка шестого отсека. Отныне решено было на всех лодках сделать и нижний люк. Раньше его не было. Это новшество значительно улучшит живучесть подводных лодок нашего проекта. На пробойны наварили и наклёпали хорошие заплатки. Теперь прочность восстановлена полностью. Перископ поставили новый.

На третий или четвёртый день после возвращения из похода состоялся разбор моего похода, с моим докладом. У нас установлено очень полезное правило, очень нужная учёба: заслушивание докладов командиров ПЛ после боевого похода. Неважно, был успех или нет. Выходи на трибуну, тащи карты, схемы и будь добр, отчитывайся о своих действиях, решениях, ошибках или о чём-то новом, перед собранием командиров подводных лодок. Эта категория слушателей не даст уйти в сторону, «лечь на крыло». Здесь необходимо говорить всё как было, без лишних слов, без попыток на оправдание, если ты допустил в чём-то ошибку, промедление или сомнение. Иногда, даже сидя в качестве просто участника такой учёбы, становится тяжело смотреть на докладчика, командира подводной лодки, который пытается доказать, оправдаться в причинах невыхода в атаку по конвою. Здесь нет скидок никому, ни Герою Советского Союза, ни любому молодому командиру. Так было и со мной. Я очень волновался, делая свой отчёт. Но, зная по опыту, ощущая настроение собравшихся командиров, я рассказал всё, как было, со всеми подробностями и взял на себя вину за то, что мы не смогли обнаружить самолёты раньше по причинам смены вахт, когда этого можно было не производить, и потери бдительности, некоторой успокоенности. В общем, всё обошлось лучше, чем я ожидал.

В своих выступлениях командиры ПЛ отметили всё же, что могло кончиться хуже, что молодой командир справился в этой сложной обстановке со своими обязанностями, но предупредили, чтобы в дальнейшем была улучшена служба наблюдения за морем и небом.

На этом же форуме было предложено пересмотреть, переоценить возможности стоянки на якоре фактически вблизи линии фронта и на виду у противника.

Как хорошо, просто великолепно ощущаешь себя, когда тебе выражено доверие и кем – не одним человеком, а целым коллективом. Такое окрыляет, даёт новые силы, желание, стремление к скорейшему выходу в море для нового боевого приказа.

А настроение! Мне кажется, что в эти часы и дни такой человек – самый счастливый на земле. Таким человеком в этой точке земного шара в этот день был я.

Вот и сейчас, в эти дни после постановки в док, не замечая усталости, решаю десятки вопросов, связанных с быстрейшим окончанием аварийного ремонта. И это удаётся. Ремонт идёт быстро, а главное – качественно. Моё настроение передаётся команде. Здесь также всё хорошо. Забыты те неприятные минуты, которые всем пришлось пережить. Личный состав днями и ночами не покидает ПЛ. Все, как муравьи, копошатся в своих заведованиях, разбирают, чистят, собирают, регулируют. Не обходится и без споров, столкновений интересов командиров отдельных отсеков. Каждому из них хочется отличиться, выйти вперёд в окончании ремонта, в отделке отсека. Поэтому грустно тому, кто плохо убрал краску, олифу, сурик. Завтра этого не найдёшь, кто-нибудь обязательно перельёт всё это в «свою» посуду. Но это всё мелочи, и они не омрачают общего делового настроения. Немцы нет-нет, да и побомбят, правда, больше ночью.

Мурманск они всё же здорово за эти почти два года войны покалечили. Целых зданий, кажется, нет. От больших домов тоже мало что осталось. Одни остовы зданий и тёмные глазницы окон. Иногда идёшь по центру города, и взору открывается страшная картина провала 4-5-этажной секции от крыши до нижнего этажа. То видны, если на минуту остановиться, по сторонам каждого этажа: разная раскраска стен, комнат, где-нибудь высоко каким-то образом зацепилась детская кроватка, висит рамка с чьим-то изображением. Где эти люди сейчас? Может быть, здесь, под обломками, может быть, на фронте или в тылу, а может быть, где-то кто-то из них лежит рядом, в дружном объятии с кем-то из наших подводников на

дне морском? Только по этим остаткам стен, красок, мебели можно определить, как люди жили, как относились к квартире, к комнате. Определить их вкусы, привычки.

Сколько эти стены видели радости и горя, рождений и смерти?! Поэтому лучше не останавливаться у этих провалов. Если остановишься, то обязательно это лезет в голову. Разберёмся. Каждый, кто жив, вернётся в свой город, который со временем станет ещё краше, ещё лучше. Необходимо будет только в каждом городе оставить один такой кусок дома и сделать его музеем. Пусть наши дети по этим разрушениям и голым стенам, видевшим счастье жизни, смогли бы знать, как люди жили до войны и что такое война. Правда, ужасы войны, её этапы отражены в картинах художников, в искусстве, кино, театрах, литературе, но всё это не то. На человека больше действует не то, что нарисовано, а то, что он может увидеть сам, ощутить хотя бы тень войны, всем своим существом. Как будет плохо, если мы не сможем, не сумеем потом нашу ненависть к фашизму, порождённому империализмом, передать в сердца наших детей, в сердца поколению, придущему к нам на смену. Уже сейчас надо подумать о том, что наши «союзники» в лице США и Англии потом будут нашими первыми врагами. То, что они затягивают открытие второго фронта в Европе, как раз и свидетельствует об их горячем желании обескровить нас ещё больше, чтобы победа далась нам как можно труднее, чтобы после войны поставить нас в экономическую зависимость от них, а может быть и пойти на уступки в политических вопросах.

Нет, господа «союзники», этого никогда не дожждаться! Война ещё больше помогла осознать, как мы любим нашу Родину, наше советское отечество, как мы преданы делу партии. И эту нашу любовь к Родине, нашу ненависть к империализму и фашизму мы должны передать нашим потомкам. Передать во что бы то ни стало! Задача эта очень непростая, и над этим кому-то уже сейчас надо думать, планировать, что ли?!

С ярославцами держим связь. Написали им письмо, которое обсудили и утвердили на комсомольском собрании. Коротко изложили в нём ход событий того дня, назвали имена наиболее отличившихся, правда, это сделать было чрезвычайно сложно, так как по существу героями-то были все, разве что кроме сигнальщиков. Да их особенно нельзя было винить, так как они всегда на какую-то долю времени обнаруживали самолёт в воздухе раньше, ровно на столько, чтобы мы смогли срочно погрузиться, уйти в воду. И, как правило, лёгчики самолетов нас не обнаруживали. В своём письме обещали наверстать упущенное, быть более внимательными к действиям противника и обязательно возвратиться в базу с победой.

Командир дивизиона разрешил мне отпуск на две недели, пока ПЛ стоит в ремонте. Сейчас у нас стали потихоньку давать отпуска. Отпуска дают не всем, через одного, тем, кто встал в ремонт. Мне повезло одному из первых. Значит, у меня уже вторая возможность побыть с семьёй, немного отдохнуть душой и телом от напряжения войны, от напряжения боевых походов. Всё же, откровенно говоря, в море здорово устаёшь. Устаёшь больше морально, от нервного непрерывного напряжения. Правда, устаёшь и физически, но от этого потери небольшие – хороший сон на берегу, и всё встало на своё место. Другое дело – нервы. Взять хотя бы такой разительный пример. В море ни суровая стужа, ни пронизывающий ветер, ни ежедневная холодная ванна от заливающей мостик ледящей волны, ни сквозняки от работы дизеля через рубочный люк, ни постоянное соседство с металлом, – ничто не берёт. Ни на одной лодке за эти два года ни один человек в море не заболел простудным заболеванием. Ни один! А на берегу? Не успел сесть на сквозняк, под форточку или выйти потным на улицу – всё! Схватил насморк, зачихал. Начинает где-то что-то ныть. А почему? Нервы.

В море нервы настолько напряжены, организм настолько мобилизован, что любая «холера», любой микроб мгновенно уничтожается. И за это мы расплачиваемся на берегу. Правда, не все, но многие. С приходом в базу, попав в «домашнюю» береговую обстановку, мы расхолаживаемся. Чувство безопасности отключает нервную систему. Она отдыхает. Набирается новых сил. Вот почему необходим отдых. Опытом уже замечено, что пребывание в море больше 30 суток вызывает какую-то, может быть, первую степень утомляемости. Человек делает всё так же чётко. Но уже ощущается какое-то безразличие, какая-то апатия. Притупляется бдительность, внимание. Мы уже не так боимся самолёта, возможной атаки ПЛ, встречи с миной, как мы этого опасаемся в начале выхода в особенности. Невольно возникает вопрос. Для чего мы ещё до войны на всех флотах били «рекорды» автономного плавания?

Одно дело «автономно» плавать без воздействия противника, без нервотрёпки. Совсем другое, когда кругом действует противник, кругом опасность, кругом тебя стережёт смерть. Автономность должна быть боевой. Совсем неправильно исходить при расчёте автономности только из запасов топлива, продуктов, воды и т.д.

Главное, что должно определять автономность – это люди, их нервная система. И конечно, вполне закономерно будет, если эта боевая автономность станет с каждым годом войны уменьшаться. И ещё напрашивается вывод, который уже сделало командование флота – при первой возможности представлять отпуск, отдых не только офицерам, но и всему личному составу. Так у нас сейчас начали делать.

Говорят, что на Тихоокеанском флоте подводники, не воюя, ежедневно в ожидании неожиданного нападения императорской Японии, только и защищаются тем, что погружаются на день и всплывают на ночь. Вот чудачки. Внешне это выглядит хорошо. Красиво. Оперативно. «Вот мы какие». «Нас врасплох не застанешь. Мы учли уроки Пирл-Харбора». А на деле – изнашивание материальной части подводных лодок и выматывание людей, разбазаривание их нервной системы. И это без войны. Если экономисты подсчитают, то они в сумме могут дать количество дней, в течение которых мы теряем (без людей, а может быть, если подумать, с учётом потери здоровья – и людей), по одной подводной лодке, из-за преждевременного старения и изнашивания механизмов. Видимо, некому этим заняться... А у нас! На нашем флоте – танцы, вечера, отпуска. И это на воюющем флоте?!

Я хорошо понимаю, что дело не в танцах. Но нельзя под лозунгом боеготовности эту самую боеготовность понижать. Боеготовность флота – это не просто умелая организация отражения первого неожиданного удара противника. Это комплекс всех мероприятий: стратегических, оперативных, экономических, технических, политических и моральных, – рассчитанный на длительный период войны. В этом, по-моему мнению, ошибка тихоокеанцев. А, судя по разговорам, письмам, даже печати, они гордятся своими «достижениями».

10 июля. В отпуск всё же выехал несколько позже, чем планировал. По разным причинам отпуск был предоставлен только с 7 июня. Но больше – на целый месяц. Все дни провёл вместе с семьёй, на станции и посёлке Ундол Горьковской железной дороги. Очень живописное место. Я здесь уже был в августе прошлого года.

Жена и дети бесконечно рады. Мне всё внимание. Я также всю свою сэкономленную, хранимую ласку дарю без ограничения всем своим, соскучившимся по мне, жене и пацанам. Младший – тот ещё не понимает, ему нет и 2-х лет. А старший – тот уже «взрослый» – ему скоро 4 года. Целыми днями пропадали в здешних лесах, окружающих это местечко плотной стеной. Ягоды и грибы. Грибы и ягоды. Делаем запасы. Ягоды – те просто не удаётся собрать, всё съедаем в лесу. А с грибами удача. Видимо, год грибной, и много белых. Я очень люблю лес. Люблю просто так ходить по лесу, любоваться стройной елью, березой, дубом, сосной. Здесь леса смешанные. Есть всё. Больше всего люблю собирать грибы. Эта любовь привита ещё с детства. Первый раз я стал ходить по грибы самостоятельно с одногодками лет с 12. И с тех пор, при первой возможности – в лес, по грибы.

Ещё люблю рыбалку. Правда, не люблю ловить удочкой. Люблю лазить с сеткой, бреднем, корзиной. И ещё люблю уху. Какая может быть вкусная уха. Этого не представляют те, кто не любит рыбалку, кто рыбу покупает в магазинах и варит «уху» в домашних условиях. Это просто суп с рыбой, но не уха. Уха должна быть сготовлена на костре, с дымком. Это раз. Второе и главное – рыба должна быть не купленной, а пойманной своими руками, тогда она вкуснее. И третье – специи. Какие специи мы кладём и как. Я, например, делаю так: готовлю состав специй из лаврового листа, лука, перца и укропа. Всё делю на две части и кладу их два раза. Первый раз, когда кладу картофель, вместе с ним. И второй раз, когда кладу рыбу. После первого раза специи входят в состав картофеля и воды, а второй раз – она для запаха. Получается уха с «густым» вкусом и запахом. Она не хуже, чем двойная или тройная уха. По-моему, всё дело, как, когда и какие положить специи. Ну, а рыба идёт уже та, какую поймаешь. Выбирать не из чего.

Начав об этом писать, не могу равнодушно пройти мимо тех, кто в жизни не имеет увлечений, мимо тех, для кого мещанский уют, диван, зелёный абажур, приёмник – превыше всего; тех, кто боится пойти в лес, на речку. Правда, уют, тихая, безмятежная жизнь – тоже

«увлечение». Но какое? Прожить, как Обломов?! На боку? В постели? Или прожить, отдавая свободное время лесу, реке, спорту, охоте, рыбалке – это две большие разницы. Две разные жизни.

Правда, увлечения могут быть и другими – марки, книги, патефонные пластинки, даже танцы (я за танцы тоже). Но всё это комнатные увлечения. Не на природе, не на воздухе и, как правило, не активные. В этом разница. И большая. Мне кажется, что такое увлечение необходимо развивать с детских лет. Если мальчишка полюбит лес, речку, спорт – никакие карты, никакая шпана, никакая улица не станет местом, где он будет проводить время, где он будет получать воспитание. Тогда только, и только так из несмышлёныша вырастет настоящий советский человек, настоящий строитель социализма. Видимо, нашей задачей и является эти увлечения находить у детей, направлять их и развивать. Я знаю, многие мамы и папы боятся отпускать детей одних в лес, на речку, а зря. Этого бояться нельзя, не следует...

Мне вспоминаются сейчас мои пионерские годы. Моя мама даже не знала, где находится пионерский лагерь. Провожала и встречала. И все заботы. Спасибо ей за это. Чем больше даётся самостоятельности ребёнку, тем быстрее он становится на свои ноги. Тем быстрее может отличить плохое от хорошего. Тем будет смелее, смышленее, самостоятельнее. И ещё одно. Не ругать ребят, одноклассников, за честную хорошую «мужскую» драку. Это естественная потребность помериться силами (в шахматах, где надо чинно, тихо сидеть, тоже меряется силами). Организм у мальчика требует пробы сил, рвётся к проверке, на что он способен. Мне кажется, неверно делают те папы и мамы, которые показывают пальцем на драчунов и запрещают с ними дружить своему сыну. А зря! Именно в этой дружбе, может быть, их слабый характером сын, выкует свою настойчивость, станет смелым, дерзким.

Конечно, здесь не следует переходить в крайности, поощрять хулиганство, коллективные драки и прочее. Это растит хулигана. А просто за то, что мальчишка подрался, ругать не следует. Промолчать и, конечно, не наказывать. Всё это вспомнилось мне тогда, когда мы вместе с женой несколько дней гостили в нашей родной Глуховке (Глуховский текстильный комбинат им. В.И. ЛЕНИНА, г. Ногинск, Московской области), где мы родились, вместе росли, подружились и женились, где мне в честных кулачных боях не раз попадало от своих же сверстников, от своих же друзей. Где они сейчас? Все на войне. Все, до единого!

У нас было правило – попало – не жалуйся. Пожалуешься – хуже будет от матери. Мы это знали хорошо. Другой раз с полученным синяком стараешься проскользнуть в комнату, тогда, когда мать и отец спят или легли... И сразу в свой угол. К утру синяки, как правило, менее заметны, да и время сглаживает вину.

Раз на пасху, мы подрались на плоту с лучшим другом Колькой Кручининым. И оба свалились с головой в вонючую жижу, не могли другого места найти. Оба первый раз надели новые, первые в жизни костюмчики. Драка сразу прекратилась. Вылезли на сухое место. Оба с поникшими головами, три часа отстирывали свои, потерявшие вид, брюки и пиджаки. Девочки нам, как умели, погладили. Но нам всё равно влетело. И здорово! Пока мы отстирывались, гладили и тянули время, нашим матерям всё стало известно. Они нас ждали со своим «оружием». И нашему «комиссару» (он у нас был за политического руководителя) и мне как «казначее» и его заместителю не помогли наши общественные положения, и звания... Хорошее было время. Весёлое. Беззаботное...

Родная Глуховка! Как хорошо, легко на душе, когда ты идёшь по знакомым улицам, мимо закопчённых, гудящих корпусов фабрик и рабочих казарм. Конечно, каждый кулик своё болото хвалит. Так и я. Вообще-то наша Глуховка не плохая. Судите сами. Из любого дома, казармы, с любой улицы посёлка или слободы до леса рукой подать. 5-7 минут ходьбы, и мы в лесу, в хорошем сосновом лесу. Можно собирать грибы, так как весь посёлок, вытянувшийся в одну длинную линию, вплотную окружён смешанным, больше сосновом лесом.

А Клязьма?! А Черниговский пруд?! Два водоёма, где можно искупать тысячи людей одновременно. Правда, Клязьма с каждым годом мелеет, но берега её, заросшие старыми тополями, очень красивы, уютны, тенисты.

Вот и школа. В ней я учился и закончил в 1931 году. Эту школу фабрикант Морозов построил в 1907 году, построил по-современному, с большими светлыми классами, с паркетными полами, с мастерскими: столярного дела, слесарного, паяльного, кабинетами

химии, физики и специальными классами: рисования, швейного дела и пения. Здорово испугался хозяин революции 1905 года – не поспешил на хорошую школу.

И всё же, как всегда, перед отъездом, я не смог не пойти к памятнику В. И. Ленину, первому памятнику В. И. Ленину, открытому в день похорон вождя трудящихся. И этот раз мы несколько минут простояли молча у памятника, окружённого разросшимся цветником, перечитывая, вникая и осмысливая исторические слова: «Каждая кухарка должна уметь управлять государством». Мало, очень мало пожил на свете Владимир Ильич. Сколько он ещё добрых дел сделал бы для нашего народа, для нашего государства. Я всегда горжусь тем, что наша рабочая Глуховка, где в своё время вёл революционную работу Ногин, давшая не один пример революционной борьбы с капитализмом, волею случая стало местом, где стоит и поныне и будет вечно стоять первый в мире памятник В. И. Ленина.

Я горжусь и тем, что в годы первых пятилеток основной базой, откуда брались средства на сооружение гигантов черной индустрии, были старые экономические центры, в том числе Глуховка и наши соседи: ореховцы, павлопосадцы. Теперь, конечно, не то. И Орехово, и Тверь, и даже Иваново-Вознесенск – уж «не звучат». Не определяют основу экономической, индустриальной мощи нашего государства. Слава перешла в центры тяжелой индустрии. Ничего не поделаешь. Без тяжелой промышленности мы были бы немцами давно разбиты, давно положены на обе лопатки. Но историческую славу старых индустриальных центров, в основном центров текстильной и легкой промышленности, забывать не следует. Большое революционное прошлое этих центров навсегда войдет в историю.

Отпуск, как всегда кончается все отпуска, все теплые радостные встречи, кончился неожиданно быстро. По-моему, необходимо оставить обычай только для встреч, а проводы с провождением и слезами отменить. Провожаящие не должны уходить дальше порога дома. В крайнем случае, разрешить провожать одному, двум мужчинам, чтобы донести вещи. Тяжело. Опять тяжело расставаться с женой, с родственниками.

Жена, мама, тети и ещё кто-то стоят тесной группой, у всех заплаканные, некрасивые, сморщенные лица, вымученные улыбки, натянутые разговоры. Причем провожающие сами не замечают, как они все повторяются. Провожаящему человеку в самом деле трудно придумать в эти минуты что-нибудь новое, нужное, так как, во-первых, не до этого, а, во-вторых, всё уже переговорено. Так и тогда.

Все провожают опять на войну. Увидим мы друг друга еще раз или нет? Может быть, это последняя встреча в нашей жизни. Последние поцелуи, последние пожелания. И вот я вновь в Полярном, а потом в Мурманске.

Вновь готов идти в море. И, кажется, даже больше, я в этом уверен. Хочу в море так же, как хотел тогда, когда лежал в госпитале и меня планировали заменить другим командиром. Хочу воевать – значит, отдых пошел на пользу, значит, нервы ещё не сдали. Они и не должны сдавать, как бы долго не длилась война.

20 июля. Вышли из ремонта. Перешли в Полярное. Как всегда, базируемся в губе Оленья.

10 августа. Закончили ходовые испытания после ремонта. Глубоководное погружение прошло хорошо. Приступили к отработке задачи № 2. Все же у нас был большой перерыв в плавании – почти три месяца. Позавчера произошел случай, о котором хотелось бы рассказать. Такие моменты запоминаются надолго.

Мы по программе начали отработку срочных погружений. Отработали первый этап – без хода, потом на ходу под электромотором, затем на разных режимах хода под дизелем. От малого до полного. Позавчера как раз отработывали последний этап. Из штаба никого не было. Хорошо, когда на лодке нет начальников. Спокойнее и вроде как-то уютнее. Никто не указывает, не исправляет, не лезет с советами.

Когда один командир командует, на корабле больше порядка, чем в случаях присутствия командования. Особенно трудно в этих случаях рулевым. Кого слушать ему? Он не знает. Все командуют! И командир, и комдив, и ещё кто-нибудь обязательно влезет со своим, как ему кажется, дельным предложением или советом. А при аварии, происшествии – все уходит в сторону, «на крыло», обязательно будет виновен командир. В таких случаях он является тем «стрелочником», тем «козлом»?

В тот день на ПЛ было хорошо. Погода была просто отличная. Солнечно, тепло. Температура что-то около 25°, как на юге. Настроение, действия личного состава, да и работа механизмов, систем, устройств – всё не вызывало никаких сомнений, все радовало. Тем более нам предстояло последнее упражнение, и можно было следовать на базу.

Отрабатывались мы в Кольском заливе, на мерной линии. Все идет по плану. Развиваю полные обороты. Жду, когда мы разойдемся с каким-то сухогрузом, и после прохождения его кормы ставлю телеграф на «Стоп» и последовательно даю две команды: «Все вниз! Срочное погружение!». Сигнальщик, штурман мигом спускаются вниз, а я после установки дизеля захлопываю и закрываю люк. Спускаюсь в центральный пост. Поднимаю перископ. Одновременно глазами и ушами слежу за всем – за дифферентометром, тахометром, глубиномером, указателями положения горизонтальных рулей. Слушаю всем существом доклады об открытии кингстонов, клапанов вентиляции, заполнении «средней» и «быстрой», кругом шумы сигналов, металлических ударов и хлопков машинок кингстонов и клапанов вентиляции, шипение стравливаемого из магистралей и систем воздуха, шум забортной воды, мигание лампочек сигнализации – все это знакомо. Всё идет в одном ритме погружения, ухода под воду, в одном давно знакомом шумовом тоне.

Слушая и наблюдая всё это, осматриваюсь в перископ. У меня давно было отработано правило: обязательно смотреть в корму на надстройку. По пузырьям можно всегда определить без доклада из дизельного отсека, успели ли там мотористы в своем отсеке сделать все или нет. Остановить дизель, отключить муфты сцепления линии вала дизеля от линии вала электромоторного отсека. А главное, успели ли закрыть захлопки шахты и магистрали приема воздуха к дизелю и систему захлопок и клинкетов на газовыхлопном коллекторе. Если не успели, забортная вода хлынет неудержимым потоком в отсек, через все эти незакрытые клапана и клинкеты. Вначале она затопит дизель, а потом трюм. Именно это-то очень хорошо можно определить по пузырьям в кормовой надстройке. Их не должно быть, если все идет нормально, но если там появилось бурление, водоворот воды – все. Не жди доклада из пятого отсека. Пока там разберутся и доложат, пройдет много времени, будет принято много воды и может создаться аварийная обстановка.

В этот раз так и получилось. Огромные шапки пузырей бились в водовороте над кормовой надстройкой. Глубина 6 метров. Лодка быстро идет на глубину. Немедленно даю команду: «Закреть клапана вентиляции». «Продуть среднюю», - и через 2-3 секунды – «продуть главный балласт». Боцман: «Всплывать. Малый ход».

Головка перископа скрылась в воде. Там видна только зеленая муть... Глубина 12-14 метров. Лодка встала и начала всплывать. И только когда лодка остановилась, поступил доклад, что в 5 отсек поступает в большом количестве вода... Я этого доклада ждал, и внешне никакой реакции у меня не появилось. Семь метров, пять метров.

– Стоп продувать.

Всплыли. В 5 отсек набрали несколько тонн воды. Командир БЧ-5 ушел в отсек выяснять причины поступления воды. Все расстроены. Молчат. Через 10-15 минут доложили, что причиной поступления воды явилось заклинивание клинкета и захлопки газовыхлопного коллектора. Что-то туда попало и мешает их плотно закрыть. Встали на якорь, мотористы полезли в надстройку. Колдуют там... и приносят большую щепку. Причина ясна. Но все же мотористы виновны. Значит, они допустили сборку клинкетов и захлопок без своего участия, проявили беспечность. Они божатся и клянутся, что все делали своими руками. Хочется им верить. Но факты – упрямая вещь. К 18 часам были закончены все работы. Приказал приготовиться к съемке с якоря и погружению. Никто, конечно, не ожидал, что мы в этот день закончим план. Поэтому подавленность, неудовлетворенность чувствовалась во всем. Решение пришло само. Даю полный ход и сразу же без всяких этапов и дифферентовки делаю срочное погружение. Эффект был исключительный.

Я был уверен в личном составе, и эта вера толкнула на такое решение. Срочное погружение прошло без задоринки. После всплытия командир БЧ-5 спрашивает меня:

– Товарищ командир, мы что, погружались от самолета?

Он не поверил, что это погружение было командирской верой в личный состав. Все делалось для того, чтобы команда опять приобрела, нашла свойственную ей уверенность. Не

знаю, кому как, но мне кажется, что в отдельные моменты для верования личного состава в свои силы необходимо сознательно идти на риск, может, перескочить какой-то подготовительный этап. Конечно, такие действия должны быть обдуманы, много раз взвешены, прежде чем их выполнять.

Необходима встряска для выхода из шокового транса. Такие случаи бывают и в жизни. Однажды я видел, как мужчина ударил, и довольно эффективно, по щекам одну девушку, убивавшуюся около пожарища. Горел её дом, она ничего не соображала, никого не узнавала, бросалась в огонь. После ударов пришла в себя и её увели от страшного места.

Или пьяный. Лезет ко всем, даже на милиционера. Стоит его ударить, сбить с ног одному из его лучших друзей, и он, не ожидавший такого от друга, немедленно приходит в себя и начинает разбираться в окружающей обстановке, становится почти ручным.

После срочного погружения команду как подменили. Всё встало на свои места. В базу на этот раз мы возвращались позже, но возвратились ещё более уверенными в себе, ещё более дружным коллективом.

Командир дивизиона вообще меня не похвалил за срочное последнее погружение. Но мне было видно, что в душе-то он всё же согласен с моими действиями.

20 августа. Почти две недели, как готовы к походу. Ждём, давно ждём приказов и выхода в море. Как всегда, эти дни стоим в Оленьей губе. В свободные часы, с разрешения командования, отправляю несколько человек по грибы. Сколько здесь сейчас грибов! Ужас! И все, как на подбор, – одни подосиновики. Выйдешь на полянку, и глаза разбегаются. Видно, охватываешь одним жадным взглядом сразу несколько десятков штук и теряешься! Не знаешь, какого из этих красавцев срезать первым. Так и просятся все сразу в ведро. Набрать ведро – чепуха. Время нужно только на процесс срезания и укладки грибов. Меня очень удивляет, и ничего не могу поделать: матросы не хотят есть грибной суп или жареные грибы. Объясняют многие тем, что брезгуют, боятся червей. Но здешний гриб вообще чистый, не червивый. Непонятно. Поэтому готовим только для любителей, и на камбузе работают, потеют сами любители. Таких на подводной лодке всего 4-5 человек. А остальные не вегетарианцы. Им подают мясо, копченость и другие, более серьёзные продукты. Очень много грибов пропадает. Гибнет на корню. Если собирается хотя бы 1% урожая – это хорошо. Но и этого, пожалуй, нет. Некому собирать, да и времени для этого нет.

9 сентября. На днях возвратилась с похода ПЛ «Л-15», что там наша пробоина от самолетов! Об этом экипаже можно сказать только одно, что они проявили такое мужество, которое дало возможность всему личному составу родиться на свет еще раз.

Подводная лодка после успешной атаки по конвою начала уклоняться от атаки кораблей ПЛО противника. Как это часто бывает, подводная лодка ударила носом о подводную скалу там, где ее не должно быть. Наши карты еще очень плохи. Это уже 3-й или 4-й случай удара о неизвестные подводные скалы. От удара в шахте гидроакустического устройства во 2-ом отсеке разошлись где-то швы, вода из шахты стала поступать в отсек. На глубине 100 м при давлении в отсеке в 10 кг (давление воды за бортом) в течение 10 часов личный состав по пояс в воде, имеющей опять-таки забортную температуру в +2-1,5°C, боролся за жизнь всей подводной лодки, боролся за собственную жизнь. И победил!

Их было 13 человек. Для суеверных об этом надо знать. Они считают, что такие числа приносят только несчастье. По идее, если встать на эту нелепую позицию суеверных, личный состав не смог бы ничего сделать, был обречен на гибель. А они, вопреки всему, сделали невероятное.

Скажите, где, когда, кто еще смог продержаться такое время в таких невероятно нечеловеческих условиях?

Правда, мы знаем из истории спасения даже выход личного состава из затонувшей подводной лодки. Но они только вышли. А эти – эти спасли себя и еще несколько десятков человек. В это просто не могут поверить. Всеми водолазными таблицами на такой глубине разрешено работать не больше одного часа (и это в специальном водолазном костюме, это для специалистов, прошедших большую тренировку). А наши подводники перекрыли все таблицы. Что может сделать воля, желание жить, желание не сдаваться, желание бороться, драться до последней минуты. Об этом подвиге должен знать весь советский народ. И имена свершивших

невероятное должны золотыми буквами гореть на мраморной доске героев подводников Северного флота.

Поочередно ныряя в черную ледяную воду, в темноте, на ощупь они сумели заделать пробоину, очистить клапан аварийного осушения отсека, переключить клапана на системе воздуха высокого давления. Они сделали все. И лодка всплыла, лодка вернулась в базу не только с победой (потоплением транспорта), но и с победой воли человека, воли коллектива, воли разума над смертью.

Вот их имена:

Старший лейтенант Шапоренко, мичман Пухов, старшины 2 статьи Домажирский, Острянко, Чижевский, старшие краснофлотцы Бабошин, Крошин, Фомин, краснофлотцы Егоров, Матвейчук, Никаншин, Хоботов, курсант училища – Портнов.

11 сентября. Завтра выходим в море. Позиция от порта Варде до Тана-фиорда. От непрерывного нахождения данной ПЛ на позиции с якорной стоянкой другой подводной лодкой в Пуманки-Вуоно отказались. Как всегда, к выходу готовлюсь без тени каких-либо переживаний и волнений. Каких-либо сомнений в неудаче похода, в том, что, может быть, это последний поход, что с друзьями прощаемся навсегда – этого нет.

Может быть, для этого просто не хватает времени, – в толкучке, в суете подготовки не до переживаний. Если это так, тогда надо специально давать сокращенные сроки на подготовку к выходу. Но в наших условиях этого можно не планировать. Пока все получишь на береговой базе, в складах, пока флагманские специалисты лично не проверят готовность и не дадут свое «добро» на выход, пока командир дивизиона и начальник штаба бригады не убедятся, что командир задачу хорошо уяснил, и таких «пока» – еще и еще десятки.

12 сентября. Все. Простились с друзьями. Начали свой третий поход. Моросит холодный мелкий дождь. Отошли от пирса и сразу очутились в кромешной темноте. Война же. Все везде затемнено. Но нет-нет, и мелькнет свет на секунду-другую где-нибудь в узкую щель плохо прикрытого окна. Там жизнь. Там кто-то сейчас в тепле, в домашнем уюте. Там, может быть, и радость встречи кого-нибудь после трудного боевого похода или полета. Там, может быть, горе. Горе одинокой семьи, которая больше не будет чудесно волноваться, ждать радости встречи со своим папой...

Удифферентовались быстро в губе Оленья. В темноте разошлись в Кольском заливе со сторожевым катером, обменявшись с ним короткими опознавательными. В Кольском заливе надо быть очень внимательным.

Сейчас в темноте многие покидают залив, многие возвращаются с позиции. Здесь и тральщики, и катера МО, БО, и буксиры, и транспорта. Жизнь идет своим чередом. Она ни на минуту не прекращается. Маяки не работают. Они в исправном состоянии и включаются по требованию отдельных командиров (при срочной необходимости определить свое место). Но сейчас кажется, что на берегу жизни нет. Теперь вся жизнь, все живое и молодое здесь, в нашем мире, на нашей подводной лодке. Море, как всегда – зыбь.

И волна в 3-4 балла. Качает. Но этого почти никто не замечает. Появились первые любители перекурить. На мостик никто не просится. Нельзя. Все курят в боевой рубке, по одному в кулак или в рукав. Но нет-нет, кто-нибудь забудется, и тогда желто-красная полоска, след от огня сигаретки, мелькнет в темноте рубки. В таких случаях начинаешь ругаться, и виновный немедленно наказывается тем, что ему приказывается прекратить курение и уйти в свой отсек. Это очень тяжелое наказание.

В лодке устанавливается очередь для выхода на курение. Очередь регулируется центральным постом, который выпускает по одному человеку с носовых и кормовых отсеков. Очередной ждет очереди в смежном отсеке. Для наказанного уход в свой отсек означает становиться в хвост очереди. Сейчас на лодке все курят. Некурящих, кажется, нет, и это хорошо. В походе скрученная из газеты сигарета или козья ножка да еще из кисета друга – лучший спутник, лучший советчик моряка подводника.

Собственно, это, видимо, единственное удовольствие, когда человек уходит в себя, в свои думы. Остается наедине с собой. В море это нужно. Уход в себя, в свои мысли, успокаивает, сближает с родными, с самым заветным. Сближает хотя бы мысленно, на несколько минут. Но суровы законы светомаскировки. Приходится идти на такой шаг

наказания. Идем противолодочным зигзагом. Этот маневр кем-то продуман очень правильно. Противолодочный зигзаг – это отворот от генерального курса на разные углы вправо и влево в разной последовательности с лежанием на временных курсах также не одинаковое время, исключаяющее почти полностью выход немецкой ПЛ в атаку обычными парогазовыми торпедами. И днем, и ночью теперь мы все переходы в надводном положении делали только на противолодочном зигзаге.

С рассветом мы погрузились, продолжая переход на позицию в подводном положении, заканчивая при этом укладку корабельного имущества, продуктов, личных вещей. Все закреплено по-штормовому – это тоже закон моря. Какая бы погода не была, перед выходом в море все должно быть уложено на свои места, в свои хранилища, в свои гнезда и, если необходимо, привязано тросами крепко-накрепко к борту.

18 сентября. Плаваем безрезультатно. Даже штаб не дает разведанных о движениях противника. Стараемся искать противника в бухтах. Сегодня пытался войти в Тана-фиорд, но ничего не получилось. Прибрежным поверхностным течением лодку все время сносило обратно. Фактически скорость экономического хода в 2,2 узла сравнялась со скоростью течения. В течение более трех часов подводная лодка стояла на месте, в одной точке. Это тоже опасно. От попытки войти в фиорд сегодня отказался. Попробуем это сделать завтра. Если есть течение из фиорда, значит, в другое время должно быть здесь противоположное течение, с примерной разницей по времени в шесть часов (из расчетов приливно-отливных течений). Решено повторить попытку войти в Тана-фиорд на также экономической скорости завтра.

Как всегда, около 20 часов всплыли для зарядки аккумуляторной батареи. До берега не более 10 миль. Еще во время всплытия и продувания балласта отработанными газами дизеля была замечена ненормальная работа дизеля на продувание, большая вибрация.

Через две минуты неожиданный вопрос на остановку дизеля... Я даю разрешение. И требую ускорить доклад о причинах. Идем малым, под электромотором. Без хода в море нельзя. Командир БЧ-5 через 10 минут доложил, что вышел из строя поршень 8-го цилиндра. Запасных частей для его ремонта нет. Запасного поршня тоже нет.

По существующему положению нам надо было донести в штаб флота о происшествии и просить разрешение на возвращение в Полярное для ремонта дизеля. Что делать? Решаю не торопиться. Пусть мотористы разберутся сами. Даю команду об этом, но одновременно направляю их мысль для продолжения плавания на позиции, для продолжения поиска противника. Конечно, риск большой. Плавать с одним дизелем, да еще и не исправным. А если он совсем полетит к чертовой матери, тогда что?

Командир БЧ-5, по предложению старшины группы мотористов Молочкова, просит разрешение на разборку блока 8-го цилиндра в подводном положении.

Я соглашаюсь и мы погружаемся. Сняв крышку цилиндра и убедившись, что ничего сделать нельзя, они предложили вытащить поршень, отсоединить его от коленчатого вала и отключить цилиндр от работы. Предложение сводилось к плаванию на семи цилиндрах. Этого еще не было ни на одной ПЛ.

Если и было, то на лодках, имеющих два дизеля. Там они выходили из этого просто: переходили только на исправный двигатель и занимались ремонтом вышедшего из строя. Решаю согласиться с мотористами и командиром БЧ-5. Верю в них. Они уже все в один голос просят не идти в базу, даже не давать телеграммы об аварии. Так и решаю. Беру все на себя.

Сейчас я понимаю положение тех командиров, которые шли на все, чтобы с моря прийти с победой. Формально мы имели право следовать в базу. Это формально. А на деле? Кто будет воевать? Опять какая-то подводная лодка пойдет вместо нас в море. Нет, на это не согласен. По настроению всей команды понимаю, что все от меня ждут именно такого решения. Иду в отсек. Мотористы, оказывается, не просто предлагали. Они уже половину работы закончили и обещают, что через два-три часа они все сделают. И точно – в полночь они закончили работы.

Первое, что мы почувствовали, когда стали продуваться на 7 цилиндрах – это невероятная вибрация корпуса. Как будто кто-то взял лодку и безжалостно вытряхивает из нее все живое. Впечатление такое, что вот-вот корпус развалится. Ничего. Выдержали не только мы, но и корпус ПЛ. К концу продувания тряска стала меньше, но все же осталась на всех

режимах работы. Приступили к форсированной зарядке аккумуляторной батареи. Мы так потеряли около 4 часов. Появилась еще одна неприятность – сильное искрение выхлопных газов, которое мы так и не смогли устранить. Искрение было опасно, демаскировало нас ночью. Но главное все же было сделано. Лодка вновь стала боеспособной. Радовало то, что мы не пошли в базу.

Посоветовавшись с секретарем парторганизации тов. Чумаковым и с секретарем КСМ организации Ф. Каботом, решили, чтобы они пошли по отсекам и коротко довели до личного состава обстановку и решение командира. Через полчаса они доложили, что личный состав все, как один, голосуют за продолжение плавания, что в базу никто не хочет идти без победы. Хорошо, когда такой коллектив. С таким личным составом можно решать любые задачи. Да мы их, собственно, и решаем, но только сами этого не замечаем. Возможно, потом все это получит свою оценку.

19 сентября. Все же мы вошли в Тана-фиорд. Наши расчеты на использование течения, как союзника, оправдались. В расчетное время нас внесло в фиорд, а потом с таким же успехом вынесло. Но он был пуст. Нигде ни силуэта, ни дымка транспорта. И эта попытка оказалась неудачной. У нас осталось всего несколько дней. Если не атакуем, придется идти в базу пустыми, без победы. А это так нежелательно. Что дадут нам оставшиеся дни?

25 сентября. Мы в базе. И мы дали два традиционных залпа в честь победы, в честь атаки двух транспортов противника. Значит, правильно мы решили не уходить с позиции. Ушли бы, и не было бы двух залпов победы. Как же все это у нас получилось?

На следующий день после плавания в Тана-фиорде мы опять пытались туда проникнуть. Время начала форсирования мы рассчитали. Только что легли на курс, как акустик доложил, что слева по траверзу прослушиваются шумы конвоя. Это обрадовало. Не раздумывая, ложимся на шумы. Курс 120°, играем боевую тревогу. Через некоторое время все отсеки доложили, что каждый отсек к бою готов. На горизонте никого нет. Шум прямо по носу. Стараюсь экономить электроэнергию. Конвой может идти только на нас. Нам остается терпеливо ждать и ни в коем случае не показывать себя. Торпедисты доложили о готовности торпедных аппаратов к залпу.

Прошло 15 минут после поворота на шумы. Горизонт чист. На 20-ой минуте – в воздухе самолет ПЛО. Ищет подводные лодки. Летит вдоль фарватера на высоте 400-500 метров. Нырять на глубину 30 метров. Всплываем под перископ – самолет далеко за кормой, нас не обнаружил.

В 14 часов 15 минут прямо по курсу в дистанции обнаружили эскадренный миноносец. Он шел прямо на нас. Через 10 минут обнаруживаю в перископ большую группу мачт и труб. Идет конвой. Эскадренный миноносец, не дойдя до нас кабельтов 40, резко повернул влево и лег на курс в Тана-фиорд. Все данные о наблюдениях я сообщаю в центральный пост. Все записывается. Поворот эсминца несколько смутил. Не повернет ли туда же конвой?! Нет, он идет пока прямо на подводную лодку. Идет широким фронтом. 7 транспортов и около 23-25 кораблей охранения. Такие конвои немцы редко собирают. Они уже боятся наших ПЛ. Если раньше, в начале войны, некоторые из них совершали переход самостоятельно, то теперь мы заставили их собираться в конвой. А охранение? Стало для них нормой выделять по 3-4 и даже 5 кораблей охранения на один транспорт. Транспорта идут, кажется, порожняком или полунагруженными. Очень высокие борта у них. Конвой не делает поворот в Тана-фиорд. Идет на ПЛ. Мы – все внимание. Собраны в упругую пружину. Принимаю решение поднырнуть под первые, идущие впереди конвоя, два корабля ПЛО и атаковать один или два транспорта конвоя из его середины. В воздухе – около 30 самолетов авиации. Они прикрывают конвой с воздуха. Боятся, черти, и нашей авиации. А авиация стала у нас творить чудеса. Если год назад мы наблюдали, как немцы летели со стороны моря к нам, то теперь мы почти каждый день, находясь на базе, видим, как наши торпедоносцы, группами в 5-7-9 самолетов в летную погоду идут в сторону моря и уже со стороны моря неожиданно налетают на порт противника или его конвой, поэтому немцы и вынуждены часть авиации с фронта перебросить для охраны своих морских перевозок. А это значит, что сила нашего фронта, сила наших ударов по врагу дает свои результаты и для наших боевых друзей на фронте.

14 часов 35 минут. До конвоя 50 кабельтовых. Первая линия охранения идет впереди транспортов в дистанции 15-20 кабельтовых. Сейчас до линии охранения около 30 кабельтовых. Эскадренный миноносец входит в Тана-фиорд. Он уже далеко. Как удачно у нас получилось! Надо же такому случиться, что, почти не израсходовав электроэнергии аккумуляторной батареи, выйти в голову конвоя. Сейчас нам явно повезло. Собственно, почему повезло? Мы все так плаваем. Ждем противника на его фарватерах. Ждем каждый день, форсируя для этого сплошные минные поля в подводном и надводном положениях.

Это не повезло, это закономерность – следствие метода использования подводных лодок для борьбы с конвоями противника в прибрежной зоне движения. Главное для нас сейчас, чтобы нас не заметили, не обнаружили своими шумопеленгаторами.

Погода – хорошая для них и плохая для нашей атаки. Море 1-2 балла. Ясно. Видимость сегодня хорошая. Дистанция до кораблей охранения становится 20 кабельтовых. Все. Даю команду нырять на 30 метров. Боцман четко репетирует команду и кладет рули на погружение. Лодка медленно пошла на глубину. Ясно слышим приближающиеся шумы. Режим работы не изменяется. Значит, пока нас не обнаружили. Все вроде идет нормально. Главное – не прозевать и вовремя всплыть после того, как над нами пройдут корабли.

Делаю расчет из скорости конвоя в 8-9 узлов и расстояния до линии кораблей охранения в 20 кабельтовых, с учетом скорости ПЛ 2 узла. Мы разойдемся с кораблями ПЛО через 12-13 минут. По расчетам мы должны всплыть под перископ в 14 часов 50 минут. В это время мы окажемся за кормой охранения и по носу транспортов, в расстоянии от них около 15 кабельтовых. Пытаюсь выяснить у акустиков, могут ли они различить шумы транспортов один от другого... Ответ отрицательный. Да и так слышно, что там наверху, черт знает что творится – сплошной гул чмокающих, визжащих и поющих на все лады шумов десятков корабельных винтов. Хаос звуков. Остается верить и рассчитывать только на время. А как это трудно. Похоже на слепой полет летчика, когда он не верит в показания приборов, когда ему кажется, что земля вот-вот где-то рядом, что сейчас он в нее врежется... так и на подводной лодке. Все-таки чертовски трудно не видеть противника, не выделять его шумы, не знать дистанцию. В данном случае меньше всего страшна бомбежка, им тоже сейчас плохие условия для обнаружения шумов ПЛ, и все из-за этих же шумов собственных кораблей. Главная опасность, чтобы нам не попасть под таранный удар. Тогда все. Ни потопленного транспорта, ни нас. Капитан транспорта может не ощутить удара по подводной лодке, и не знать, что он ее разрезал на две части. Такие случаи уже были в истории подводной войны.

14 часов 36 минут. Никак не пойму – прошли катера МО или нет. Стою под верхним рубочным люком, прижался правым ухом к холодному металлу. Кажется, они над головой. Слышу гул быстровращающихся винтов лопастей винтов. Сейчас мы в слепом положении. Отбрасываю в сторону сомнения. Верю расчетам. Даю команду “всплывать”...

Начали всплытие. Возврата нет. Но все же на одну минуту я задержался с началом всплытия. Я в рубке. Нижний рубочный люк прочно задраен. Наблюдение в перископ из рубки, и это дает значительное увеличение глубины подводной лодки. Мы сейчас глубже на два метра. Это значит, что при таранном ударе пострадает только рубка. Её может или снести насовсем или разрезать. Во всех случаях не повезёт только тем, кто в рубке. У тех, кто ниже, есть ещё шанс уйти...

14 час. 50 мин. – глубина 12 метров.

14 час. 51 мин. – глубина 8 метров. Поднимаю перископ. Рулевой, как всегда, на контактной коробке подъёма и опускания перископа. Прильнув к окуляру глазка, поднимаюсь, выпрямляюсь вместе с перископом.

"Так держать", – передаю в переговорный трубопровод. В промежутках между всплесками волны быстро осматриваюсь. Всё правильно. Стало легче на душе. Корабли охранения прошли и находятся за кормой в дистанции 7-8 кабельтовых. Но вот до головных транспортов расстояние явно меньше, чем я считал, до них тоже около 7-8 кабельтовых. Мы как раз в середине.

Перископ я поднимаю всего на 2-3 секунды, в три приёма я осмотрел весь горизонт. За воздухом не смотрю. Правда, невольно вижу быстро проносящиеся вдалеке истребители. Сейчас не до самолётов. Они уже нам ничего сделать не могут. Даже бомбить, и то не станут,

так как мы находимся в середине их же конвоя. На мгновение задумываюсь. Что делать? Правая колонна идёт ближе к лодке, чем левая колонна транспортов. До правой группы транспортов траверсное расстояние 1,5-2 кабельтовых, до левой – 5-6 кабельтовых. Оказывается, колонна транспортов следует очень в близком расстоянии друг от друга 7-8 кабельтовых.

Здесь тоже

ошибка. Надо было бы нам выходить не между колоннами, а выйти в сторону флангов. Но теперь думать об этом поздно.

Форштевень первого транспорта грозно приближается к подводной лодке. Вижу его ржавый борт и прерывистую грязную ватерлинию. Убираю перископ. Торпедисты давно готовы. Принимаю решение поднырнуть под правую колонну и атаковать последний наиболее крупный транспорт. Он в колонне третий. Успеем ли? Считаю, что успеем.

– Лево на борт. Полный ход!

Нырять на глубину 20 метров. Глубину подныривания уменьшаем, так как времени уже в обрез, и некогда уходить, а потом всплывать с большой глубины. Такая глубина обеспечит около 10-11 метров расстояния между тумбой перископа с килем транспорта.

На пределе! Сейчас азарт атаки. И отсутствие времени. Быстро в уме произвожу новые расчёты, исходя из циркуляции полного хода, ухода на глубину и расстояния до транспортов. Нам необходимо хотя бы кабельтова на 3-4 от колонны транспортов отойти. Выйти на их правый борт и отсюда атаковать. По подсчётам необходимо на всё около 10-11 минут. За это время мы выйдем на внешний фланг конвоя, как раз в точку залпа по третьему транспорту. На всё это – на осмотр, оценку обстановки и принятия нового решения, – ушло не более одной минуты. Кажется, что сейчас секундная стрелка скачет быстрее, чем надо. Но остановить время невозможно. В оставшиеся минуты мы должны атаковать, во что бы то ни стало.

Что это? Слышим взрыв бомб. Но взрывы далёкие. Это бомбят не нас. Ещё серия взрывов, но так же где-то далеко, в расстоянии 30-40 кабельтовых. Взрывы похожи на взрывы авиационных бомб. Они какие-то более резкие, щелчком, глубинные – более продолжительные и гулкие, чем авиационные или взрывы снарядов... Интересно, кого же они бомбят?! Других подводных лодок близко сейчас нет. Ближайшие – справа и слева от нашей ПЛ находятся где-нибудь в расстоянии 30-40 миль. У них свои позиции.

15 час. 56 мин. Первый транспорт прошёл над нами. От работы винтов нас всё же немного повело от курса. Появился небольшой дифферент на нос и раза 2-3 немного накренило на 2-3°. Ход ещё полный. Сейчас мы отходим. Курс 30°.

15 час. 59 мин. Считаю, что мы отошли от транспортов на траверсное расстояние 3-3,5 кабельтова. Даю команду: «Право на борт». «Аппараты товсь! Всплывай».

Очень трудно боцману удержать ПЛ на заданной глубине на циркуляции. Я об этом знаю. Но верю в Пекарского. Он уже показал свои способности, а главное – олимпийское спокойствие. Впечатление такое, что это для него просто обыкновенная учебная атака. Он ещё находит возможность бросить какую-нибудь шуточную реплику в адрес трюмных, прокатиться по ним за якобы «плохую» дифферентовку!

16 час. 02 мин. Боевой курс – 210°. Глубина 7,5 метров. Быстро осматриваюсь... и хорошо понимаю, что манёвр и атака не удалась.

Траверсное расстояние всего 100-120 метров. Курсовой на форштевень около 40°. Всё правильно, кроме траверсного расстояния. Оно меньше, чем я ожидал. Может быть, концевой транспорт вывалился вправо и этим сбил все мои расчёты? Минимальное расстояние должно быть не менее 3-х кабельтовых. А сейчас? В этой обстановке за это время на этой дистанции хода торпеды не придут в опасное состояние и взрыватель не сработает. А, если и сработает, то взрывом двух торпед будет уничтожен не только транспорт, но и сама атакующая подводная лодка... Что, что делать? Транспорт идёт на ПЛ или почти на ПЛ. Промедление опасно...

В какой-то миг борт транспорта занял всё видимое пространство. Кажется совсем рядом. Замечаю на палубе артиллерийскую прислугу, ведущую огонь по самолётам. Немцы все смотрят только вверх.

– Заполнить быструю! Право на борт. Аппараты товсь! – решаю атаковать конвой с кормы вдогонку. Они идут настолько близко и плотно, что вероятность попадания торпед есть. Тем более, я сейчас хорошо понимаю: мы в море – не одни. Что это наши самолеты бомбят и,

наверное, торпедируют конвой. Значит, это может быть первая, правда, случайная, но совместная атака конвоя подводной лодкой и авиацией...

И это сразу даёт спокойствие, уверенность. Третье подныривание сегодня. Не много ли для одной атаки? Другой раз и за несколько лет в мирной обстановке, на учениях, так много не подныриваешь. Когда тебе дадут корабль, цель и поставят задачу на подныривание? Это бывает редко.

Циркулируем на полном ходу. Всплываем. За кормой у конвоя нет кораблей охранения. Все они с флангов и впереди. В окуляр перископа вижу сплошную, удлиняющуюся стену транспортов. Курсовой их около 155-160°. Дистанция до ближайшего 5-6 кабельтовых..

– Аппараты!

– Есть аппараты!

16 час. 05 мин. «Пли!» Торпеды вышли. Все мы ждем, ...кажется, это на сегодня последнее волнение. Ожидание взрыва. Кончается минута.

1 минута 05 сек. – первый взрыв.

1 минута 19 сек. – второй взрыв.

Взрыва мы не видим, так как после залпа нас потянуло вверх, и мы, занятые удержанием лодки на глубине, в конце концов, всплыли всё же на 5-6 метров и, видимо, показали свою рубку. Правда, мы быстро, за считанные секунды, ушли. Но, вероятно, нас всё же обнаружили. Около лодки вдруг стали рваться артиллерийские снаряды, а потом появились и шумы кораблей ПЛО. Мы не смогли посмотреть плоды своей атаки. Теперь главное было – уйти от преследования. Но они нас бомбили недолго. Сбросив что-то около двух десятков глубинных бомб, они бомбить внезапно прекратили, но от лодки далеко не отходили. Видимо, потеряли нас и прислушивались. Через 30 минут они опять нас нащупали и опять сбросили серию бомб. Потом ушли.

Через один час после атаки мы всплыли под перископ. В точке залпа, за кормой, в дистанции 45-50 кабельтовых два транспорта, очень близко стоявшие друг к другу, были объаты большими чёрными клубами дыма... Они горели. Это была наша работа... Сомнений в успешности атаки не было. Эти транспорты горели и стояли без хода именно там, где мы атаковали конвой час назад. Кругом транспортов сновали катера. Видимо, те, которые нас бомбили. И, вероятнее всего, поэтому они нас и кончили искать и преследовать. Конвоя не было. Он ушёл на запад...

Конечно, об этом я немедленно сообщил команде. Весь личный состав, по-одному, был пропущен через рубку, чтобы посмотреть, как далеко горят два транспорта. Все ликовали. Радость вихрем пролетела по отсекам и захлестнула всё. На этот раз мы все должное отдали заслугам мотористов. Не прояви они инициативы, появилось бы у них тогда, два дня назад, сомнение в том, что они смогут обеспечить движение ПЛ на 7 цилиндрах, не было бы сегодня и этой атаки. Пусть транспорта не утонули, а какая разница? Они сгорели вместе со своим грузом. Значит, они надолго вышли из строя. Это тоже победа.

Одновременно дали радиограмму с донесением о нашей атаке конвоя, данные о составе, скорости и курсе. Ждём «Добро» на возвращение на базу. Торпед больше нет. Нас должны вернуть.

20 часов. Всплыли в надводное положение. Как все эти дни, продулись с непостижимой вибрацией.

Я на мостике.

Рули поставлены на всплытие. Нос ПЛ вышел из воды. Корма ещё не полностью. Но вот зафыркало в корме. Появились искры. Значит, всплыла и корма. Закрыли только кингстон средней. Остальные цистерны имеют кингстоны открытыми. Это для скорейшего и более надёжного ухода под воду. Остаётся открытым только клапан вентиляции. Заполнена цистерна быстрого погружения. Она служит для утепления подводной лодки. Её мы продуваем, когда полностью лодка уйдёт под воду. Начали зарядку аккумуляторной батареи. Мы всегда стремимся к тому, чтобы плотность батареи была перед зарядкой около 20-22°. И это удаётся. Такая плотность по окончании плавания даёт многое. Первое – сокращенное время зарядки, а это вызывает уменьшение выделения водорода и других вредных газообразных примесей, не вызывает большого подъёма температуры электролита, что иногда вынуждает прерывать

зарядку для остывания батареи. И самое главное – экономное, бережливое использование электроэнергии всегда даёт гарантию на использование её сэкономленной плотности на уклонение от противника. А это даёт уверенность при плавании, при уклонении от сил и средств ПЛО.

Как мы добиваемся экономии? Используем течения. Они разные, эти течения, дальше от берега они имеют направление на восток, в районе фарватеров они около нуля, а ближе к берегу имеют западное направление. Это первое. Второе – отличная дифферентовка. А она может только тогда долго держаться без изменений, если в лодке все забортные отверстия, все сальники не пропускают воду, если все клапана хорошо, плотно подогнаны. Значит, мы почти не гоняем помпы на осушение трюмов, а это экономия электроэнергии. Даже обычное срочное погружение после зарядки аккумуляторной батареи при подходе к берегу мы последнее время стали делать не на полном ходу, а на малом. В итоге за светлое время суток у нас набирается несколько сэкономленных градусов плотности. Я уже не говорю о бытовой экономии, на освещение отсеков, на приготовление пищи. Это тоже что-то даёт. Но здесь, на приготовлении пищи, перебарщивать не следует. В вопросах питания личного состава необходимо всегда быть внимательным, особенно во второй половине похода, когда у многих пропадает аппетит. Приходится вместе с коком выдумывать, колдовать над меню, чтобы каждый хорошо с удовольствием покушал.

Через полчаса после всплытия шифровальщик пригласил меня для ознакомления с полученной шифровой радиограммой от командующего. В ней было много неожиданного, а главное трагического. Командующий флотом приказал заниматься поиском наших лётчиков, экипажей сбитых самолётов – торпедоносцев. Возможно, что кто-нибудь из них где-то рядом, в страшном одиночестве в эти часы держится на поверхности, сидя в своей утлой резиновой шляпочке. Мы начали поиск. Ходили в указанном районе переменными часами всю ночь... и никого не обнаружили.

Утром нам разрешили идти в базу. Радость нашей победы была омрачена гибелью лётчиков. Да, теперь мы и не знали, кто же подбил эти два транспорта. Мы или лётчики. Но это сейчас не было главным. Мы согласны, чтобы за ними, за авиацией, за погибшими экипажами самолётов, были записаны эти два корабля.

В Полярном меня немедленно для доклада вызвал к себе командующий. Очень обстоятельно я доложил командующему все этапы атаки конвоя. Он подробно всё спрашивал о лётчиках. Что мы видели? Заметили ли атаку самолётов, знали ли об атаке или догадались? Когда я ему ответил, что в последний момент до меня дошло, что кто-то из наших самолётов атакует вместе со мной, он заметно оживился и уже перешёл на такие вопросы: «Не боялись ли мы своих самолетов?»

Мой ответ, что после этого мы стали себя чувствовать спокойнее, ему также, видимо, понравился. Командующий тут же записал себе что-то в блокнот. За настойчивость он нас похвалил. Приказал мотористов представить к правительственной награде орденами и медалями. Перед моим уходом он поднялся из-за стола. Подошёл к висевшей на стене карте, что-то там поискал глазами и сказал мне, не оборачиваясь:

- Лукьянов, все лётчики всех девяти торпедоносцев погибли вместе с самолётами. На аэродром вернулся только один торпедоносец. Он не участвовал в атаке и вернулся на аэродром из-за выхода из строя моторов самолёта. Никто не видел, как лётчики атаковали. Два подбитых транспорта всё же затонули. Кто их подбил – ты или лётчики? Решай!

Мой ответ был один. Я уже давно его подготовил. Транспорта следует засчитать за лётчиками. Но, подумав, он с этой «жертвой» не согласился и заявил мне, что один транспорт он всё же засчитывает за ПЛ «Ярославский комсомолец», а другой – за самолётами-торпедистами...

Как я потом узнал, в этот же вечер он вышел на катере в Ваенгу и объявил лётчикам о своём решении.

Прошло несколько дней. И опять офицерская учёба. Опять отчитываться перед командирами подводных лодок. Лучше было бы ещё раз выйти в море, в боевой поход, чем слушать критику в свой адрес. Я хорошо понимал, что сегодня, за эту атаку с кормы, вдогонку, мне здорово достанется. И опять получилось не так, как я предполагал.

Мнения на этом форуме разделились. Многие хвалили за плавание на семи цилиндрах, за настойчивость и даже за залп вдогонку. Вторая половина в теоретическом плане ругала меня и моих сторонников за отступление от правил и положений торпедной атаки. Третьи увидели в моей атаке прообраз будущей атаки конвоя кораблей и транспортов с кормовых курсовых углов и даже с кормы будущими акустическими торпедами.

Говорят, что у немцев такие торпеды появились. Значит, будут и у нас. В конце концов, я задал своей атакой загадку со многими неизвестными. Это, пожалуй, была единственная атака с кормовых курсовых углов. Больше таких атак не было.

Командир БПЛ, а она у нас стала теперь Краснознамённой, в личной беседе со мной рекомендовал больше таких атак не делать. Пусть лучше пропустишь конвой, чем стрелять в корму, вдогонку.

Как бы там ни было, я сам понимаю, что тогда атака была вне всяких правил. Но мы также вне всяких правил и три раза подныривали под транспорта. У нас очень мало шансов было, чтобы остаться целыми, да ещё и атаковать. Мне также хорошо понятно, что такой случай едва ли повторится, ну, а если мы опять окажемся впереди конвоя? Что, от него отворачивать и атаковать с фланга?!

Будущее покажет. Пусть чаще создаются такие ситуации. У нас третий поход и третий раз боевое соприкосновение с противником. Что даст нам четвёртый поход, к которому теперь необходимо начинать подготовку и, прежде всего, капитально заниматься ремонтом дизеля, послужившего нам этот поход верой и правдой и выдержавшего большие нагрузки.

1 октября. Стоим в ремонте в Пала-губе на плавзаводе "Красный горн". Это очень хороший завод, точнее мастерские. Здесь хорошие, опытные кадры ремонтников. Наши подводные лодки здесь всегда, почти после каждого похода, производят ремонт. По существу, они не могут нас только отдоковать, так как нет дока. Но отдельные работы с рулевыми устройствами, даже замену рулей они могут произвести. В этом случае специальным многотросовым носовым подъемным краном поднимается из воды нос или корма. Ремонт, работы производятся на весу. Как-то странно видеть задранную вверх корму и нос, ушедший в воду, или наоборот. Но потом к этому привыкаешь. Сейчас все силы брошены на наш дизель. Обещают сделать всё к концу месяца, не раньше. Срок большой. Но раньше они закончить не в силах – у их борта стоит несколько подводных лодок, и все ждут своей очереди.

Часто ловлю себя на мысли, что, развивая флот на Севере, мы всё же не смогли до конца продумать и подготовить ремонтную базу. Хорошо бы иметь таких, как "Красный горн", несколько мастерских. Этак 4-5 мастерских. Расставить их по губам, обеспечить кадрами, хотя бы военными. Тогда бы мы так не дрожали за этот единственный на Северном флоте плавзавод. А если в этот завод попадёт бомба? А немцы не раз пытались его утопить, но это у них не получилось. Тогда как быть с ремонтом? Тогда будет совсем плохо.

Представляю, что будет после войны. Вероятно, многие крейсера, эскадренные миноносцы, а, может быть, и линкоры, те конечно, которые уцелеют, будут списаны на слом. А вместо списания на слом из этих больших кораблей можно оборудовать десятки плавзаводов, и каких! Из крейсеров, из линкоров будут просто гиганты, с сотнями и тысячами специалистов. Бери такой плавзавод за «ноздрю» и буксируй в любую бухту с тем, чтобы под килем было не меньше фута, чтобы можно его было поставить в любом месте. Завидую тому времени, тем возможностям ремонта. Из этого же старья можно оборудовать и плавказармы, склады. Может, со временем и дома отдыха. Но это пока мечты, желания. Но это должно быть. А сейчас личный состав, все, как один, выполняют главную на данном этапе задачу – ремонт.

7 октября. В прошедший выходной случайно встретились в доме офицеров с летчиками, однополчанами тех, кто не вернулся, кто погиб 20 сентября. Познакомились, взгрустнули, выпили за тех, кто в море (за живых и за тех, кто уже покоится на дне морском). Разговорились о службе, о трудностях, о преимуществах.

Мы, подводники, стремились убедить наших друзей-летчиков, что у нас служба труднее, опаснее, а они наоборот. Убеждали нас, что труднее их службы, опаснее нигде нет. В конце концов, договорились, и все с этим согласились, что самая тяжелая служба и, пожалуй, самая опасная для жизни – это служба на подводных лодках. На самолете летчик, как правило, всё же имеет время выпрыгнуть на парашюте, и даже в море имеет какую-то призрачную надежду на

жизнь, на спасение, забравшись в свою надувную резиновую лодку. А на берегу – тем более. Так, многие летчики теряли 2-3 самолета и пересаживались на 3-ий и 4-ый, чтобы продолжать воздушную бесконечную битву. А у нас? У подводников? У нас для всех конец один. Ещё ни один подводник не вернулся с моря, если гибла лодка... и не вернётся. На лодке, в её стальном чреве, из которого не выбраться, для всех конец один – тяжелые мучения и предсмертная агония в заполнившей отсек воде. Об этом очень тяжело писать, говорить, думать. А если подумать ещё. Вдруг лодка легла на грунт с затопленными одним или двумя отсеками, как это было с нами во втором походе, как это было с «Л-15». Что тогда? Трудно вообразить картину гибели людей, экипажа. Может быть, они героями поют песню о «Варяге», а, может быть, все седеют, сходят с ума, и по одному умирают в невменяемом состоянии. А если кто не сошёл с ума и всё это видит, он только от этого станет таким же. На этом и закончился наш спор с летчиками.

Мы им, к разговору, конечно, понимая, что это шутка, предложили перейти в подводники, поменяться с нами ролью. Они отказались... Но наша "победа" в споре была горькой. Хочется уйти, убежать куда-нибудь от тяжелых дум о потерях. Но уйти, убежать нельзя, и не уйдёшь от этих дум. Они окружают, давят на тебя. И особенно на берегу. Сегодня подводники не вернулись. Вчера погибли все торпедоносцы. Завтра ещё потери. Всё это окружает тебя, заставляет думать. Какие должны быть нервы! Какая должна быть стальная выдержка у всех нас и у летчиков, и у пехотинцев, и у подводников. У всех, кто живёт все время бок о бок со смертью.

В тот же вечер, когда мы вернулись с моря, когда очутились под конвоем и когда потеряли летчиков, я опозорился, не выдержал марку. Не знаю, что случилось, но после первых 100-150 граммов водки, выпитых в честь нашего прихода в базу с победой, я опьянел. Опьянел, как мальчишка, и ничего не помнил. На другой день мне рассказали, что я вел себя плохо, лез к друзьям, придирался и чуть ли не пытался со всеми драться. Говорят, что еле уговорили и с трудом уложили спать. Что это? Нервы или слабость? Наверное, нервы. Этого же никогда не было. Я, правда, много не пью, никогда не был пьян. А здесь спасовал. Значит, и здесь за собой необходимо следить.

После нервного напряжения в походе на берегу происходит расслабление. Об этом надо знать и помнить, и более осторожно относиться к алкоголю. Опережая события, могу сказать, что такого больше со мной не было до сегодняшнего дня. Тот случай пошёл на пользу. Хорошо было бы, если бы каждый делал выводы из прошедшего, из пережитого, из отдельных печальных ошибок, ведущих к тяжелым последствиям.

Об этом записываю не потому, что думы о гибели друзей, товарищей необходимо притуплять опьянением. Нет. Такого и в мыслях нет ни у кого, ни у меня, ни у моих друзей, ни у всех подводников. От дум можно уйти только в повседневном труде, в повседневной работе, в повседневных занятиях. Необходимо заполнить день так, чтобы не было места, времени для грустного и печального, и, если тебе сегодня тяжело, не переживай один, отделившись от всех. Иди к друзьям. Иди к товарищам. Они помогут. В куче, всеми вместе, всё переносится легче и проще. Мы так и делали. Все свободные вечера, как правило, проводили в доме офицеров (а он работал каждый день), в кино, в биллиардной, в кают-компании или в семейном кругу тех, кто сумел привести семьи. Многие из нас подали об этом рапорта по команде, на имя командующего флотом. Некоторые получили разрешение на возвращение семьи, другие, в том числе и я, ждали своей очереди.

Возвращение семьи и даже с детьми явно подтверждало, что война нашим народом будет выиграна. Это своеобразный барометр. В данном случае он стоял на «ясно» (для нас). И в Полярном стало веселей. Появились дети. Сколько ласки оказалось в наших, кажется, загрубелых сердцах. Их, детей, пока было очень мало.

Каждый из нас, идущий мимо ребёнка, невольно смотрит в его сторону и чему-то улыбается. Может быть, в эти минуты он думает о своих ребятишках, которых уже не видит третий год, о жене, о её хорошо запомнившихся ласках, о её теплом плече, о её участии в сегодняшней войне, о её моральной поддержке в его суровой холостяцкой жизни. Многие из нас стали носить в карманах нехитрые гостинцы: печенье, галеты и даже шоколад. Все это с необычайной нежностью, стараясь никого не обидеть, отдавали первому попавшемуся

мальчишке или девочке. В это время с питанием у нас было хорошо. Правда, в магазинах не было ничего, но мы получали допайки, а семьи получали продукты в части. Наши гостинцы детям не были подачами. Они были подарками. Они были гостинцем.

А сколько радости в семье офицера, где вернулась жена. Можно утверждать, что сегодняшний счастливый «глава семьи» никогда раньше так не ухаживал за своей женой, даже тогда, когда она была девушкой. Сейчас он ей все внимание, всё для неё. То, накопившееся, неизрасходованное, они друг другу отдавали целиком сразу все. И мы завидовали им обоим. И были счастливы, когда кто-нибудь из "молодых" приглашал нас на чашку чая.

Во-первых, как тогда было принято, мы в гости не шли с пустыми руками. И как бы хозяйка не отказывалась, всё оставалось на кухне. За столом мы творили чудеса. Порой трудно было узнать кого-то из нас, так он разговорится, такие вещи начинает рассказывать, такие открывает таланты. И всё ради тепла этого дома, этой сейчас удивительно привлекательной хозяйки, единственной женщины сегодня за этим столом. Потом обязательно танцы. Хозяйка в танцах не должна кому-либо отдавать своё предпочтение, даже мужу. Бедная жена! Она обязана была станцевать, хотя бы один раз с каждым из нас. А нас набиралось порой 6-7 человек, а иногда и больше.

Заканчивалось всё традиционным чаепитием. Если был самовар, то эта процедура удлинялась, так как одного самовара не хватало. Такой вкусный был кипяток в этом самоваре! Расставлялись и расходились какими-то умиротворёнными, довольными и легкими. Как будто мы всё свое тяжелое оставили там, за этим затемнённым окном.

Такие вечера, правда, очень редкие, приносили в наши души столько теплоты и надежды, что многие дни потом, после, ни одна печаль, ни одна тягостная дума долго не могла осесть в нас. Это было, как весна. Весна в наших сердцах, растерявших за войну представление о временах года.

20 октября. Скоро праздник Октября. Третий раз мы станем праздновать этот день в суровом одиночестве на фронтах, в окопах, в партизанских землянках, на кораблях.

Начинают прибывать посылки с подарками. В них носовые платки, носки, кисеты, варежки, махорка, – дешёвые простые сладости и трогательные письма от наших матерей и детей. От пенсионерок. От всего советского народа. В каждом письме искреннее пожелание всем нам победить скорее фашизм и здоровья. Возьмёшь такое письмо в руки, читаешь личному составу и хорошо представляешь всех тех, кто с любовью готовил подарок, посылку. Матросы любили эти посылки, ждали их и долго хранили, берегли или платочек с детской вышивкой, или носки, или какую другую вещь. Берегли как святую реликвию, связывающую каждого в отдельности всех нас с народом, с Родиной.

02 ноября. Прибыла большая посылка от наших дорогих ярославских ребят. Целый ящик всевозможных подарков. Большая скатерть с видами Кремля, баян, ещё кое-что по мелочи, и много-много всевозможных конфет. Наши шефы балуют нас. Это уже третья большая посылка от них. Эта забота трогает, вызывает желание сделать ещё больше, оправдать веру в нас там, в Ярославщине.

Пройдут годы, десятилетия. Всё забудется, сотрётся из памяти другими событиями, другими фактами, явлениями. Вероятно, было бы правильно, если бы в годы, когда решается судьба народов, революции, когда идёт борьба не на живот, а на смерть между империализмом и трудящимися, вести историю, записи событий, имен людей, их действий, их героизма для того, чтобы потом можно было бы все это восстановить. Я вообще люблю писать дневники, веду их с детских лет. Очень жалею, что дневники школьных лет отдал одной знакомой девушке, когда уходил на учёбу в Высшее военно-морское училище, а та их в беспричинной ревности уничтожила, это было в 1934 году. Дневник, который вёл в училище, сам уничтожил, боясь, что тогда он мог случайно попасть в нежелательные руки и могли быть нежелательные последствия.

Сейчас я тоже веду вот этот дневник войны, а также веду вырезки из газет всех фотокорреспонденций о зверствах фашизма. У меня уже набралось около тысячи таких вырезок. Когда кончится война, эти вырезки, этот дневник будут хорошими документами для бесед с личным составом, для проведения воспитательной работы. А как всё это пригодится тогда, когда в армию и на флот придут юноши, родившиеся после войны и её не видевшие. Я

знаю, что так делают немногие. А жаль. Хорошо, если бы каждый из нас делал это. Надо мной почему-то некоторые из друзей не то что смеются, этого нет, а как-то считают, что я занимаюсь ерундой. Не понимаю таких.

Вот английские подводники, их офицерский состав. Они не просто так к нам пришли, как «союзники», как подводники (у нас и сейчас базируются на Полярном их подводные лодки и малые противолодочные корабли – корветы и фрегаты). Они прибыли и как пропагандисты западного образа жизни. Когда мы были у них в гостях, они все, как один, показали нам семейные альбомы. Чего там только нет! И коттеджи, и квартиры в городе. Газовые плиты, бассейн, игра в гольф, выезд на лошадях, собственный автомобиль. И они на охоте, и на яхте, и у египетских пирамид, и с любимым догом, и ещё десятки и десятки фотографий, настойчиво пропагандирующих их жизнь, обычаи, традиции, семейную идиллию, любовь к великой Англии. Мы все обратили внимание, что такие альбомы были сделаны на один манер, по одному стандарту, с единым планом подбора фотоматериалов. Не исключено, что это было сделано специально. Для нас. Чтобы купить кого-то на эту дешёвку, заставить критически посмотреть на наши неустроенные бытовые условия... Только всё это, вся подготовка пошла впустую. Дало осечку. Не нашлось среди нас простачков, могущих клюнуть на эту дешёвую приманку. Номер не прошёл. И больше они свои альбомы, кажется, уже не вытаскивали, спрятали.

Если английское адмиралтейство пошло на такую подготовку, вероятно, как-то придумало её, то почему мы сейчас не должны собирать факты, вести дневники, записи, делать вырезки из газет. Всё это будет нашим могучим оружием спустя много-много лет. И вообще, ведение дневников, альбомов не только запечатлевает факты, но и приучает излагать мысль, заставляет замечать события, интересные факты. Даёт опыт самостоятельного мышления, учит критически относиться к своим действиям, анализировать их. Я до конца убежден, что все записи мне потом пригодятся.

10 ноября. Отпраздновали 7-ое ноября. Мы здесь, на базе. Многие в море, на боевой позиции. Кто-то из них вернётся с победой, и в эти дни старается дать матери-Родине свой подарок, подарок в честь Октября. По существу, эти праздничные дни мы больше пробыли в положении по боевой воздушной тревоге, так как немцы всё же несколько раз пытались прорваться к нам, в Полярное, пытались омрачить наш праздник, и им это в какой-то мере удалось.

27 ноября. Сегодня вышли в очередной боевой поход. Это будет 4-ый поход подводной лодки «Ярославский комсомолец».

И с первых же часов, сразу же, с первых шагов похода, случилась небольшая неприятность, показавшая вместе с тем, как может быстро, с большой смекалкой, работать личный состав в море, в сложных условиях. Не успели мы погрузиться, как немедленно поступил сигнал из 6-го отсека, что в лодку поступает вода из внутренней системы стравливания воздуха в отсек, из балластной цистерны № 6. Приказал перекрыть клапан, поджечь. Ничего не вышло. Вода под большим давлением продолжала поступать в отсек через трубу диаметром полтора дюйма. Командир БЧ-5 доложил, что в подводном положении ничего сделать нельзя. Требуется всплытие в надводное положение, что ремонт клапана возможен только в надводном положении. Всплыли. Приступили к ремонту. Положение щекотливое. Конечно, мы погружаться можем, но с большой дыркой, с этой самой неисправной системой вентиляции. Трюмные и электрики во главе с главным старшиной Еловенко непостижимо быстро сумели этот клапан, спрятанный где-то на подволоке, за другими клапанами и магистралями, снять, разобрать, отремонтировать и поставить снова на место. Вся работа заняла всего два часа.

Уже потом они сами удивлялись, как они могли это сделать. С самого начала похода мы попали в полосу шторма и пришли через 10 дней в базу опять-таки при штормовом состоянии моря. На переходе шторм не был особенно большим, он только разыгрывался, набирал свою силу.

В ноябре месяце, как и в декабре, штормовая погода преобладает. Низкие свинцовые тучи плотными беспросветными слоями закрыли всё небо, и, кажется, плывут над самой головой. Оно так и было. Высота туч над морем не превышала 250-300 метров. Они без конца, каждый

день, выбрасывают колючие иглы снежных зарядов, обрушивающихся на нас с ураганной силой. Всё это дополнялось морозом в 15-20° и непрерывными ваннами холодных волн, накрывающих нас своими черными валами с завидным постоянством. Больше, чем два часа, на мостике никому не выдержать. Все мы, – и сигнальщики, и офицеры, – успевали за какие-то 5-10 минут насквозь промокнуть и покрыться коркой льда. Ледяные сосульки свисали с капюшонов, с ресниц, с подбородка. Шапка-ушанка делалась твердой от покрывавшего её ледяного панциря.

На одной из вахт боцман так хорошо пристроился, спрятался от брызг волны и от ветра между тумбой перископа и ограждением мостика, что перестал шевелиться, так ему стало удобно и вроде тепло. Когда же пришло время смены вахты, мы, к удивлению, обнаружили, что наш Пекарский вмерз между тумбой и ограждением и вмёрз так основательно, что его пришлось освобождать из «плена» общими усилиями.

На третьи сутки шторм усилился до 7-8 баллов. Наученные опытом плавания других подводных лодок, когда волной смывало вахту в море, мы все привязывались к ограждению рубки пеньковыми тросами, легко освобождающимися при срочном погружении.

На второй день пребывания на позиции пошли к берегу, на фарватер. Из-за штормового состояния моря шли, не таясь, почти до самого берега. Мы знали, что в такую погоду нас трудно обнаружить – это раз, а, во-вторых, нам и бояться некого было. Авиация крепко сидит на своих аэродромах, а катера в море выйти не могут, так как их немедленно перевернёт.

По существу, сейчас в море на его поверхности могут быть только подводные лодки, крупные транспорты и плавающие, сорванные мины. Эти мины мы часто видим и радуемся, что опасного столкновения с ними у нас ещё не было.

С приходом на фарватер погрузились. На перископной глубине лодку удержать невозможно. Её легко, сразу же выбрасывает вверх и безжалостно переворачивает с борта на борт до тех пор, пока мы с большими потугами не уйдём вновь на глубину 30-35 метров, где нас почти не качало. Сделав несколько попыток всплытия под перископ, принял решение, что здесь у берега делать нечего. Плавание в подводном положении и атака невозможны и даже опасны. В атаку на такой волне также трудно выйти, так как нос лодки при любом, самом хорошем вахтенном на вертикальном руле ходит вправо и влево от курса на 2-3°. Можно, конечно, атаковать и надо атаковать. Но риск, что торпеды пойдут мимо цели, большой.

Легли на курс отхода от берега, на курс в район зарядки аккумуляторной батареи. Через два часа всплыли в надводное положение. Шторм усиливался. Ветер становился всё неистовей, всё злее. На пятый день пребывания на позиции шторм достиг силы 8-9 баллов. В такое мы ещё не попадали. Конечно, о том, чтобы идти к берегу, не было и разговоров. Главное в эти тяжелые часы штормовых вихрей – это чтобы наш дизель, наша линия вала, наш вертикальный руль и горизонтальные рули остались бы целыми, выдержали бы испытание. О том чтобы согреться или просохнуть, не было и речи. Ветер, мороз и волны становились всё сильнее и страшнее. Особенно тяжелые были шестые сутки, а ночь с третьего на четвертое декабря запомнилась мне на всю жизнь.

Кругом сплошная темень. Небо и море слились в единую массу первозданного хаоса из воды и ревающего ветра. Кажется, уже нет сил держаться на ногах. Мы все привязаны. На мостике нас регулярно швыряет волной по ограждению рубки. Бьёт с силой, безжалостно. Кругом ссадины, синяки. Мы уже не замечаем ни холода, ни мороза, ни ветра. Главное – во что бы то ни стало выстоять. Особенно опасен «9 вал». Он, оказывается, есть на самом деле. Я раньше в него не верил. Это – крутая стена воды высотой в 12-15 метров, которая поглощала всю лодку целиком, накрывая её сразу с носа до кормы. После её прохода мы все на мостике пересчитываем друг друга. Все ли мы целы. Все... И так всё время, все дни...

В эту ночь стало совсем невмоготу. Командир БЧ-5 доложил, что на вахте стоять некому, все выдохлись. Советуюсь с ним, и решаем уйти под воду. Но мы не знаем, как поведёт себя лодка при срочном погружении. Она ведь рассчитана всего на 6-ти балльное состояние моря, а сейчас – 9 баллов. Может быть, нас перевернёт. По теории этого не должно случиться. Период волны около 15 секунд. Время срочного погружения сейчас на волне больше и должно составлять около 40-45 секунд, если не больше. Значит, за это время нас волна накроет 2-3

раза. Делать нечего. Даю команду, чтобы предупредили весь личный состав, что сейчас будем делать срочное погружение, чтобы все были на своих боевых постах очень внимательны.

Пропускаю «девятый вал», стопорю дизель, и начинаем срочное погружение. Заполнены быстрая и уравнивательная, вода принимается в трюмы 1-го и 3-го отсеков, все цистерны главного балласта полны, а лодка не погружается. Не идёт, не лезет в воду и всё. Полный ход электромотором. Ничего не помогает. Не верится, что такое может быть... Нас уже три или четыре раза накрыла волна, положив нас на борт. Крен доходит до предела. Стрелка кренометра ложится на ограничитель и дальше не идёт. На сколько крен больше, чем 55°, неизвестно, на этой цифре стоит ограничитель. Таков предел рассчитанного безопасного крена. Но он больше градусов на 15-20...

Проходят ещё какие-то долгие секунды, и лодка пошла. Пошла, нехотя, на глубину. Время 2 часа ночи. Наверху над нами 15-20-30, потом 40 метров воды. Но нас по-прежнему качает. На этой глубине в 40 метров крен доходит до 5-7 градусов. Так разбушевалось море. Этого с нами ещё не было. Все успокаиваемся. С облегчением озираемся по сторонам. Снимаем с себя всё промерзшее, обледеневшее и передаём в 5-ый дизельный отсек на просушку. От нас клубами поднимается пар, идёт во все стороны. В лодке всего 8-10 градусов, но и эта температура кажется тёплой.

Объявляю готовность номер два. Уйти из центрального поста нет сил и желания. Прямо здесь под трапом и задремал. Потом мне принесли кружку горячего чая и банку с тушенкой. Все знали эту слабость командира. После погружения – банка тушенки или говядины и крепкий, обжигающий, чуть подслащённый, чай. В эти минуты многие меня спрашивают, как я могу кушать, неужели я не укачался. Не знаю, как ответить. Но в своей морской практике я ни разу не укачался. Не представляю, что такое слово "укачался". Наоборот, у меня появляется зверский аппетит. Так и сейчас. Очистив и покончив с банкой, я вновь впал в полусонное состояние. Многим кажется, что командир спит. Нет. Это не сон, это попытка уснуть. Это только закрытые глаза, а сна нет. Что-то тревожит, какое-то беспокойство. Откуда оно?

В лодке все в порядке. Причин для волнения нет. Беспокойство усиливается. В чём дело? Не спится. Встал и пошёл по отсекам. В шестом отсеке благодать: тепло и сухо. Это отсек главного электродвигателя. Здесь все станции и подстанции. Здесь всегда команда несёт вахту в раздетом состоянии. Им многие завидуют и приходят к ним «на огонёк» погреться. Жаль, что отсек маловат, больше, чем 2-3 человека гостей в нём не разместится. Настроение у электриков бодрое. Вспомнили с ними, посмеялись, как они висели на люке, который отжимало давлением воздуха в тот день бомбежки нашей лодки немецкими самолётами. Немного у них оттаяв, отогревшись, начал движение обратно, в нос. Не успел захлопнуть дверь переборки, как вдруг из переговорного слышу команду: "Боевая тревога". "Командира прошу в центральный пост".

Я бегом в центральный отсек. Переборки передо мной открываются и закрываются матросами. В чём дело? Спрашиваю, но, уже задав вопрос, понимаю – минное поле. Это минреп. Ещё до конца не сообразив, мгновенно даю команду:

– Право на борт. Полный ход. Герметизировать отсеки. Слушать в отсеках! Идём по минному полю!..

Слышим все, как что-то со скрежетом скользит по правому борту. Что это может быть, кроме минрепа? Значит, мы попали в минное поле. Стопорю ход, затем даю малый. Стараюсь отвести минреп циркуляцией. Кровь застала в жилах... Уже не думаешь, когда будет взрыв, думаешь о том, как будешь себя вести во время взрыва, как будут вести себя другие. В глазах у всех те же мысли, те же думы...

В лодке полная тишина. Слышу гулкое биение сердца. Все это делается и мыслится в какое-то неуловимое мгновение. Минреп скользит уже в 5-ом отсеке. Будет взрыв или нет? Самое неприятное в том, что мы не знаем, что это за мина... Якорная, гальваноударная, антенная или какая-то комбинированная? Где эта мина? Выше лодки или ниже? Единственный маневр – это отбросить корму и ограждение кормовых горизонтальных рулей, что мы сделали, и ждать. Ждать, стиснув зубы, затаив дыхание, прислушиваясь к себе. Ждать взрыва...

В голове мигом проносится мысль, что это всё. Это конец. И сразу же, здесь же, даже в ожидании взрыва, в уме производится подсчёт. Он производится помимо воды, помимо сознания. Оправдана ли наша гибель?.. Нанесли ли мы противнику более тяжёлый урон, чем

стоит наша подлодка, чем стоит наша жизнь? Баланс в нашу пользу. Всё же мы потопили, на нашем счету два транспорта. И они стоят дороже, чем наша подводная лодка. Как ни странно, но это в какой-то мере даёт самоуспокоение.

Тут же одновременно с этим вспомнил и всю жизнь, жену, детей... Идут мучительно долгие секунды... Из пятого отсека поступает доклад: "Шум минрепа исчез". Мы не верим себе. Значит, пронесло. Значит, мы ещё будем воевать. И выступил холодный пот...

Возможно, всё же штормовое море, качка, даже на глубине, помогли нам разойтись или освободиться от минрепа... Но факт остается фактом. Минреп больше не скользит по ПЛ, и я решаю, что теперь надо быстрее всплывать, уходить отсюда. Лучше плавать в надводном положении, чем под водой слепыми, как котенку, тыкаться мордой в эти зловещие шарики. Тем более, сейчас прилив. А в прилив мины становятся глубже.

Снова будет штормить. Но всё это – и шторм, и ледяные волны, и пронизывающий морозный ветер – ничто по сравнению со смертельной опасностью, которую мы только что пережили. Пусть шторм будет еще сильнее, ещё злее, теперь он нам не страшен. Вот оказывается, что меня волновало там, под водой. Вот почему меня что-то тревожило. Но найти причину этого нельзя, не в силах. Ничто внешне не указывало на наличие минного поля, а таких органов чувств, которые могли бы это обнаружить, у человека нет.

Начали всплывать. Сейчас торопимся. Всплывать так же тяжело и опасно, как и погружаться. Даю полный ход электромотором. Курс ПЛ почти против волны. Глубина 15 метров. Крен доходит до 10°. Глубина 10 метров, крен 20-25 градусов.

– Продуть главный балласт.

Глубина 8 метров. Лодка ложится на борт. Нас прижало к клапанам, а потом с силой бросило к другому борту. Никак не могу забраться по трапу. Он вверху мечется от борта на борт. В какой-то момент повисаю на нём на руках.

Глубина 1 метр. Сверху тяжелые валы бьют по рубочному люку. Жду, когда схлынет волна, и рывком открываю люк. Быстро с сигнальщиком хватаемся за леера и сразу же привязываем себя к ним. Запоздавшая волна накрывает нас с головой. За что-то крепко держусь. Делаю выдох прямо в воду. Хорошо, что мы успели прикрыть люк, и в лодку вода этот раз не попадает. Где-то рядом должен быть матрос Тарабарин... Ощупью нахожу его, сжавшегося в комок, крепко держащегося за переговорную трубку. Он тоже шарит и находит меня. Вода отпускает нас из плена. Стараемся осмотреться, осмыслить обстановку. Кругом все ревет. Абсолютно ничего не видно. Тот же хаос волн беснующегося моря...

Но всё в порядке. Всплыли хорошо, если не считать холодной ванны. Даём ход дизелем. Продолжаем штормовать. Отдых у вас не получился. Принял решение уйти ещё дальше от берега, скорее уйти с минного поля и там, в районе зарядки аккумуляторной батареи, вновь погрузиться, уйти от шторма под воду.

Встреча с минрепом забыта. Сейчас не до этого. Главное – не дать слепому случаю поставить лодку лагом к волне, тогда будет совсем плохо. Тогда вся масса воды в тысячи тонн может одновременно рухнуть на лодку с борта и надолго поглотить ее в своём водовороте.

На мостике выбита дверь ограждения рубки, выбиты все иллюминаторные стекла, снесены за борт все листы дюралевого настила. Палубы не видим, но в носовой надстройке слышим иногда резкие удары сорванных креплений палубных лючков. Отпорный шест, деревянную сходню мы давно где-то потеряли. Мы раньше их с собой не брали, а в этот поход боцман пожалел их оставить на пирсе. Ему жалко было расставаться с ними.

Погрузилась мы уже под утро. Погода так и не улучшилась. Те же 8-9 баллов. Может, и больше. Ветер ураганный. Наши приборы на это не рассчитаны. Какая же гигантская сила скрыта в разбушевавшейся стихии ветра и моря. Сколько сотен Днепрогэсов можно было бы заменить силой такого бушующего моря. Конечно, это фантазия, но всё же сумеет в какие-то далёкие времена человек обуздать силы ветра, ураганов и силы морских волн. Сколько это даст дешевой электроэнергии! Пусть подсчитают любители – какая энергия была затрачена для того, чтобы Баренцево море разбушевалось до глубины 50 метров, чтобы валы волн достигли 10 и более метров, и это на протяжении нескольких суток.

Скоро будет 10 суток, как мы штормим. Перед погружением получили из штаба флота радиограмму – запрос: «Доложить действия, состояние моря». Всё это немедленно было

исполнено. В эфир полетела радиограмма: "Ветер, море – 8-9 баллов. Самочувствие отличное, штормуем в районе зарядки".

Как потом мы узнали с приходом в базу, одна из наших подводных лодок типа "С", находящаяся в эти дни рядом с нами на позиции, запросила "добро" на возвращение в базу из-за шторма. Злые языки утверждают, что им поставили в пример наши "Малютки", которые стойко переносят шторм и в базу не просятся. О том, чтобы проситься в базу, у нас и мысли не было.

4 декабря шторм немного стих, и мы три последующих дня провели с трудом на фарватере, вблизи берега, но никого не обнаружили.

Вполне возможно, что немецкие конвой также отстаивались в эти дни в своих портах и базах. Это их дело. Но на месте немецкого командования я бы приказал конвоям совершать переходы, пусть без охранения. Едва ли мы сумели бы их атаковать, тем более что мы также всё время были заняты собой и меньше всего поисками противника.

С приходом в базу, на этот раз без победы, нас всё же встретил командующий флотом. Приняв рапорт о возвращении в базу "без победы", командующий тепло нам пожал руки и похвалил нас на этот раз больше как лихих моряков, выдержавших тяжелый 10-дневный шторм. Мой доклад о касании минрепа его заинтересовал. Оказывается, в этом районе всего за несколько дней до нашего выхода минного поля не было.

Во время беседы с командующим на пирсе меня всё время вело то вправо, то влево. Как будто качалась земля. Командующий заметил мое странное состояние и, пожелав мне и команде хорошего отдыха, отпустил.

Странно было видеть личный состав, который неуверенно ступал на сходню и на берег. Вся команда настолько привыкла к качке, что на берегу, в «штиль», несколько часов не могла прийти в нормальное состояние. Больше всех радовались те, кто все эти десять дней ничего не ели. Они собрались сейчас в I отсеке, у торпедистов (таких человек 5-6), и от души жмут на всё, что они им ни дают. Восстанавливают силы, утоляют свой аппетит.

Всё же какие замечательные лодки строят наши специалисты, наши кораблестроители, наши русские рабочие. Примеры, о которых уже упоминалось. У одной лодки "Малютки" и одной "Щуки" мина взрывается по носу и корме – и лодки остаются на плаву.

Нашу лодку беспощадно бомбят, мы возвращаемся в базу, на ПЛ «М-119» один из матросов умирает, не выдерживает бомбежку глубинными бомбами, а корпус лодки выдерживает. У нас почти каждая лодка вынесла не одну интенсивную бомбежку и в большинстве случаев возвращалась в базу. Все это дает уверенность личному составу в прочности наших подводных лодок. А раз есть уверенность, нет боязни, нет растерянности, нет обреченности в тяжелых условиях соприкосновения с противником. По имеемым данным, в командах немецких подводников нет уверенности в прочности своих подводных лодок, и там, как нам известно, личный состав идёт в море, обречённым на гибель. Два мира, две системы, два совершенно противоположных взгляда на выход в море на подводной лодке. И, видимо, одна из причин частой сдачи в плен экипажей немецких подводных лодок является их неуверенность в живучести подводной лодки, в их нежелании вести такую борьбу. Лучше уж сдать в плен, чем вести безнадежную борьбу с пробоиной. Поэтому в газетах нет-нет, да и промелькнёт сообщение о сдаче экипажа немецкой ПЛ командованию союзников. А сколько раз каждая наша лодка проваливалась на глубины больше предельной. Одна из лодок провалилась на 200 метров при предельной глубине 120 метров. Всё трещало. Вот-вот лодку должно было раздавить – ничего, всплыли. Правда, не дело проваливаться, это следствие ошибок в управлении подводной лодкой, но всё же бывает в жизни. Без ошибок, вероятно, может прожить только тот, кто ни за что не отвечает, кто ничего не делает. Да и эта пословица не совсем верна. Именно у таких людей самая большая ошибка в жизни, что они ничем не занимаются, ничего не делают. Это – прозябание, а не жизнь. Жизнь червяка, а не человека. Человек должен жить так, как об этом писал Николай Островский, как об этом писал большой мастер воспитания Макаренко.

Конечно, люди живут по-разному. Одни к старости подсчитывают, сколько они покорили женщин или мужчин, где, когда, на каком курорте отдыхали, сколько и с кем выпито вина, какого вина, сколько ковров, шуб у них в сундуках, в шифоньерах, сколько денег на книжке

или в чулке. А вот что они сделали для Родины, для народа, сколько людей они воспитали, сделали настоящими строителями новой жизни, сколько отдали личного на благо победы? Здесь у них пусто. Конечно, первых мало. Очень мало, но они, к сожалению, есть и, вероятно, будут и при коммунизме. Из таких получаются предатели, полицаи, власовцы. Вырастая, живут те подонки нашего общества, которые являются потенциальными врагами всего советского, всего светлого. И как ни странно, именно эти отщепенцы, живущие только для себя, в наибольшей степени ненавидят нашу действительность, наш народ, клеветают на него, на его достижения, распускают провокационные слухи, шепчут анекдоты, преклоняются перед всем иностранным, особенно перед их тряпками, джазовой какофонией. Конечно, с тряпками у них ещё долго дело будет лучше, лучше, может быть, пока и с бытом. Но наше общее развитие уже сейчас несравненно выше, шире.

Главное нам после войны – скорее догнать Англию, США, особенно США, в тяжелой промышленности, в производстве средств производства. Догоним по стали, по электроэнергии, по нефти, машиностроению и химии – догоним и перегоним и в тряпках. Ещё лучше будем делать, чем они. И моды тоже наши будут. И песни они будут петь наши.

В классической музыке, в балете, в кино, в искусстве нашего советского театра мы до войны стояли на голову выше. Вот с танцами. Здесь у нас действительно серость. И она, наверное, будет долго. Хороших, весёлых, быстрых танцев нет. Нет танцевальных залов. Нет никакой традиции или культуры танца. Балетные танцы потихоньку отмирают, а замены нет. В фокстротах много пошлого от животных. А нам, молодёжи (я себя также причисляю пока к молодым), требуется ещё показать свою удаль. У нас много живости, огня. Всё это необходимо куда-то девать, растрчивать. Почему-то есть балетные школы и не одна. Они нужны. Правда, балетом не будешь заниматься на танцевальной площадке или в домашнем кругу. Нет условий и нет времени для переодевания в балетное трико. Почему не создать в стране институт современного массового танца, танцевальной музыки? Им и карты в руки. Твори танцы, давай к ним веселую музыку, готовь кадры массовиков-танцоров. Тогда-то и здесь мы покажем Западу «кукиш»!

Мне кажется, что это – не праздный вопрос. Ежедневно миллионы юношей и девушек танцуют. Разве это не место для воспитания советской культуры, советского патриотизма, любви к Родине, разве это не место для выработки становления советского характера, разве это не место, где все мы можем любоваться, гордиться красотой, изяществом будущих строителей коммунизма, наших юношей и девушек.

Давайте на минутку представим такую картину. Большой зал, вмещающий несколько тысяч человек. Не театр, а именно просто зал, с буфетом, конечно, но без алкоголя. И тысячи танцующих пар. Места для зрителей. Тысячи глаз отцов и матерей или знакомых, или тех, кто ещё стесняется. Все смотрим, все любимся, все радуемся молодости, счастьем, радуемся красоте физической, радуемся и гордимся нашими сыновьями и дочерьми, их нарядами, их движениями в новом советском ритмичном танце. Дух захватывает от такой красоты, от такой картины. Это мечта. Но любая мечта при желании может стать реальной действительностью. Да кто пойдёт на улицу с ножом, кто отсюда уйдёт? Никто. Кто пойдёт пить водку? Таких тоже будет становиться с каждым днём все меньше.

Я далёк от того, чтобы хвалить бывший старый дворянско-крепостнический строй. Но они, эти помещики и дворяне, хорошо понимали и разбирались в роли и значении танца. Именно для этого они строили большие колонные танцевальные залы. Эта сторона тогда не забывалась. Конечно, сейчас война. Мы и до войны не имели такой возможности. Но, если мы этим вопросом не будем всерьёз заниматься после того, как встанем на ноги, после того, как разобьём фашизм – грех нам за это.

Старый строй держал в повиновении народ слепой верой в бога и черта, темнотой и невежеством, раболепным преклонением перед хозяином. Сейчас этого нет. Всё это ушло в безвозвратное прошлое и никогда не вернётся. Но как бы ни плоха была система в те времена, авторитет семьи, отца, матери, старших по возрасту был высок. Мы боялись бога, батюшки, боялись одного взгляда отца. Сейчас этого нет. И дело не в боязни. Дело просто в авторитете старшего. Не может же жить семья, общество без каких-то авторитетов. Они нужны. И поэтому на смену старым институтам воспитания, порядка, уважения должны идти, строиться новые,

наши, советские. Эти институты, прежде всего, должны быть направлены не только на повышение технического развития молодежи, их грамотности, но они должны быть направлены и на воспитание в них уважения к девушке, к старшим, к родителям. Должны быть направлены к изжитию грубости, хамства, невежества. Одним из таких институтов, кроме семьи, школы, пионерской организации, ВЛКСМ и должны быть дворцы танца. От этого вопроса никуда не уйдешь. Он стоит на повестке дня. Возможно, я не прав. Тогда что?

Опять ушел в сторону от описания событий.

...Когда мы входили в Кольский залив, шторм еще продолжался. Не успел я передать в переговорный для записи в вахтенный журнал, что «мы вошли в Кольский залив», как кто-то попросил разрешения выйти на мостик. Разрешил. По трапу поднимается старшина торпедистов Арсеньев, и что-то осторожно прикрывает рукой и полотенцем. "Разрешите". Он обращается ко мне. «Тов. командир, от имени личного состава примите нашу благодарность за благополучное возвращение на базу»...

...Преподносит мне в стакане 80-100 г водки и бутерброд с колбасой. Я не понимаю. Но потом почти сразу понял, «это мне, это от личного состава», – проносится в голове. Пить или не пить? Как всё это будет расценено, понято? Не будет ли это примером для любителей спиртного? Второе чувство шепчет: «Пей. Не бойся. Личный состав хочет тебе только хорошего». Я выпил. Медленно закусил. Спрашиваю Арсеньева: «Кто это придумал?» Он отвечает: «Все придумали, и спасибо Вам, товарищ командир, что не отказались». И ушёл вниз.

Немного подумав, передал по переговорному: "Передать по отсекам, что командир благодарит команду". И всё. Пришвартовавшись, я и об этом доложил командующему. Подумав, он об этом отозвался так: «Молодцы, командир, твои братцы-матросы!» С этого и родилась на нашей ПЛ новая традиция. Потом она перешла на другие ПЛ, правда, не на все. Не всем перепадало это матросское "спасибо".

И эта новая традиция как-то больше сближала командира с подчиненными, роднила его с ними. И, конечно, это "спасибо" было выражением доверия к командиру, выражением веры в него. Хороший обычай, пожалуй, самый теплей, самый родной. Но кто его придумал, так я и не установил.

Конечно, я об этом рассказал своим друзьям. Как и к каждому новому, некоторые из них отнеслись к этому скептически, с неодобрением. А вот Костя Колосов, Витя Хрулев – те в один голос поддержали меня в том, что я не побоялся выпить 100 г при выполнении служебных обязанностей. Их поддержка была определяющей, и в данном случае очень нужной. Главное, в конце-концов, не в том, пил или не пил, пьёт или не пьёт. Разница в том, когда, сколько, где, с кем и по какому случаю. Некоторые это делают по любому случаю, и всё же таких меньшинство. Вся беда в том, что его поведение, его отвратительный вид, его хамство – всё это лезет на первый план, резко бросается в глаза на общем фоне трезвых людей, будь это на улице или в общественном месте.

К пьяницам нужны самые решительные меры, и всё же пьянство есть следствие нашего бескультурья или бедности, что ли. Бедности в понимании отсутствия нашей инициативы, умения в организации проведения торжеств, праздников, просто радостных и счастливых дней.

Как правило, мужчины пьют одни, без жен, вне круга семьи. А почему? Потому что мы не имеем возможности материально обеспечить проведение праздников вне дома. Где у нас помещения, кафе, закусовые? Если они есть, то их очень мало. В них – отсутствие всякой культуры, там грязно, нет культуры обслуживания и дорого. Если бы проведение вечера с семьёй (с жёнами) могло бы быть материально обеспечено (помещений должно быть раз в 10-20 больше, чем их есть), и если бы вечер с семьёй был по цене равным той сумме, которую пропил муж с друзьями, тогда и сами собой распадутся эти компании (на двоих, на троих и т.д.). Тогда только этот недуг будет излечён. Штраф, аресты, общественность – это нужно, но они ничего не дают и не дадут, пока мы этим вопросом не займёмся в государственном масштабе. Конечно, всё это можно будет решительно тогда (будем и на вещи смотреть реально), когда наш материальный уровень в среднем на каждого жителя подойдёт к уровню наиболее развитых в материальном отношении стран. И всё это можно решить, конечно, только после войны.

15 декабря. Эти прошедшие несколько месяцев войны полны героических дел многих подводных лодок. Хорошо, дерзко воюют подводники на подводных лодках «С-56», «М-119», «М-105», «К-21» – бывшей моей, где в июле прошлого года мы успешно атаковали линкор «Тирпиц», и на других.

Но есть и печаль утрат, печаль потерь. Пустует уже третий месяц аккуратно застеленная койка командира ПЛ «М-106» капитан-лейтенанта Самарина Павла, который год назад во время моей болезни в Северодвинске за меня, не жалея себя, по своему желанию и по моей просьбе, обеспечивал выходы и испытания нашей подводной лодки «Ярославский комсомолец».

Какая-то взаимосвязь или ещё что, но в октябре ПЛ «М-174», где командиром был капитан-лейтенант Сухорученко, не возвращается в базу. Лодка гибнет. Это тот самый Сухорученко, которого прислали в тот же Северодвинск вместо меня во время той же болезни. Тогда я отстаивал своё право на командование подводной лодкой. Сухорученко отбыл обратно в Полярное. И вот он погиб. И его кровать пустует.

Как-то тяжело смотреть на эти кровати, потерявшие своих хозяев. Они, как сироты, всё время пустые, холодные, не согреваются жаром молодых сердец. Придёшь в такую каюту, разговариваешь с командой «Малютки», где стоит такая одинокая кровать, и кажется, что при нашем разговоре присутствует третий. Это – не суеверие. Это – суровая действительность. Здесь всё напоминает о погибшем товарище, и независимо от наших желаний, настроений, темы разговора, мы не можем избавиться от этого ощущения третьего...

Мы, конечно, не верим ни в бога, ни в чёрта, ни в дьявола. Но какая-то червоточина осталась. Вероятно, отсюда и идут суеверия, страхи, боязнь находится одному в том помещении, где когда-то жил близкий тебе и даже родной человек...

И другая мысль иногда нет-нет, да и появится... Вдруг сейчас откроется дверь и войдёт Самарин или Сухорученко. Но эта мысль тем реже посещает нас, чем больше дней прошло с момента окончания срока плавания невозвратившейся подводной лодки.

Героической смертью погиб экипаж ПЛ «М-106». Это стало известно из отрывочных и потом собранных вместе сведений из содержания радиogramм с ПЛ «М-106», из наблюдения лётчиков нашей разведывательной авиации и перехваченных немецких радиоразговоров. Прощаясь с нами, Паша Самарин сказал ту самую фразу, которую мы часто говорим к месту и не к месту: «Или грудь в крестах, или голова в кустах». Его можно извинить за это. Ему не везло, как не везло и также теперь погибшему командиру ПЛ «М-172» Кунцу. И тот, и другой командир, у которых не отнимешь желание воевать, храбрости, за многие боевые походы так и не смогли никак возвратиться с моря с победой. То проплывут на позиции, не обнаруживая цели. То выйдут в атаку. То на ПЛ какие-то неисправности, и они возвращаются в базу.

Вот, например, ПЛ «М-106». В первом походе они не обнаружили конвоя, и их торпедировала ПЛ противника. Во втором походе в море случилась какая-то неисправность с торпедными аппаратами, и они не смогли выпустить торпеды по транспорту, по которому успешно вышли в атаку. И вот третий поход. И эти слова. Они и сейчас звучат, слышатся, как клятва, как беспредельное желание сделать всё возможное для восстановления репутации ПЛ. Правда, она, эта репутация, не была потеряна. Мы все хорошо знали, что за полосой неудач идёт полоса успехов. И этот успех пришёл к ПЛ «М-106». Они атаковали большой конвой, состоящий из десятков кораблей и с близкой дистанции, прорвав все линии кораблей охранения, атаковали и потопили транспорт. Это был успех, победа, которой так они все добивались... Подводную лодку долго, беспощадно преследовали и бомбили глубинными бомбами несколько эскадронных миноносцев. Если судить по времени преследования после атаки, командир ПЛ и личный состав умело и грамотно уклонялись и маневрировали. Но у них не хватило той самой электроэнергии, которая так необходима в эти минуты. В какой-то момент электромотор остановился. Это конец. Надо всплывать для последнего артиллерийского боя (всего одно 45-миллиметровое орудие) или медленно, в полном сознании неизбежной гибели, погружаться в тёмные пучины неизведанных, бесстрастных глубин, заполненных вечной тишиной и мраком. Они выбрали первое. Внезапно всплыв, вступили в неравный артиллерийский поединок с эскадронными миноносцами и погибли героями.

Именно об этом и думаешь в то время, когда смотришь с грустью на их пустые, безжизненные койки. И Сухорученко, и Самарин внешне различны, не похожи. Первый – полный, грузный, немного неповоротливый, с круглыми чертами лица. Второй – низкий ростом, беловолосый, резкий в движениях, лицо несколько скуластое. Это внешне. А внутренне, по своему характеру, они были как будто одинаковы. У обоих живость в разговоре, быстрота в решениях. С их лица редко сходила улыбка. Оба энергичны и оба рвались душой и телом в море, в бой. Их роднила и простота характера, отзывчивость и забота о личном составе и скромность в любой обстановке.

Особенно много идёт разговоров о гибели ПЛ «К-1», той подводной лодки, на которой я впервые совершил в войну несколько учебных и боевых походов в качестве дублёра старшего помощника командира ПЛ. Конечно, подводная лодка или самолёт могут погибнуть от многих причин. Одной из возможных причин гибели их может быть неуверенность в действиях личного состава. Примеров сколько хотите. Создали большой дифферент на нос, не смогли его остановить, не дали пузыри в нос, не дали задний ход (о, бывает) – лодка может проскочить предельную глубину и будет раздавлена. То же с потерей плавучести, то же с поступлением воды в лодку через неисправные забортные клапана. Этого не бывает в том случае, если на ПЛ опытный командир, опытные офицеры, старшины. Все знают устройство ПЛ, её особенности в управлении.

Каждая лодка имеет свой норов, свой характер, свои особенности в её управлении в подводном положении, при швартовке, при погружении. И этот характер надо знать. А это можно сделать только после многих выходов ПЛ в море. Для этого требуется 2-3 модели походов. Этого не было сделано на «К-1». Там перед самым выходом назначили впервые весь основной командный состав. Командиром пошёл командир дивизиона ПЛ, плохо знающий именно этот тип подводных лодок, командиром БЧ-5 пошёл командир БЧ-5, только что прибывший с малютки, старпомом пошёл офицер, правда, плавающий на этих лодках, но он больше полугода был на учёбе, на курсах. Все они очень хорошие офицеры, грамотные, умелые, требовательные, настойчивые, и всё, что хотите, кроме одного – все они впервые пришли на ПЛ, сделали 1-2 выхода на дифферентовку и всё?!

Конечно, ни в коем случае нельзя исключать и гибель её от атак противника. Это так же не менее вероятно. Но факты – упрямая вещь. Лодки нет. Нет и всего экипажа. Они где-то остались на дне Карского моря.

И вообще, какие должны быть качества у командира подводной лодки? Их очень трудно все вычленишь, но главное, чтобы успешно воевать, должны быть:

- безграничная любовь к Родине и ненависть к врагу;
- любовь и преданность специальности подводника;
- вера в то, что подводная лодка в любом случае вернётся в базу;
- убеждённость в неограниченном преимуществе подводной лодки над любыми кораблями противника;
- знание её особенностей, её характера при управлении в любом положении;
- энергичность, деловитость, напористость;
- быстрая, мгновенная реакция на любую неожиданность;
- вера в личный состав, доверие к нему;
- отличное управление всеми маневрами подводной лодки, от атаки до постановки на швартовы;
- ровный, спокойный характер;
- заботливое отношение к подчинённым;
- высокое общее развитие, начитанность;
- честность, прямота;
- убеждённость в окончательной победе над врагом;
- партийность во всех больших и малых делах;
- опора на комсомольскую и партийную организацию;
- всегда, в любом положении – отсутствие на лице, в действиях нервозности, уныния, беспомощности;
- внешняя подтянутость, аккуратность;

- безукоризненное поведение на берегу, в общественном месте.

Все эти и другие, не перечисленные здесь, особенности и создают, лепят, формируют советского командира подводной лодки. Такими были Котельников, Столбов, Кольшкин, Бондаревич, Колосов, Гаджиев, Фисанович, Видяев, Сушкин, Лунин, Морозов, Щедрин, Стариков...

У них, у этих асов подводных атак, обладающих в той или иной мере всеми этими качествами, мы, молодые командиры-малюточки, и учились. Учились премудрости воевать, управлять кораблём, воспитывать личный состав. Эти качества приходят не сразу. Они даются в трудной кропотливой повседневной работе над всеми этими особенностями.

Только имея эти качества, можно стать смелым, храбрым, дерзким, таким, каким любят матроса. Таким командиром, которого матросы в кубрике, в тихой душевной беседе называют с любовью «НАШ БАТЯ». И в самом деле. Именно батя. Очень удачное, вполне русское выражение, обозначающее всё. И признание старшинства, и безграничную веру в тебя, в командира, и внутреннюю убеждённость матросов, что его командир теперь, в эти дни, заменяет ему и родного отца, и родную мать.

**Как был атакован
флагман немецкого фашистского флота
линкор «Тирпиц»**

Воспоминания капитана I ранга Лукьянова Федора Ивановича

**НИЖНИЙ НОВГОРОД
2007**

– Кормовые аппараты...

– Есть «кормовые аппараты»!

Все затаили дыхание. Настала та историческая минута, о которой потом заговорил весь мир...

Идут секунды. Командир висит на перископе... бешено вращает его, что-то шепчет... Кажется, мы уже не дышим... гулко, часто бьются сердца. Последний рывок секундной стрелки... и вот оно...

– Пли!

– Есть «Пли!»

Корпус лодки резко вздрагивает. Потом еще и еще...

– Вышла первая!

– Вышла вторая!

– Третья ...

– Четвертая!

Громко несется по отсекам: "Торпеды вышли!".

"Опустить перископ". "Нырять на глубину 100 метров". Слушать в отсеках". "Заполнить быструю." "Дифферент 5° на нос". "Средний ход". "Герметизировать отсеки".

Все эти команды даются и выполняются четко, заученно, умело. Ждем. Не может быть, чтобы торпеды прошли мимо.

Прошла одна минута. Полторы. Две минуты! Взрывов нет... Командир немедленно поднимает с настила свой, выдавший виды трюх, с одним, почти оторванным ухом, смотрит на нас, читает наши мысли, хочет что-то сказать, чтобы успокоить. Ведь мы так ждали этого. Мы так верили тебе.

Одна минута 16 секунд... 17 секунд... Взрыв, второй... и волна за волной могучего, нашего русского "Ура" несется из отсека в отсек. Мы обнимаемся. Командир подводной лодки Герой Советского Союза Лунин Н.А. поздравляет по переговорной трубе всех с победой... и снова в ответ "УРА!", прерванное взрывом глубинных бомб где-то близко от подводной лодки. Уменьшили ход до самого малого, изменили курс. Сбросив еще несколько бомб, эскадренные миноносцы ушли к эскадре. Всплыли под перископ через 30 минут после атаки и увидели в перископ, что противник повернул обратно, уходит от нас в свое логово – в Яльтэн фиорде. Через час Москва знала о нашем успехе.

Через три часа крупнейшие газеты США и Англии вышли специальными выпусками, прославлявшими атаку и повреждение советской подводной лодкой флагмана немецкого фашистского флота линкора „Тирпиц“.

Так закончилась наша историческая атака, участником которой я был.

Как же развивались события до и после атаки?

"Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше...". Так нагло и цинично заявил бывший в 1941 году вице-президент США господин Трумэн, реакционер, ненавидящий Советский Союз и открыто радовавшийся нападению фашистской Германии на СССР, радовавшийся возможности неограниченной наживы на крови и слезах миллионов и миллионов трудящихся.

Не вышло! Вместо запланированных планом "Барбаросса" нескольких недель победоносного марша, как это было в Европейских странах, войне не было видно конца. Фашистские бронетанковые и механизированные дивизии застряли на необъятных просторах нашей Родины.

Кровь лилась рекой. Рекой текло золото в карманы американских толстосумов.

Две реки! Два мира! Кровь и золото. Нищета и роскошь! Радость барышника и горе людей.

Война шла не на жизнь, а на смерть. Да! Мы временно потеряли часть территории. Да! Много предприятий промышленности попало в руки врага. Но ничто не смогло сломить воли советского народа в окончательной победе. Народ верил в партию и с этой святой верой шел грудью на ненавистного захватчика.

На северном участке фронта враг не прошел. Северный Военно-Морской флот и особенно подводники стойко, умело, дерзко били врага на суше и в море.

За прошедший год войны подводные лодки севера сделали много боевых походов и имели на своем счету десятки потопленных транспортов противника, общим водоизмещением 100 000 тонн.

Удары наших подводников нарастали с каждым днем. Умение находить врага, смело, дерзко идти в атаку, приходило с каждым боевым выходом в море. Соединение подводных лодок стало той силой, с которой враг должен был считаться.

Это заставило перевести основные силы фашистского флота в Северные порты.

Наша подводная лодка "К-21" к июню 1942 года на своем счету имела 6 потопленных транспортов. Личный состав получил опыт слаженной работы, уверенно действовал на боевых постах. Торпедные атаки, разведка, артиллерийский бой, минные постановки, уклонение от кораблей ПЛО и глубинных бомб, форсирование минных заграждений, плавание в фиордах противника. Сотни срочных погружений. Борьба за живучесть. Всего арсенала и богатства боевого роста сразу не перечтешь.

Что такое подводная лодка типа "К", как с любовью ее называли наши подводники "Катюша»? Это подводная лодка длиной до 100 метров, имеющая на вооружении 10 торпедных аппаратов, запас торпед – 24 шт., 20 якорных мин., два 100 мм и два 45 мм орудия. И скорость хода под дизелями до 24 узлов. Таких подводных лодок, с такими ТТД, в то время не имела ни одна страна в мире. Главное, что все же решало и определяло силу, мощь, способность решать любую задачу – были люди. От командира подводной лодки – Героя Советского Союза капитана 3 ранга Лунина Н.А. до рядового матроса – весь экипаж представлял собой единый коллектив, всем своим нутром ненавидевший фашизм и готовый на любые лишения и подвиги для его разгрома.

Вот короткие этапы боевого пути "К-21":

В ноябрьском походе 1941 года подводная лодка топит три транспорта. Два из них подорвались на минах, поставленных нашей подводной лодкой.

В январском походе 1942 года подводная лодка топит торпедами транспорт, а несколько дней спустя в упор, в темную ночь, артиллерийским огнем уничтожает немецкое судно-ловушку, проводившее постановку мин и замаскировавшееся под норвежский рыболовный траулер.

В марте подводная лодка совершает надводный поиск подводной лодки "Щ-402", оказавшейся в море без топлива, и оказывает ей помощь. Подводная лодка "Щ-402" возвращается в базу.

В марте 1942 года мы добиваемся нового успеха – топим транспорт водоизмещением в 7 000 тонн.

И вот мы снова в море. Вышли из Полярного 18.06 затемно.

Каких-либо специальных заданий мы не получали. 19 июня – день моего рождения, и командир поздравил меня с 29-летием. У нас на лодке вообще был заведен такой порядок: в день рождения кого-либо из экипажа, будь это в море или на берегу, командир подводной лодки поздравлял именинника. "Новорожденному" готовили обязательно что-нибудь вкусное, и выдавалась "норма" – 100 грамм. Не так весело в стальной трубе подводной лодки, вдали от родных встречать любой праздник. Нам было не до них. Но забота командира, поздравления, теплые пожатия рук товарищей помогали, вливали новые силы, не давали человеку уйти в себя, сплывали всех в один монолит.

Не успел командир поздравить меня с днем рождения, как на нас откуда-то из-за облачной высоты одна за другой посыпались авиационные бомбы. В этот раз я несколько замешкался со срочным погружением – пытался найти, определить, кто же нас бомбит – свои самолеты или чужие? И эти несколько секунд "мышления" стали предметом специального "разбора" в боевой рубке. Командир умело использовал любой промах вахтенного командира для тактической учебы. Обычно он начинал с доктора и заканчивал на мне. Ставился один и тот же вопрос: "Доложите ваше мнение по действиям того-то или таким-то". Это заставляло всех нас подтягиваться, привыкать к самостоятельному мышлению, учиться принимать быстрые и

правильные решения. Мы все могли нести самостоятельно вахту вахтенного командира, и все могли командовать и управлять срочным погружением в центральном посту. Таков был Лунин.

Так и сегодня. После разбора он заявил, что "прощает сегодня старпома, так как он именинник, и эти бомбы были салютом в его честь".

28 июня с позиции в районе порта Вардэ, где мы так никого и не атаковали, лодка перешла на новую позицию – западнее меридиана мыса Нордкап, на позицию в районе возможного выхода немецкого флота для действий против союзных конвоев. В первый же день после прихода на новую позицию по приказанию командира мною были собраны все свободные от вахт офицеры. Командир был, как всегда, немногословен. Нам с комиссаром Лысовым было известно, о чем будет речь. Возможно, все догадывались об этом. Но все же, когда Лунин объявил, что командующим Флотом нам приказано на новой позиции найти и атаковать немецкую эскадру во главе с линкором "Тирпиц", нашему боевому воодушевлению не было границ.

Каждый из нас был уверен в другом. Все мы были уверены в личном составе и в технике, тем более мы были уверены в нашем командире.

На подводной лодке вообще нельзя плавать, служить, не веря в своего командира. Во время атаки только он видит обстановку, только он один стоит у перископа. И только от его оценки обстановки и принятия по ней решения зависит успех или неуспех атаки, успех или неуспех уклонения от противника. Все мы только были исполнителями воли и мудрости командира. Чем лучше командир выходит в атаку, чем больше потопленных кораблей противника, тем больше веры в своего командира, в наши возможности, в наши силы.

Так и сейчас, такая вера в успех у нас была, только бы найти, только бы он появился.

Обнаружить. Обнаружить, во что бы то ни стало – вот сегодня главное.

Еще до обнаружения эскадры я спросил у Николая Александровича: "Товарищ командир, ну, а если нам было бы приказано найти и утопить линкор "Тирпиц", что тогда?" На это он мне ответил, как всегда очень спокойно и уверенно, с искоркой иронии в глазах: "Тогда бы мы, старпом, должны были бы выпустить по "Тирпицу" все торпеды, после чего всплыть и добить его своей артиллерией". Все рассмеялись. Мы понимали шутку. И вопрос именно и был мною задан с этой целью. Мы все знали. Очень хорошо знали, что такого приказа мы бы никогда не получили, так как потопить линкор "Тирпиц" попаданием двух-трех торпед просто невозможно. В него надо попасть 10-15 торпедами, только тогда можно рассчитывать на какой-то успех. Нам же был известен факт, что года два назад англичане пытались добить однотипный линкор "Бисмарк", и только после попадания в него более десяти торпед, сотен снарядов и бомб, он был потоплен.

Линкор того времени, да и любой современный корабль имеют десятки отсеков, переборок. И почти 50 процентов из них должны быть разрушены, заполнены водой, прежде чем этот корабль пойдет на дно.

Что представлял из себя линкор "Тирпиц"? Длина – 243 м, скорость около 30 узлов, мощность машин около 140 000 лошадиных сил, водоизмещение полное – 45 000 тонн, броня – 300 миллиметров. Вооружение: главный калибр – восемь 380 мм орудий в четырех башнях, двенадцать 150 мм орудий – еще в 4-х башнях; шестнадцать 105 мм орудий, 16 зенитных автоматов калибром в 37 мм, 6 торпедных аппаратов, 4 разведывательных самолета. Осадка – 8 метров.

Мы также хорошо представляли, что флагман фашистского Флота в море один не войдет. Если он рискнет на это, то пойдет во главе эскадры.

Начиная с первого июля, заметно участились полеты разведывательных самолетов. С немецкой педантичностью они появлялись всегда с одного направления и в одно и то же время. По ним мы даже знали, когда нам можно всплывать для зарядки, а когда готовиться к уходу под воду. Иногда погружались от чаек. Командир ни разу никого из нас не отругал, если потом, уже в перископ, мы вместо самолета, в том месте, где мы его обнаружили, замечали белые взмахи крыльев чайки. Был полярный день. Самый его расцвет по времени года. Солнце. Яркое и чуть красноватое, не давало нам покоя ни днем, ни ночью. Два месяца оно в этих широтах в это время не заходит за горизонт. Мы не любим его в это время, оно затрудняло наше

плавание, лишало возможности скрытно, незаметно сделать зарядку аккумуляторной батареи, подойти к берегу.

Все эти дни мы в необычайном нервном напряжении. Кажется, никогда так хорошо и четко не работали механизмы, дизеля. Личный состав всей команды понимал с полуслова. Наши глаза и уши – сигнальщики и дополнительные наблюдатели с каждого борта – 5-6 пар внимательных глаз все видели лучше, на долю мига быстрее, чем летчики разведывательных самолетов. Видели на столько раньше, сколько требовалось, чтобы рубка ушла под воду после срочного погружения.

Так было и с первых минут исторического для нас 5 июля 1942 года. Как всегда, мы начали зарядку при плотности батареи в 22-23°, ниже мы не разряжались, чтобы быть в постоянной готовности к атаке.

С нуля часов до 15.00 мы восемь раз прерывали зарядку, чтобы уйти под воду от самолетов.

Подводник знает, что такое 8 срочных погружений во время зарядки, в боевой обстановке, да еще в ожидании крупнейшей эскадры противника, и в светлое время суток. 8 раз у нас должны, как часы, срабатывать все приводы кингстонов и клапанов вентиляции. Должны быть за доли секунды проделаны сотни переключений всех механизмов, систем, трубопроводов, закрытий или открытий шахт, переключений, соединительных муфт и так далее и тому подобное из работы в надводном положении в подводное. Но все заслуживали самой лучшей похвалы, трудно было назвать лучших. Каждый им был. Сегодня хочется все же отметить действия сигнальщиков Шорныгова, Сергеева, Чалышева.

К 15 часам зарядку все же мы закончили, и командир решил час-полтора походить над водой, чтобы несколько провентилировать аккумуляторную батарею. По количеству обнаруженных самолетов сам по себе напрашивался вывод, что кто-то вышел в море или кого-то обнаружили. Обстановка для нас накалялась. Мы все ожидали изменения событий. Чувствовалось, что эскадра вышла.

15 часов 40 минут – очередной доклад сигнальщика: "Самолет справа по носу". Проходит 40 секунд, и мы под водой. Нас опять не заметили. Объявлена готовность №2. Одна из трех смен остается на вахте на своих боевых постах. Как всегда, я первый в подводном положении принимаю от командира обязанности вахтенного офицера. Командир который раз дает мне последние указания и устало говорит, что он «пойдет к себе, вздремнет пару часиков». Он, в самом деле, здорово устал. Осунулся. Больше вытирают, и так заметные, скулы. Скупее стал на слова, на шутку. Только его глаза не потухли. Взгляд стал жестче, злее. Я остался один в рубке. Рулевой на вертикальном руле упорно борется с бегающей картушкой репитера. В лодке тихо. За бортом слабый шорох пузырьков воздуха. Ровно гудят электромоторы, вращающие винты на самых малых оборотах. Комиссар подводной лодки Лысов Сергей Александрович, который обычно первые 10-15 минут оставался со мной, сейчас куда-то ушел. Где-то ходит по отсекам и ведет индивидуальную бесконечную работу. Особое внимание у него на молодых матросов, делающих сегодня первый или второй выход в море. Отечественная беседа с ними, своевременное оказание помощи – всегда приносят свои плоды. Был же раньше у нас один случай с молодым рулевым, который во время срочного погружения, видя каскады воды, хлынувшей в рубку по комингсу верхнего люка при неплотно закрытой крышке люка, сбежал в I отсек, где мы его потом и нашли под торпедным аппаратом. Он и сейчас с нами в море. Но с ним пришлось всем здорово поработать. Храбрость и смелость не всегда деются сразу и всем. Это приходит с опытом, с освоением своего дела, своей специальности подводника. Каждый из нас знает, что от одного неверного, ошибочного действия может произойти непоправимое. Но каждый знает, что таких у нас нет. Все уверены друг в друге, в действиях любого в любом отсеке, в любой обстановке.

16.00. Регулярно подвсплываю для осмотра горизонта и приема радиogramм. Мы с утра уже знаем, что эскадра вышла, и по нашим расчетам она должна пройти через нашу позицию. Мы также знаем, что справа, слева и сзади нас – везде рассредоточены наши ПЛ. ПЛ также ждут эскадру.

16.05. Только что опустил перископ и дал команду на уход на глубину 30 метров (чтобы не были обнаружены самолетом в подводном положении). Как вдруг неожиданно вместо

обычного доклада из акустической рубки "Горизонт чист", как удар электрического тока, последовал взволнованный доклад: "Шумы винтов справа 30°".

16.10. Прекратив погружение, подвсплываю под перископ. Никого нет. Еще подвсплываю, увеличивая ход, почти под рубку. Никого лет. Горизонт чист. Медленно и разочарованно погружаюсь и требую от акустиков внимательного прослушивания и повторного доклада.

16.15. Самостоятельно изменяю курс на 30° вправо, о чем сообщаю акустикам. Я почему-то был уверен, что они, как это иногда бывает, докладывают о своих забортных шумах. Даю команду, чтобы горизонт прослушал командир отделения старшина 2-ой статьи Веселов. В центральном посту зашевелились. Взволнованные взгляды через люк на меня. Все прислушиваемся. Что теперь доложат акустики? Проходят секунды. Напряженность нарастает. Кажется, все замерло. Командир спит и ничего пока не знает.

16.20. И как гром четкий, на высоких тонах, громче, чем надо, доклад: "Шумы слева 30°". Сомнений нет. Кто-то обнаружен. Подаю команды одну за другой: "Лево на борт", "Боевая тревога!", "Торпедные аппараты приготовить к выстрелу. Всплывать на глубину 9 метров", "Командира попросить в рубку". Каскад команд. Мгновенные решения. Сигналы и доклады идут один за другим. Все четко, быстро. Прошло каких-то 15-20 секунд, ровно такое время, которое потребовалось, чтобы командиру проснуться, пробежать на 2 отсека через центральный пост и подняться в боевую рубку, как последовал доклад из центрального поста: "ПЛ к бою готова". К этому же моменту мы подвсплыли под перископ. Докладываю командиру обстановку. Командир хвалит и берет команду на себя. Молодец!

"Молодец!". "Правильно". "Хорошо". Он тоже возбужден. Смотрим с ним в два перископа. Вначале, при первом круговом осмотре никого не обнаружили. Лысов, прибежавший в рубку, пытается оттолкнуть меня. Мы молча с ним толкаемся, восклицаем и по очереди смотрим.

16.25. Наконец-то. Далеко, далеко.... Не самом горизонте мною обнаруживается точка. Я определяю, что это силуэт подводной лодки. Командир также находит эту точку и со мной согласен. Напряжение растет. наших ПЛ здесь не должно быть. ПЛ идет прямо на нас. Дистанцию определили на глаз около 50 кабельтовых. Вдруг командир восклицает; "Старпом, это не ПЛ, это ЭМ!" Смотрим и видим как на наших глазах ПЛ превратилась в эскадренный миноносец, а потом их стало два. Небольшая рефракция и хорошая видимость позволили нам обнаружить надстройки мостиков ЭМ в дистанции до 70 кабельтовых и принять их в самом начале за ПЛ. Сомнений не оставалось. ЭМЭМ шли на нас.

17.00. Начинаем маневр по выходу в атаку по двум ЭМЭМ. Мы знаем, что носовые и кормовые аппараты на "ТОВСЬ", что наши торпедисты в любую минуту готовы выбросить воздухом торпеды навстречу с врагом.

Командир приказал мне опустить зенитный перископ, в который мы с комиссаром вели наблюдение. Я взял в руки таблицу торпедной стрельбы и бланк записей торпедной атаки. Записал время начала атаки по ЭМЭМ, первый пеленг, дистанцию.

Прошло две, три, четыре минуты. Командир молча вращает перископ, не спуская его совсем. Иногда командует рулевому: "Ниже, "Выше" – для того чтобы головка перископа не оказалась выше над водой, чем надо. Это очень сложно. В этот момент, в момент атаки командир должен все одновременно слышать и видеть: видеть глубомер, машинные телеграфы, дифференциметр, тахометр, положение горизонтальных рулей, смотреть за горизонтом, думать о курсовых углах атаки, пеленге, дистанции, смотреть в перископ вкруговую, за противником, за самолетами. Он также должен чувствовать и знать инерционные скорости погружения или всплытия, инерционные скорости нарастания или уменьшения дифференциалов. И все в одно время. Одновременно слушать старпома о его данных по таблице торпедной атаки, давать ему команды и приказания, прислушиваться к докладам акустиков. Все! Все должен оценивать и взвешивать командир во время атаки.

Погода благоприятствует нам. На поверхности поднялся ветер в 4-5 баллов. Появились "барашки" – так мы называем белые гребня волн. В такую погоду трудно обнаружить перископ и легко держать заданную глубину.

17.10. ЭМЭМ, не дойдя до нас 20-25 кабельтовых, повернули на обратный курс. Почему, вдруг они повернули? Если бы они заметили перископ, то начали бы нас преследовать. Что-то не то!

17.18. "Старпом!. Комиссар! Вот они, голубчики! Идут. Идут прямо на нас!" – радостно воскликнул командир. Теперь все ясно. На горизонте командир обнаружил верхушки мачт большой группы кораблей. Акустики также докладывают об этом. Какие молодцы наши "уши" – акустики Веселов и Сметанин. Все это время они непрерывно и точно докладывают о шумах и все время – "шумы больших кораблей". Больше часа мы эти корабли не могли обнаружить, а они могли...

Все взбудоражены. По лодке передаем: "Выходим в атаку по немецкой эскадре. Будем выходить в атаку по линкору "Тирпиц". Командир находит время и быстро показывает нам с комиссаром всю громаду кораблей на горизонте. Мы насчитали два крупных линкора или крейсера и 8-10 штук ЭМЭМ. В воздухе по всем направлениям и на разных высотах самолеты ПЛО.

Люди работают как черти. Боцман Соловей отлично, по "ниточке" держит глубину 9 метров. У него крепко вцепились пальцы рук в рукоятки управления горизонтальными рулями, не оторвать. Но дрожат колени. Он ничего не может с ними поделать. Он даже пытался улыбнуться, пошутить по этому поводу, но они не слушались. Пришлось(!) посадить матроса, который так и просидел, обняв колени боцмана, до конца атаки.

...Записываю в вахтенный журнал:

17.30. Выходим в атаку по фашистской эскадре в составе линкора "Тирпиц", линкора "Шеер" и 8 ЭМЭМ".

Командир приказывает увеличить ход, 17.36. Записываю начальные данные атаки: "Пеленг – 212°. КУ цели – 50° правого борта. Дистанция – 50-60 кабельтовых. Скорость – 20-22 узла".

Впереди, как сообщил командир, шел ЛК "Адмирал Шеер". В кильватер ему, в дистанции 30-35 кабельтовых шел ЛК "Тирпиц".

8 ЭМЭМ шли зигзагами по обе стороны линкоров на расстоянии от них 15-20 кабельтовых. Курс эскадры приблизительно 340°.

В создавшейся обстановке, только увеличив ход, можно было выйти в точку залпа. Поэтому командир увеличил ход до полного. Но надолго ли у нас хватит энергии? Она нам нужна не только для атаки, но и для отрыва, ухода от противника.

Командир начинает опять усиленно вращать перископ. Значит, он чем-то взволнован, что-то не так. Неужели мы не выйдем в атаку, которую так долго ждали?

Проходят минуты. Все напряжены, как струна. Еще миг.... И все находящиеся в рубке вдруг понимаем, не видя обстановки, понимаем по мелькнувшей улыбке командира, что все пошло хорошо. Слышу быстрый возглас: "Старпом, они поворачивают вправо, на нос! Так, молодцы!" Кто молодцы?! Не знаю! Мы или немцы?!

Все это записываю. Быстро веду расчеты. Все данные передаю словами командиру. Но у него и так хорошая память. Он знает, помнит в уме, на какой угол упреждения поставить перископ при любой скорости, при угле встречи торпеды с целью 90°. Так и сейчас. Он отмахивается от меня и ставит "свой" угол упреждения...

ЭМЭМ, шедшие с правого борта эскадры, после поворота все вдруг на 90° оказались впереди и шли прямо на нас. До атаки оставалось считанное время. Эскадра всей громадой со скоростью около 40 км/ч неотвратимой грозной стеной надвигалась на лодку. Шумы винтов все ближе и ближе. Они слышны теперь и без акустиков – их слышат все.

Проходят еще 1-2 минуты – строй эсминцев проходит мимо нас. Ближайший миноносец на полном ходу проскочил всего в расстоянии 3-4 кабельтова. Мы все ждем, что командир опустит перископ. Нет. Не такой наш командир. Перископ он не опускает. Продолжает вести наблюдения. Теряются считанные секунды до залпа...

...Мы в середине эскадры. По носу проходит "Адмирал Шеер", мы на него не обращаем внимания. По корме приближается к углу упреждения главная наша цель – флагман немецкого флота с флагом флагмана – ЛК "Тирпиц", ради атаки которого мы и сейчас шли на все, были

готовы к любой неожиданности. Понимали, что это, может быть, последние часы, минуты нашей жизни.

...Дистанция 22 кабельтова. Кажется, пора стрелять. Почему он не стреляет? Почему нет команды? Как быстро идет время. Или так кажется?

Командир прильнул к перископу, не вращает его больше. Он слился с ним в одно целое и не отрывает глаза от окуляра перископа.

...Дистанция 20 кабельтовых. Чего он ждет? Ну, же!.. И вот она, долгожданная команда: "Кормовые аппараты, ПЛИ!"

Передав радиogramму об атаке ЛК «Тирпиц», о том, что слышали два взрыва торпед и о том, что эскадра сразу же после этого повернула обратно, резко уменьшив ход, мы начали переход в подводном положении на глубине 100 метров, в центр своей позиции. Личный состав ликовал. Радостные возгласы, жесты, остроты не смолкали ни на одну минуту.

Лунин приказал мне объявить готовность № 2 и дать команду о приготовлении праздничного ужина. Он и комиссар пошли по отсекам поздравлять личный состав с большой победой. Первыми они поздравили акустиков. В то время, при той технике они обнаружили шумы эскадры, как мы потом подсчитали, на дистанции 350-400 кабельтовых. Правда, на Баренцевом море и в Атлантике гидрологический режим лучше, чем на Тихом океане. Но тогда они были молодцами. У боцмана Соловей колени уже не дрожали, он твердо стоял на ногах и все удивлялся, что этого никогда с ним не было. Он не знал, что в те минуты нервная система у каждого из нас была на испытании. Ничего не было бы удивительного, если бы отдельные из нас чем-то проявили себя, несвойственным в других, более простых условиях. Особой благодарности удостоился командир БЧ-У инженер-капитан 3 ранга Браман Владимир, необычайно грамотный, спокойный, всегда жизнерадостный офицер, красивый в жизни и в службе.

Старшину группы трюмных Карасева не так легко было найти, чтобы сказать ему командирское спасибо. Его вытащили из трюма, где он занимался своими клапанами. Он никогда не знал покоя. От того, как четко работает трюмная система со всеми ее помпами, насосами, магистралями, клапанами, кингстонами – от всего этого не в меньшей степени зависела любая атака и тем более сегодняшняя.

Но все же главными именинниками были торпедисты. Это их 4 торпеды из кормовых торпедных аппаратов поразили стальную броню фашистского гада. Это их торпеды врезались в корму линкора с надписями пальцем по смазке торпед, сделанными уже в походе, при проворачивании торпед "Смерть немецким гадам! "Тирпицу" – капут! За наших жен и детей".

Командир БЧ-1 лейтенант Ужаровский Владимир Леонардович (его на КТОФ хорошо все знают) и его торпедисты – командир группы Терехов Василий, старшина группы Гребенников, торпедисты Фадеев, Жуков, – всегда хорошо готовили торпеды, и они первые, кто заслуживает похвалы, как за попадание торпед в линкор, так и за потопление до этого похода 6 немецких транспортов. Командир обошел всех. Всем сказал свое спасибо, каждому пожал руку и пожелал новых боевых успехов. В свою очередь каждый из личного состава выражал свою благодарность опыту и храбрости командира. Его мужеству и настойчивости... Комиссар собрал коммунистов и, поблагодарив всех за примерные действия в атаке, поставил перед ними новые задачи.

Где-то выпускали газету. Каждый отсек выпустил свой боевой листок. Каждый писал о своем участии, о своих планах. Бралась новые обязательства.

20.00. Ужин!

Какой это был ужин! Во-первых, он был под водой и на глубине 100 метров. Во-вторых, он был праздничный. В-третьих, командир разрешил дать по 100 грамм в честь Победы. В эти минуты ужина не все праздновали и веселились. Одна из трех смен несла вахту во главе со своим старпомом. В этом случае к нам подходила старая русская присказка: "и я там был, и мед пил..." и т.д.

В 22.00 мы получили приказание о следовании в базу. Правда, мы не просили разрешения на возвращение, но это решение командующего флотом обрадовало.

На переходе в базу, при подходе к нашим родным берегам, нас атаковала немецкая подводная лодка. Успели отвернуть вправо. Торпеды прошли по носу в дистанции 50-70

метров. Полным ходом, не погружаясь, оставив немецкую ПЛ за кормой, на зигзаге ушли из опасного района. Это вторая атака нашей ПЛ с немецкой ПЛ. И оба раза торпеды проходят по носу. Нам везет.

9 июля в 02.00 прошли боковое заграждение и вошли в Екатерининскую гавань, в наше родное Полярное. На небе ни одного облачка. Солнце отрабатывает свою круглосуточную вахту.

От самого бокового заграждения на скалах, у домов, на кораблях сотни и тысячи людей. Догадываемся, что это встречают нас. Мы ждали, что кто-то будет встречать, но чтобы было такое? Никогда.

Как всегда, в таких случаях швартовы выбирают и крепят на кнехты "отцы" командиры. Такой стал обычай. Когда командиры ПЛ собирались на пирсе для проводов или встречи, то они сами, вместо матросов, или отдают концы, или их принимают. Так было и сегодня. Красивый, теплый обычай.

Подходим к пирсу. Подаем швартовы. Команда, как всегда, приведена в порядок: все побриты, умылись последней водой, обмундирование – чистое рабочее платье. На пирсе – командующий флотом адмирал Головкин А., командир КПЛ контр-адмирал Виноградов, все командиры ПЛ.

Видим, что командующий что-то ругается, чем-то недоволен. Не понимаем в чем дело. Осматриваемся. За кормой – чисто. И когда осталось 8-9 метров до стенки, поняли. Командующий нас ругал за то, что мы не стреляем. На Севере был такой обычай: при входе в базу подводная лодка производит столько выстрелов, сколько потопили транспортов. "Но мы же не потопили, мы только атаковали" – отвечает командующему командир. "Вы должны были стрелять от бонов до пирса" – громко говорит командующий.

Подали трап, оркестр играет марш. Герой Советского Союза Николай Александрович Лунин, командир ПЛ "К-21", сходит на пирс и четко рапортует командующему флотом о выполнении задания партии и правительства – об атаке ЛК "Тирпиц" и его повреждении. Командующий обнимает командира, и они вместе все уходят на ВФКП. Оркестр что-то играет. Все бросаются к нам.

Десятки, сотни рук поднимают каждого из нас и начинают качать, высоко подбрасывая вверх... и так без конца, пока страсти не утихли, пока не устали. Все поздравляют, обнимают. Кругом рассказы. Рассказы без конца... Опомнившиеся артиллеристы начинают стрелять в честь победы. Но им не дают отвести душу. Не до этого.

...А потом был большой поросенок. Тоже новый обычай. После подтверждения о потоплении кораблей в столовой личного состава накрывается большой стол на 100-120 человек для экипажа подводной лодки и гостей. Сегодня у нас в гостях сам командующий. Ему доверено делить поросенка. Он отрезает голову и подает ее командиру. Уши передает акустикам Веселову и Сметанину, хвост вручается боцману Соловью. Поросеночьи ноги торжественно попадают в группу мотористов и электриков.

Таков у нас тогда был обычай. Поросят растили в подсобном нашем хозяйстве и были они хорошим подспорьем к столу личного состава.

Кто-кто, а северяне стали основными законодателями обычаев, которые потом утвердились на всех флотах.

Куда же рискнула выйти фашистская эскадра, которая была нами атакована и операцию которой мы сорвали?

В тот, 1942 год, гитлеровское командование, да и те, кто толкал фашизм к нападению на СССР, окончательно поняли, что война для них проиграна. Здесь и оправдало себя ханжеское заявление господина Трумэна. Фашистской Германии необходимо была любая победа, любой ценой, в любом месте – на фронте или на море. В эти дни они поставили своей целью – разгром "союзного" конвоя и сил его прикрытия – разгромить в морском бою английскую эскадру. Союзникам же необходим был предлог, чтобы временно прекратить движение своих конвоев в наши северные порты. Им нужно было, чтобы немецкая эскадра обязательно вышла из своих баз на севере Норвегии. Чтобы прекратить постановки в Советский Союз, ослабить хотя бы временно нас, они согласны были даже на разгром одного из своих конвоев. Вот оно, лицо

империализма: "Пусть они больше убивают друг друга". Ради своих корыстных интересов, ради наживы на войне они шли, шли и планировали смерть, гибель своих же людей, из состава команд транспортов и конвоев.

Немецкая разведка установила, что очередной союзный конвой под номером "RQ-17" в составе 37 транспортов вышел из портов Исландии в наши северные порты 27 июля. Этот конвой и решено было разгромить. Но немецкое командование в своих планах не шло на большой риск. Было принято решение, что "операцию проводить только в том случае, если не будет серьезного риска встречи с крупными силами противника". Конвой "RQ-17" сопровождал отряд охранения в составе 6 ЭМЭМ, 5 корветов, 3-х тральщиков, 3-х спасательных судов. Этот же конвой прикрывал ближайший отряд прикрытия в составе 4-х крейсеров ("Норфолк", "Лондон", "Уичита", "Тускалуза"). Главные силы дальнего прикрытия состояли из: 2-х ЛКЛК ("Дюк оф Йорк" и «Вашингтон»), авианосца "Викториеес" и 9 ЭМЭМ. Итого кораблей охранения и прикрытия было 33. Грозная сила! С этой силой не могли тягаться два немецких ЛКЛК и 8 ЭМЭМ.

И все же немецкое командование пошло на риск. Может, это был и не риск. Возможно, это был сговор, и история об этом все равно узнает. Немецкая эскадра вышла в море...

Как только английское адмиралтейство узнало об этом, оно приняло именно те действия, на которые немцы или рассчитывали, или об этом знали.

Командующему английской эскадрой и командиру отряда эскорта было приказано "из-за угрозы со стороны надводных кораблей противника" оставить конвой. Капитанам транспортов рекомендовалось возвращаться в свои порты или самостоятельно следовать в Мурманск, или в Архангельск. История никогда не простит этого. Десятки кораблей, сотни и тысячи людей, десятки тысяч тонн груза были представлены самим себе, а точнее подведены для разгрома, уничтожения или захвата в качестве "призов" противником.

В итоге конвой "RQ-17" перестал существовать. Капитаны транспортов делали так, как им подсказывала совесть. Появились немецкие подводные лодки, надводные корабли, авиация. Беззащитный конвой стал их легкой добычей. Очень небольшая часть транспортов дошла до советских портов. Остальная, большая часть, или вернулась обратно, или была потоплена немецкой авиацией и подводными лодками.

Военная армада английского флота из 30 вымпелов дрогнула перед немецкими кораблями. 2 ЛК, 4 КР, 1 АВ, 15 ЭМ позорно отступили, оставили поле боя перед силами, слабее себя в 3-4 раза.

О том, что этот позорный фарс планировался, говорит тот факт, что на этот раз в составе конвоя почему-то не оказалось ни английских, ни американских транспортов. Под удар были поставлены суда других союзных стран. Налицо был и расчет на ослабление торгового флота иностранных, конкурирующих в судоходстве, фирм. Этот факт очень хорошо подтверждает марксистское положение о том, что война империализмом ведется ради прибылей, ради наживы, ради раздела сфер экономического, а значит и политического влияния...

Мы не знали об этих расчетах, планах. У нас был один ненавистный враг. Это был фашизм.

На море для нас не было более ценной цели, чем флагман немецкого флота – линкор "Тирпиц". Мы его не пропустили. Мы заставили хваленого немецкого барона, поджав хвост, убраться в свое волчье логово. Разве это не победа?! Этот день 5 июля 1942 года вошел в историю советского флота, как день славы советских подводников.

Потом пришел лучезарный праздник вручения наград. Подводная лодка "К-21" вернулась из очередного похода, потопив еще 2 корабля противника. Командующий флотом, как и прошлый раз, лично встречал лодку на пирсе. Но в этот день он пришел на подводную лодку не один. С ним шел адъютант. В первое время никто не знал, что это значит.

Командир приказал построить весь личный состав на верхней палубе по большому сбору. Построить всех.

Личный состав построен. Командующий флотом здоровается. Поздравляет с успешным походом. Мы громко отвечаем нашим продолжительным "Ура".

Командующий свое поздравление заканчивает следующими, необычайно радостными для нас словами: "А теперь могу сообщить вам, что разведка подтвердила успешную вашу атаку по

ЛК "Тирпиц". Снова еще более громкое "ура", "ура". "Решением правительства каждый из вас награждается орденами и медалями". И опять "ура". Вот почему у адъютанта был чемодан. Это был дорогой чемодан – с орденами и медалями.

Медленно обходит командующий строй и лично каждому из экипажа вручает награду правительства, награду партии за успешную атаку ЛК "Тирпиц".

Закончилась война. Подводная лодка «К-21» стала музеем североморцев.

Эти дни трудно забыть. Многие из подводников не вернулись из своих боевых последних походов. Их имена в наших сердцах навсегда.

Вместо заключения

Как это часто случается, внешне, как будто Отечественная война началась внезапно, неожиданно. Мы знали, что будем воевать, что фашистская Германия пойдёт на авантюру. Мы не знали одного: когда они нападут на нас. Они все продумали – даже день начала войны и её окончание. Ими всё было учтено и взвешено... Кроме одного – кроме беззаветной любви Советского народа к своему Отечеству Октября и партии Ленина. Всё выдержал советский народ и победил! Тогда мы победили не только немецкий фашизм.

В те годы мы нанесли сокрушительное, окончательное поражение мировому империализму, во главе с США в его планах уничтожения Советского государства.

Мировой империализм готовит новую авантюру против нашей родины и стран социалистического лагеря. История не пошла им впрок, но пожар войны все ближе и ближе подходит к нашим границам. Мирный труд советского народа вновь может быть нарушен. И опять это будет внезапно.

Поэтому мы постоянно должны держать наше совершенное оружие в боевой немедленной готовности, чтобы по первому слову "Война" раз и навсегда покончить с империализмом и над всем миром водрузить знамя коммунизма.

В дни Отечественной войны мною велся дневник боевых походов, в которых я лично принимал участие.

Выше я пытался рассказать, как мы атаковали ЛК "Тирпиц". Получилось это или нет, пусть судит читатель.

СПРАВКА О СЕБЕ

Рождение – 19 июня 1913 г.

Член КПСС – с 1939 г.

Служба – с 1934 г.

Окончил ВВМУ им. Фрунзе – 1938 г.

Участник Финской войны на Северном флоте на подводной лодке «М-176» – 1939–40 гг.

Участник Отечественной Войны на Северном Флоте – 1941–45 гг.

ПЛ «К-21» – старпом

ПЛ «М-104» – командир ПЛ

Последнее время – с 1962 г. Командир УОПШ КТОФ.

Правительственные награды: 5 орденов и 7 медалей.

Семья – 7 детей: 4 уже взрослые и имеют свои семьи.

Данные по войне

Участвовал в атаках и потоплении ТРТР:

– на «К-21» – 30 000 т

– на «М-104» («Ярославский комсомолец») – 27 000 т

Совершил боевых походов – 17

Боевых дней в море – 350.

Книжное обозрение

Иван Колышкин, контр-адмирал «Подводные лодки в Арктических водах».

Издательство “Сентрал букс”. Эдгар Янг.

В книге, написанной живым языком, хотя, может быть, несколько эмоционально, что непривычно для нерусского читателя, дается всестороннее описание действий подводных лодок Советского флота в период второй мировой войны.

Эта книга представляет собой большой интерес как для широкого читателя, так и для историков.

Историки найдут в книге подробное и обстоятельное описание блестящей атаки, с успехом проведенной подводной лодкой «К-21» под командованием капитана первого ранга Николая Лунина против немецкого линкора “Тирпиц”.

Эта атака заставила “Тирпиц” и линкор “Адмирал Шеер” прекратить атаку несчастного конвоя PQ-17, хотя он был позорно брошен на произвол судьбы сопровождавшими его помощниками по приказу покойного первого лорда адмиралтейства и начальника военно-морского штаба адмирала флота сэра Дадли Паунда и покойного сэра Уинстона Черчилля.

Достоверность этого успеха нашим адмиралтейством принималась в те времена с некоторой долей сомнения, а ныне эти сомнения полностью рассеялись, как у адмиралтейства, так и многих английских историков, очевидно на основании свидетельств, полученных из немецких источников.

Книга расширяет нашу информацию, которую мы имели раньше из прежде изданной книги “С Красным флотом” командующего Северным флотом адмирала Головки, флот которого действовал в районе Мурманска и других северных портов, и который противодействовал усилиям Гитлера в порабощении СССР. Она затрагивает личности и содержит некоторую долю самокритики, говорящей о том, что не все морские офицеры выдерживали напряжения, такие как Лысенко с «М-172» и капитан Малышев с «Щ-422», в условиях, которые я просто не могу себе представить. Однако я должен сказать, что разделяю трудности автора в понимании того, что произошло с человеком в этом последнем случае, и не могу не думать, что здесь имело место что-то вроде инсценировки, проведенной против него его новым комиссаром Тебенкиным, подобно этому историческому случаю, какой известен нашему флоту как проведенный для “острастки других”.

Перевод книги сделан хорошо, легко читается, хотя мне лично непонятно, почему одна глава носит название “Мы играем роль ломовых лошадей” (14стр.). Но, вероятно, это не вина переводчика.

Однако, я возражаю против практики перевода названия кораблей, в тех случаях, когда это легко сделать, вместо того что бы транскрибировать их. Думаю, что не было необходимости и к тому же это внесло путаницу. Когда название подводных лодок типа Катюша было протранскрибировано, а название подводных лодок типа «Щука» и «Малютка» было переведено на английский язык «Рика» и «Магнет», особенно если эти подводные лодки не относились к типу, который англичане называют – малая подводная лодка.

Заключительный абзац настолько удивителен, что я хочу привести его здесь полностью.

Обращаясь к некоторым капитанам Северного флота, контр-адмирал пишет:

Во время войны эти имена были не только в Советском союзе, но и в странах, которые были в то время нашими союзниками. К сожалению, кое-кто в этих странах принял сумасшедшую идею Гитлера о «крестовом походе» на коммунизм. Было бы полезно им посмотреть на корабли, носящие имена героев советского подводного флота. Это напоминало бы о том, что делал наш численно небольшой флот в годы войны, и помогло бы оценить военные возможности современного численно возросшего флота, сила которого не только в его вполне современной технике, но и его людях, готовых отдать жизни за свою Родину.